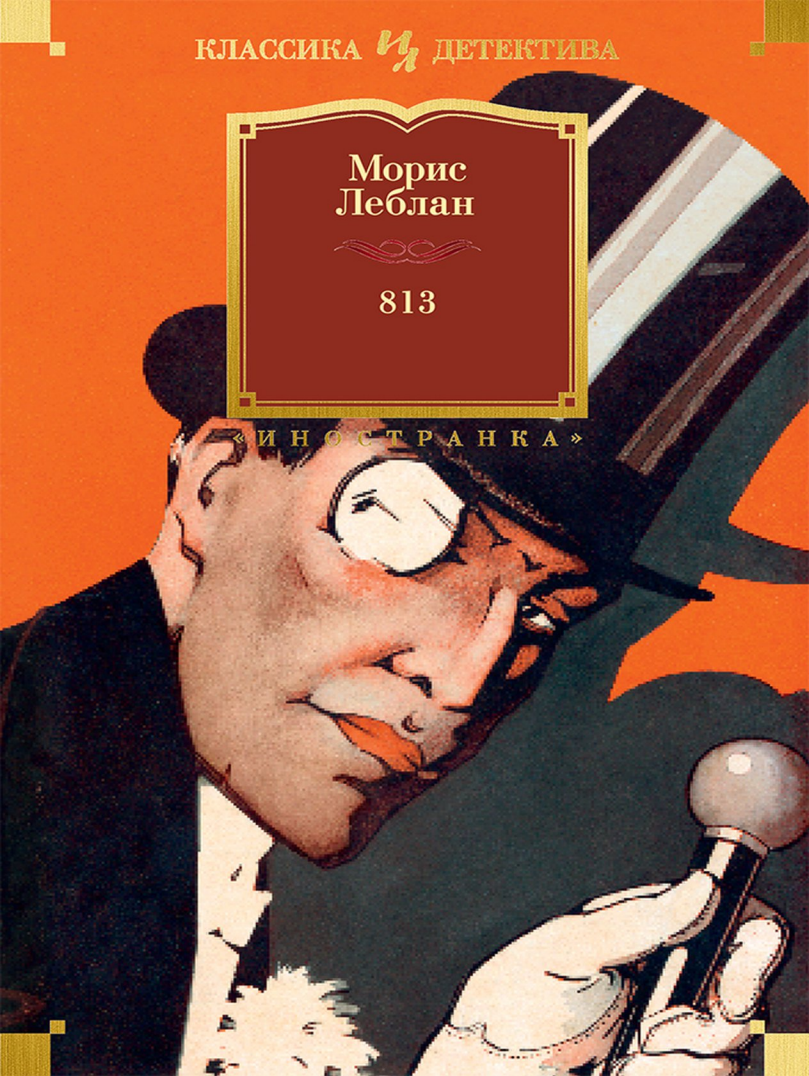
КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Морис Леблан

813

«ИНОСТРАНКА»



813
Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. 813
Часть первая
  Глава первая. Три убийства в «Палас-отеле»
  Глава вторая. Ленорман начинает действовать
  Глава третья. Князь Сернин за работой
  Глава четвертая. Ленорман за работой
  Глава пятая. Ленорман попался в ловушку
  Глава шестая. Парбери-Рибейра-Альтенгейм
  Глава седьмая. Темно-зеленый редингот
Часть вторая
  Глава первая. Тюрьма Санте
  Глава вторая. Страница современной истории
  Глава третья. План Люпена
  Глава четвертая. Потомок Карла Великого
  Глава пятая. Письма императора
  Глава шестая. Семь разбойников
  Глава седьмая. Человек в черном
  Глава восьмая. Карта Европы
  Глава девятая. Три преступления Арсена Люпена
  Эпилог. Самоубийство

Аннотация

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. «813» продолжает серию романов о

Арсене Люпене – неуловимом грабителе, о подвигах которого трубят все газеты, таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячью обличий.

Роман сопровождается иллюстрациями французских художников из первых оригинальных изданий.

Морис Леблан
813

КЛАССИКА

ДЕТЕКТИВА

Maurice Leblanc
813
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

* * *

Часть первая

Глава первая
Три убийства в «Палас-отеле»

I

Кессельбах вдруг остановился у входа в салон и проговорил с беспокойством в голосе:

— Чепман, здесь кто-то был.

— Что вы, что вы, — запротестовал секретарь, — вы сами отперли входную дверь, и все время, пока мы завтракали в ресторане, ключ был у вас.

— И все-таки здесь кто-то был, Чепман, — повторил Кессельбах, показывая на саквояж, лежавший на камине. — Видите, вот доказательство. Саквояж был заперт. Теперь он открыт.

Чепман не соглашался:

— Уверены ли вы в том, что заперли его? Тем более что там нет ничего важного — туалетные принадлежности…

— Там нет ничего, потому что я перед уходом из предосторожности вынул оттуда портфель… иначе… Нет, Чепман, я вам верно говорю, в наше отсутствие здесь кто-то был.

Он подошел к телефону, висевшему на стене, и снял трубку:

— Алло, это Кессельбах. Будьте добры, мадемуазель, соедините с полицейской префектурой, отделение сыскной полиции. Что?.. Да… Я подожду у аппарата.

Спустя минуту он продолжал:

— Сыскная полиция? Я хотел бы поговорить с вашим начальником, господином Ленорманом. Моя фамилия Кессельбах… Господин Ленорман знает, зачем я прошу… Я звоню с его разрешения… Ах, его нет? С кем же я тогда имею честь говорить? Господин Гурель, инспектор сыскной полиции? Но ведь вы, господин Гурель, кажется, присутствовали вчера при нашем разговоре с Ленорманом… так вот, господин инспектор, то же самое повторилось. Кто-то был в занимаемом мною помещении. И если вы сейчас же, не теряя времени, приехали бы, вы, возможно, нашли бы какие-то следы… Что? Не можете сейчас?.. Через час или два? Ну хорошо… Не забудьте только: номер четыреста пятнадцать. Еще раз благодарю.

По приезде в Париж, неделю назад, Рудольф Кессельбах — бриллиантовый король и миллионер — остановился в «Палас-отеле». Он занимал номер на четвертом этаже, состоявший из трех комнат, две из которых — гостиная и другая, служившая кабинетом и спальней, — выходили

окнами на авеню; третья же, занимаемая секретарем, была со стороны улицы Жюдэ. За комнатой секретаря следовали пять комнат, предназначенных для госпожи Кессельбах, которая находилась в Монте-Карло и ожидала звонка мужа, чтобы тотчас приехать.

В продолжение нескольких минут Рудольф Кессельбах ходил по комнате с озабоченным видом. Это был еще довольно молодой человек высокого роста с румяным лицом, мечтательными голубыми глазами, ласковое выражение которых резко контрастировало с невысоким энергичным лбом и сухой угловатой челюстью.

Кессельбах подошел к окну — оно было закрыто. Балкон, на который выходила дверь гостиной, был отделен каменными простенками от соседних балконов.

Каким же образом можно было проникнуть в его номер?

Он прошел в свою комнату: она была совершенно не связана с соседними. Затем он проверил комнату своего секретаря: дверь, соединявшая ее с помещением, приготовленным для госпожи Кессельбах, была заперта на замок и задвижку.

— Я ничего не понимаю, Чепман. Вот уже несколько раз, как я замечаю кое-что… признай-

те, очень странное. Вчера моя палка была не на месте… Третьего дня кто-то рылся в моих бумагах, я в этом уверен. И в то же время — как можно проникнуть сюда? Не понимаю…

— Это невозможно, — сказал Чепман, — все это ваша усталость, мнительность… у вас же нет явных доказательств. Да и потом, сюда нельзя войти иначе как через входную дверь. К тому же в день приезда вы заказали особый замок, ключи от которого есть только у вас и у Эдуарда. Вы ему вполне доверяете?

— Еще бы! Он уже десять лет служит у меня. Но Эдуард завтракает одновременно с нами, и это не дело. С нынешнего дня пусть он уходит лишь после того, как мы вернемся.

Чепман в ответ слегка пожал плечами. Действительно, миллионер становится странным со своей необъяснимой мнительностью. Но какой опасности подвергается он в многолюдном отеле, тем более что при нем нет ни большой суммы денег, ни чего-либо особо ценного.

Они услыхали, что кто-то вошел. Это был Эдуард. Кессельбах спросил:

— Вы в ливрее, Эдуард? Ну хорошо. Я никого не жду сегодня. Впрочем, должен заехать Гурель. Вы оставайтесь в передней и не впускайте никого.

Мы с Чепманом заняты.

Кессельбах разобрал полученную за день почту, просмотрел три-четыре письма и сказал, что́ надо ответить. Но вдруг Чепман, сидевший с пером в руке, заметил, что внимание его патрона привлечено чем-то другим. Он держал в руках и внимательно рассматривал черную, согнутую крючком булавку.

— Видите, Чепман, что я нашел на столе? Во всяком случае это значит несколько больше, чем согнутая булавка. Это — то ясное доказательство, о котором вы говорили. И после этого вы будете еще продолжать настаивать на том, что здесь никого не было? Ведь не могла же эта булавка сама прилететь сюда, ко мне на стол?

— Конечно нет, — ответил секретарь, — это я положил ее.

— Когда?

— Вчера. Я прикалываю этой булавкой галстук, и вчера, пока вы читали, я машинально вытащил ее и забыл здесь.

Кессельбах встал. Было заметно, что его что-то мучило, он сделал несколько шагов и сказал:

— Вы, конечно, в душе смеетесь надо мной, Чепман, и вы правы… Я нисколько не отрицаю, что стал мнительным после последней поездки

в Капштадт. Но для этого у меня есть причины… Ах, Чепман, вы не можете себе представить. Есть один проект, который… Короче, если все будет так, как я задумал, я стану очень могучим… Да что там моя Капская земля! У меня появятся настоящие королевства. И те, кто сегодня ко мне, сыну медника из Аугсбурга, относятся свысока, будут смотреть снизу вверх… Да-с, Чепман, будьте уверены в этом…

Он вдруг остановился и взглянул на Чепмана, как бы сожалея о том, что слишком много сказал, и все-таки, будучи не в силах преодолеть своего желания высказаться, продолжал:

— Теперь вы понимаете, Чепман, почему я так беспокоюсь. Я почти уверен, что кто-то подозревает о моем проекте и выслеживает меня.

Раздался звонок.

— Телефон, — сказал Чепман.

— А! Быть может, это как раз… — пробормотал Кессельбах, беря трубку. — Алло? Колонель? Хорошо, хорошо… Не беспокойтесь, я дам строгое распоряжение не впускать никого… Приезжайте, не теряя ни минуты. Я жду!

Кессельбах положил трубку и сказал:

— Чепман, сейчас приедут два господина. Эдуард их впустит…

— А как же инспектор Гурель?

— Он приедет позднее, через час. Да не беда, если они и встретятся… Итак, Чепман, распорядитесь, чтобы Эдуард сошел вниз, в контору, и сказал, что меня нет дома ни для кого, кроме Колонеля, его друга и господина Гуреля. Пусть запишут имена.

Чепман исполнил приказание. Возвратившись, он застал Кессельбаха, в раздумье державшим в руках нечто вроде пустого конверта из черного сафьяна. Он колебался, как бы не зная, что с ним делать. Наконец он подошел к камину и бросил его в саквояж.

— Закончим с почтой, Чепман, у нас есть еще десять минут. А! Письмо от госпожи Кессельбах? Что же вы его раньше мне не дали? Вы не узнали ее почерк?

И, с наслаждением вдыхая легкий запах духов от конверта, он распечатал его и стал читать.

— Госпожа Кессельбах будет здесь завтра, в среду.

Миллионер казался довольным и веселым, как будто тяжесть его дела уменьшилась и исчезли все заботы. Он весело потер руки и свободно вздохнул.

— Кто-то звонит, Чепман. Пойдите посмотрите.

Чепман не успел исполнить приказание патрона, как в комнату вошел Эдуард и сказал:

— Два господина спрашивают барона. Это те…

— Знаю. Они там, в передней?

— Да.

— Заприте двери и больше никого не впускайте, кроме Гуреля, инспектора полиции. Вы же, Эдуард, попросите их сюда и скажите, что я хотел бы переговорить сначала с одним Колонелем.

Эдуард и Чепман вышли, закрыв за собой дверь гостиной. Рудольф Кессельбах подошел к окну и прислонился лбом к стеклу. Внизу в свете весеннего солнца блестели крыши экипажей и автомобилей. На деревьях уже начинала показываться зелень, и на каштанах были маленькие листья.

— Какого черта Чепман так долго там возится? — проговорил вполголоса Кессельбах.

Он взял со стола папиросу и закурил ее. Вдруг легкий крик вырвался у него. Перед ним стоял совершенно незнакомый человек. Кессельбах невольно отступил на шаг.

— Кто вы? — спросил он.

Незнакомец, элегантно одетый брюнет с уверенным взглядом, ответил шутливо:

— Кто я? Ну конечно Колонель.

— Нет, вовсе нет! Тот, кого я называю Колонелем и кто мне пишет, подписываясь «Колонель», — это не вы.

— Так-так… Да видите ли, мой дорогой, все это совершенно не важно. Самое главное в том, что я есть я и, клянусь вам, что перед вами нахожусь я.

— Но, наконец, милостивый государь, ваше имя?

— Колонель…

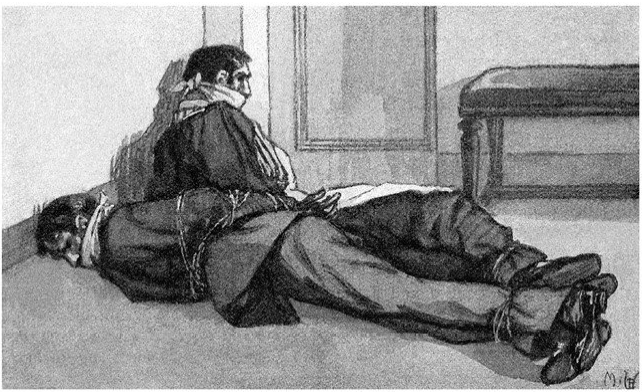
Страх постепенно охватывал Кессельбаха. Кто был этот человек? Чего он хотел от него?

Он позвал:

— Чепман!

— Что за странная мысль! Неужели вам недостаточно моего общества?

— Чепман! — снова позвал Кессельбах. — Чепман! Эдуард!



— Чепман, Эдуард, — сказал в свою очередь незнакомец, — что вы там делаете, друзья мои? Разве вы не слышите, вас зовут!

— Я вас прошу, нет, приказываю пропустить меня! — проговорил Кессельбах.

— Да кто же вам, мой дорогой, мешает? Пожалуйста!

И незнакомец вежливо дал дорогу. Кессельбах быстро подошел к двери, открыл ее и сейчас же

отскочил назад. Перед дверью стоял другой человек с направленным на него револьвером.

— Эдуард… Чеп… — начал было слабым голосом Кессельбах, но не закончил, увидав, что его секретарь и слуга лежат крепко связанными в углу с кляпами во рту. Кессельбах, несмотря на свой мнительный характер, был храбрым человеком. Тихо, изображая на своем лице страх, он отступал назад, пока не ударился спиной о камин. Его рука судорожно искала электрический звонок. Найдя его, он с силой нажал пуговку звонка…

— И что дальше? — спросил незнакомец.

Не отвечая, Кессельбах продолжал нажимать кнопку.

— Ну а дальше? Вы что же, надеетесь, что поднимете этой пуговкой на ноги весь отель? Да обернитесь же и посмотрите: проволока обрезана.

Кессельбах живо обернулся, как бы желая убедиться в верности сказанного, но в то же время он быстрым движением руки выхватил револьвер из саквояжа, навел его на незнакомца и спустил курок.

— Ловко! — сказал тот. — Чем это вы заряжаете ваше оружие?

Второй, третий раз щелкнул курок, но выстрела

не последовало.

— Ну, еще три раза, король Капштадта. Я только тогда буду доволен, когда во мне будут все шесть пуль. Что же вы? Отказываетесь? Напрасно. Такая хорошая и удобная цель, — продолжал смеяться незнакомец.

Он взял стул за спинку, повернул его и сел верхом, указав Кессельбаху на кресло:

— Потрудитесь присесть, мой дорогой, и будьте как дома. Папиросу? Лично я больше люблю сигары.

Коробка упмановских сигар стояла на столе. Он выбрал светлую, хорошо набитую сигару, закурил ее и сказал, слегка наклонясь:

— Благодарю. Великолепная сигара. А теперь поговорим, если желаете.

Рудольф Кессельбах слушал его с большим изумлением. Кто был этот странный человек? Но, видя, что он мирно настроен, Кессельбах стал понемногу успокаиваться, и у него мелькнула надежда, что вся история может окончиться без насилия.

Он достал из кармана бумажник, развернул его, вынул оттуда значительную пачку банковых билетов и спросил:

— Сколько?

Незнакомец посмотрел на него с недоумевающим видом, как будто не понимал, в чем дело, и через минуту позвал:

— Марко!

Человек с револьвером подошел.

— Вот, Марко, господин так любезен, что предлагает тебе эту мелочь на расходы твоей подруги. Возьми, Марко.

Не выпуская револьвера, Марко протянул левую руку, взял банковые билеты и вышел.

— А теперь перейдем к цели моего посещения, — продолжал незнакомец. — Я буду краток и ясен. Мне нужны две вещи. Сначала маленький конверт из черного сафьяна, который вы обыкновенно носите при себе, и потом ящик из черного дерева, который еще вчера был в этом саквояже. Начнем по порядку. Пожалуйста, позвольте мне конверт!

— Сожжен.

Незнакомец нахмурил брови:

— Хорошо, мы это проверим потом. А ящик из черного дерева?

— Сожжен.

— А! Вы насмехаетесь надо мной, мой милый! — закричал незнакомец и с силой сжал руку миллионера. — Нам все известно. Вы, Рудольф

Кессельбах, вчера вошли в «Лионский кредит» на Итальянском бульваре, пряча сверток под пальто, и сняли несгораемый ящик. Скажем точнее: шкаф номер шестнадцать, проход девятый. Расписавшись и уплатив, вы спустились в кладовую, а когда вернулись, с вами не было больше свертка. Так?

— Так.

— Следовательно, ящик и конверт находятся в «Лионском кредите»?

— Нет.

— Хорошо. Дайте мне ключ от несгораемого шкафа.

— Нет, не дам.

— Марко!

Вбежал Марко.

— Поди сюда, Марко, свяжи его.

Прежде чем Кессельбах успел что-либо сообразить, он был схвачен веревками. Его руки были скручены за спиной, тело привязано к креслу, а ноги опутаны повязками, как у мумии.

— Обыщи его, Марко!

Марко стал обыскивать и через две минуты вручил своему начальнику плоский никелевый ключ, на котором стояли два числа: 16 и 9.

— Великолепно. А кожаного конверта нет?

— Нет.

— Он в несгораемом шкафу. Ну-с, господин Кессельбах, будьте любезны назвать мне секретный шифр, которым открывается шкаф.

— Нет. Не скажу.

— Вы что же, отказываетесь?

— Да.

— Марко!

— Слушаю.

— Приложи дуло твоего револьвера к виску этого господина.

— Есть.

— Положи палец на собачку курка.

— Сделано.

— Ну, Кессельбах, ты скажешь шифр?

— Нет.

— Я даю тебе десять секунд и ни одной больше. Марко!

— Слушаю.

— Через десять секунд ты отправишь пулю в мозг этому господину.

— Хорошо.

— Я считаю, Кессельбах. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, с…

Рудольф Кессельбах сделал знак.

— Что? Ты хочешь говорить?

— Да.

— Как раз время. Ну-с, шифр… слово, необходимое, чтобы отпереть шкаф.

— Долор.

— Долор… Долор… Не зовут ли госпожу Кессельбах Долорес? Приезжай, милая… Марко, слушай меня внимательно. Сейчас ты отправишься к Жерому, который ждет тебя в бюро омнибусов, передашь ему ключ, назовешь шифр и вместе пойдете в «Лионский кредит». Жером войдет туда один, распишется там, спустится в кладовую и возьмет все содержимое несгораемого шкафа. Понял?

— Да. Ну а если шкаф не откроется при этом шифре, слово «Долорес» не…

— Погоди, Марко. После того как Жером выйдет из «Лионского кредита», ты оставишь его, пойдешь к себе и сообщишь мне по телефону о результате операции. Если же окажется, что шкаф заперт другим шифром, у меня будет с моим другом Рудольфом Кессельбахом особый разговор. Кессельбах, ты уверен в том, что не ошибся?

— Да.

— Отправляйся, Марко.

— А как же вы, начальник?

— Я? Я останусь. Никогда я не был в такой без-

опасности, как теперь. Не правда ли, Кессельбах, ты ведь строго распорядился никого не впускать?

— Да.

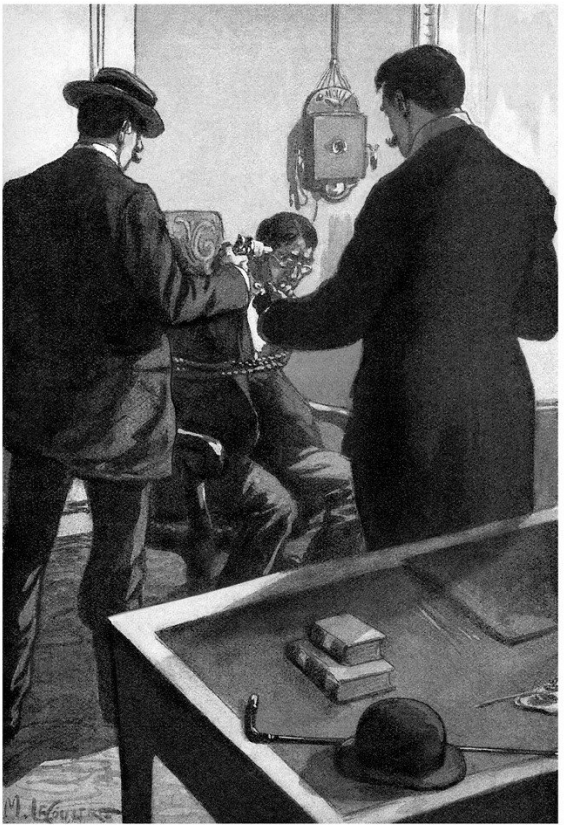
— Черт возьми! Ты слишком поспешно отвечаешь, мой милый. Может быть, ты старался только выиграть время? Тогда я попался в ловушку, как идиот…

Он задумался, внимательно посмотрел на своего пленника и сказал:

— Нет, это невозможно, нам никто не помешает…

Не успел он закончить, как зазвонил звонок входной двери. Моментально он положил руку на рот Кессельбаха:

— А, старая лисица, ты ждал кого-то!



В глазах связанного блеснул луч надежды, казалось, он усмехался, несмотря на руку незнакомца, мешавшую ему дышать.

Незнакомец задрожал от бешенства.

— Молчи, а не то я тебя задушу. Марко, заткни ему рот. Живо!

Снова раздался звонок. Незнакомец закричал, подражая Кессельбаху:

— Да отворяйте же, Эдуард!

Он тихо прошел в переднюю и шепотом, показывая на секретаря и слугу, сказал:

— Марко, помоги мне отнести их туда, в комнату, чтобы их не было видно.

Он сам взял секретаря, а Марко — лакея.

— Отлично, теперь иди в гостиную. — Незнакомец снова вышел в переднюю и сказал громко:

— Но вашего лакея нет здесь, Кессельбах. Не беспокойтесь, заканчивайте письмо, я сам отворю.

И он спокойно открыл входную дверь.

— Господин Кессельбах? — спросили его.

Перед ним стоял здоровенный мужчина, с веселым, живым лицом. Он переминался с ноги на ногу и мял в руках поля своей шляпы.

— Да, здесь. Как о вас доложить?

— Господин Кессельбах ждет меня, он звонил мне…

— Ах, так это вы… будьте добры подождать одну минуту, я сейчас скажу, и господин Кессельбах выйдет к вам.

Незнакомец был настолько дерзок, что оставил пришедшего на пороге передней, откуда он мог видеть через открытую дверь часть гостиной, а сам медленно, не оборачиваясь, прошел в гостиную, где был его товарищ рядом с Кессельбахом.

— Мы пропали, — тихо сказал он, — это Гурель, из сыскной полиции.

Марко схватился за нож, незнакомец остановил его:

— Не делай глупостей, слышишь. У меня есть одна мысль. Только ради бога пойми меня, Марко. И говори… говори, как если бы ты был Кессельбахом… Ты понимаешь, Марко, ты — Кессельбах.

Он говорил с таким хладнокровием и силой, что Марко понял без дальнейших объяснений роль, которую он должен был сыграть, и сказал умышленно громко:

— Вы извините меня, мой дорогой, — скажите Гурелю, что я очень огорчен. Я слишком, слишком занят… Я прошу его зайти ко мне завтра утром в девять часов.

— Хорошо, — прошептал другой.

Он возвратился в переднюю и сказал Гурелю,

слышавшему, что говорил Марко:

— Господин Кессельбах извиняется. Он заканчивает одну очень важную работу. Не можете ли вы прийти завтра утром, в девять часов?

Наступило молчание. Гурель, по-видимому, был удивлен и колебался. Рука незнакомца в кармане сжалась в кулак: один подозрительный жест Гуреля — и он бы ударил его.

Наконец Гурель сказал:

— Хорошо... Завтра в девять? Хорошо, я буду здесь.

И, надев шляпу, он пошел по коридору отеля.

Марко в гостиной задыхался от смеха.

— Вот ловко, патрон! А здорово мы его провели!

— Не теряй времени, Марко, пойди проследи за ним. Если он выйдет из отеля, ты его оставишь и отправишься к Жерому, как мы условились.

Марко быстро ушел.

Тогда незнакомец взял с камина графин с водой, налил себе большой стакан и выпил его залпом, потом намочил платок, вытер пот, покрывший его лоб, и, сев рядом со своим пленником, сказал с преувеличенной вежливостью:

— Необходимо, однако, представиться вам, господин Кессельбах, — и, вынув визитную кар-

точку из кармана, прибавил: — Арсен Люпен, вор-джентльмен.

II

Имя знаменитого искателя приключений произвело наилучшее впечатление на Кессельбаха. Люпен заметил это.

— Ага, дорогой мой! — воскликнул он. — Вы вздохнули свободно. И вы правы: я вор, только вор. Кровь внушает мне отвращение, и я никогда не совершал никакого другого преступления, кроме присвоения чужой собственности. Пустяки, о которых не стоит говорить, не правда ли? Вы, конечно, убеждены, что я не возьму на совесть убийства. Да, это так. Но весь вопрос в том, что я не знаю, не будет ли полезным вас устранить... Да, клянусь вам, я вовсе не шучу. Но ближе к делу.

Он пододвинул свой стул к креслу, к спинке которого был привязан миллионер, и, освободив его рот от повязки, начал:

— Кессельбах, в первый день твоего приезда в Париж ты завязал отношения с неким Барбаре, директором частного сыскного агентства, а так как ты действовал без ведома Чепмана, то у вас было условлено с Барбаре, что он будет переписываться и говорить с тобой по телефону под

именем Колонеля. Должен тебе сказать, что Барбаре — честнейший человек в мире, но, на мое счастье, в числе моих лучших друзей есть один из его служащих. И от него-то мне и известно, зачем ты обратился к Барбаре.

Люпен понизил голос и, пристально вглядываясь в глаза связанного, продолжал:

— Ты поручил Барбаре отыскать среди подонков Парижа человека по имени Пьер Ледюк по следующим подробным приметам: рост — метр шестьдесят пять, блондин, носит усы. Особые приметы: недостает кончика мизинца на левой руке, на правой щеке — малозаметный шрам. Ты очень стараешься найти этого человека: очевидно, с его помощью ты мог бы устроить очень выгодное дело. Кто этот человек?

— Не знаю.

— Положим, — продолжал Люпен. — Но у тебя есть, наверное, еще какие-нибудь сведения, кроме сообщенных тобою Барбаре?

— Никаких.

— Ты лжешь. Два раза в разговоре с ним ты заглядывал в бумаги, которые лежат у тебя в кожаном конверте.

— Да, это правда.

— Ну-с, где же этот конверт?

— Сожжен.

Люпен задрожал от бешенства:

— Сожжен? Так… Ну а ящик из черного дерева? Ведь он в «Лионском кредите»?

— Да.

— И что в нем находится?

— Двести самых лучших бриллиантов из моей коллекции.

Этот ответ произвел самое лучшее впечатление на авантюриста.

— Вот как! Да ведь это, мой милый, целое состояние… Но для тебя это пустяки. Твоя тайна стоит гораздо дороже.

Он взял сигару, машинально зажег спичку, закурил и задумался. Прошло несколько минут в молчании. Вдруг Люпен рассмеялся:

— Ты надеешься, что мои люди не откроют несгораемый шкаф. Возможно, но тогда тебе придется туго. Я пришел сюда вовсе не для того, чтобы смотреть, какой у тебя вид, когда тебя привяжут к креслу. Раз бриллианты, так бриллианты… или тот кожаный конверт! Можешь выбирать…

Он посмотрел на часы.

— Черт возьми! Уже полчаса прошло. Я вовсе не шучу, Кессельбах. Даю тебе честное слово…

Звонок телефона прервал Люпена. Он схватил

трубку и сказал, подражая грубому голосу миллионера:

— Да, это я, Рудольф Кессельбах… Будьте любезны соединить, мадемуазель… Это ты, Марко? Все удалось? Счастливо? Поздравляю, мой милый… Ну, что же вы там нашли? Ящик из черного дерева? Бумаг никаких? Ну а в ящике? Что, хороши бриллианты? Отлично, отлично… Постой, Марко, мне надо подумать… — Он обернулся. — Кессельбах, ты дорожишь этими бриллиантами?

— Да.

— Купишь ли ты их у меня?

— Может быть.

— Сколько ты даешь? Пятьсот тысяч?

— Хорошо… пятьсот тысяч…

— Только вот в чем дело. Как нам обменяться? Чек? Нет. Неудобно. Или ты меня обманешь, или я тебя проведу… Слушай, вот как мы сделаем: послезавтра утром ты отправишься в «Лионский кредит», возьмешь пятьсот тысяч и придешь в Булонский лес… Я привезу с собой бриллианты в саквояже… это будет удобнее, а то ящик очень заметен…

Кессельбах вздрогнул:

— Нет-нет… непременно ящик… мне надо все…

— Та-та-та! — расхохотался Люпен. — Попался,

мой милый! Потеря бриллиантов тебя не очень огорчает… будут другие… А вот ящиком ты дорожишь больше жизни… Ну ладно! Ты получишь свой ящик, честное слово Арсена Люпена… завтра утром, по почте…

Он обернулся к телефону.

— Марко, ящик у тебя перед глазами? Что в нем особенного? Черное дерево с инкрустацией из слоновой кости… знаю, знаю… японский стиль из предместья Сент-Антуан. Больше ничего? А!.. Маленькая этикетка с голубой каймой с номером… торговая пометка без всякого значения? Хорошо… А что дно ящика — очень толстое? Нет, не очень. Черт возьми! Значит, нет двойного дна… Вот что, Марко, посмотри внимательней на инкрустацию внизу, или нет, лучше на крышке.

Люпен вздрогнул от радости.

— На крышке, на крышке, Марко! Кессельбах заморгал глазами… волнуется… А, мой милый Кессельбах, разве ты не заметил, что я за тобой слежу? Ну что же, Марко? Что ты там нашел? Зеркало на внутренней стороне крышки? Так… что, оно двигается? Нет? Ну разбей его тогда! Ах да, я говорю тебе, разбей его! Оно совершенно ни к чему! Его потом приделали…

Он закричал нетерпеливо:

— Фу ты, дурак какой! Не вмешивайся в то, что тебя не касается! Слушайся… Что? Письмо?

С торжествующим видом Люпен воскликнул:

— Что я говорил тебе, Кессельбах! Мы добьемся того, что нам нужно! Победа! Все бриллианты Капской земли и тайна миллионера.

Он приложил трубку к уху и продолжал:

— Читай, Марко, спокойно, внятно… Сначала конверт. Так… Что? Копия письма, находящегося в конверте из черного сафьяна? Хорошо. Ну-с, дальше… Разорви конверт, Марко! Вы позволяете, господин Кессельбах? Сознаюсь, невежливо, но что же делать? Рви, рви, Марко, господин Кессельбах разрешает… Ну что же? Отлично, читай.

Он внимательно слушал, потом сказал:

— Да-с, нельзя сказать, чтобы этого было слишком много. Итак, вот что там: простой лист бумаги, сложенный вчетверо, изгибы кажутся совершенно новыми. Так… Наверху, на правой стороне листа написано: один метр шестьдесят пять, мизинец левой руки обрезан, и далее идет подробное описание примет Пьера Ледюка. Хорошо… Все это написано рукой Кессельбаха… Великолепно… и посередине письма заглавными буквами: «АПООН». Вот что, Марко, ты оставь все это в покое, не трогай ни ящика, ни бриллиантов.

Через десять минут я кончу с Кессельбахом, а через двадцать буду у тебя.

Люпен положил трубку на место, прошел в переднюю, потом в комнату, где лежали Чепман и Эдуард, посмотрел, не удалось ли им освободиться от веревок, и возвратился к своему пленнику. Лицо Люпена приняло решительное выражение.

— Кончены шутки, Кессельбах! Будешь говорить или нет?

— Что говорить?

— Не строй дурака! То, что ты знаешь об этом деле.

— Я ничего не знаю.

— Ты лжешь. Что значит слово «АПООН»?

— Если бы я знал, я не стал бы его записывать.

— Положим. Но откуда ты взял его? К чему оно относится?

Кессельбах ничего не отвечал.

Люпен заговорил нервным тоном, возбужденно:

— Слушай, Кессельбах, я сделаю тебе предложение. Сын медника из Аугсбурга и король воров могут заключить деловой союз без всякого ущерба для чести того или другого. Я ворую в домах, а ты — на бирже. Одно стоит другого. Итак, я предлагаю тебе, Кессельбах, объединить наши

усилия. Ты мне нужен потому, что я не знаю. Я тебе нужен потому, что ты один ничего не сделаешь. Барбаре глуп, а я — Люпен. Это что-нибудь да значит. Идет?

Кессельбах молчал. Люпен продолжал голосом, в котором слышалась дрожь:

— Отвечай, Кессельбах! Если ты согласен — я через сорок восемь часов отыщу твоего Пьера Ледюка. Ведь все же дело только в нем? Не так ли? Отвечай же! Что это за человек? Почему ты его ищешь? Что ты знаешь о нем?

Лицо Люпена приняло угрожающе спокойное выражение, он положил руку на плечо Кессельбаха и сказал сухо:

— Одно слово: да или нет?

— Нет.

Люпен вынул из кармана в жилете миллионера великолепный хронометр, положил его к нему на колени, потом расстегнул Кессельбаху жилет, отодвинул рубашку и, схватив стальной стилет с золотой ручкой, лежавший на столе, коснулся острием того места, где тело слегка колыхалось от биения сердца.

— Последний раз я спрашиваю.

— Нет.

— Господин Кессельбах, сейчас без восьми

минут три. Если через восемь минут вы мне не ответите, вы умрете.

III

На следующий день утром, в девять часов, инспектор Гурель пришел в «Палас-отель». Минуя лифт, он направился по лестнице на четвертый этаж, повернул направо в коридор и позвонил в четыреста пятнадцатый номер. В ответ на его звонок не послышалось ни звука. После нескольких безуспешных попыток он обратился к метрдотелю:

— Что с господином Кессельбахом? Его нет у себя?

— Господин Кессельбах не ночевал в номере, я его видел в последний раз вчера после обеда.

— Ну а его слуга и секретарь, где же они?

— Не знаю, я их не видел сегодня.

— Они тоже не ночевали в отеле?

— Наверное.

— Что это за «наверное»! Вы обязаны знать точно!

— Нет, господин Кессельбах занимает отдельное помещение, у него своя прислуга, и нас совершенно не касается, что у него происходит.

Гурель оказался в затруднении. Растерянный,

он подал свою визитную карточку метрдотелю и спросил на всякий случай:

— Вы не видели, значит, как они вернулись?

— Нет, не видел.

— Но вы, конечно, видели, как они ушли?

— Тоже не видел.

— Так откуда же вы знаете, что они ушли?

— Мне сказал это один господин, бывший вчера около трех часов дня в номере четыреста пятнадцать.

— Какой господин? С темными усами?

— Да, я встретил его, когда он уже уходил. Он сказал мне: «Господин Кессельбах, его секретарь и слуга сейчас уехали. Кессельбах будет ночевать сегодня в Версале, куда вы и направите ему почту».

— Но кто был этот господин? От чьего имени он так говорил?

— Я не знаю.

Все это показалось Гурелю довольно странным, и беспокойство постепенно охватило его.

— У вас есть ключ от номера четыреста пятнадцать?

— Нет, нету. Кессельбах заказал себе особые замки.

— Пойдемте, позвоним еще.

Гурель снова несколько раз продолжительно позвонил в дверь номера четыреста пятнадцать. Ничего. Он уже было совсем собрался уходить, как вдруг нагнулся и приложил ухо к замочной скважине.

— Послушайте, — сказал он, — там раздаются стоны…

Он с силой ударил кулаком в дверь.

— Виноват, вы не имеете права…

— Это я-то не имею права? Еще чего!

И он удвоил силу ударов, но скоро убедился в бесполезности этого.

— Живо слесаря сюда, скорее!

Гурель шумно расхаживал взад и вперед перед дверью номер четыреста пятнадцать. Постепенно собирались кучками лакеи с других этажей, конторщики, служащие.

— А почему бы нам не войти туда через соседние номера? — спросил Гурель. — Ведь они же наверняка сообщаются.

— Да, но двери обыкновенно, кроме замка, заперты еще на задвижку с двух сторон.

— Ну, тогда я позвоню сейчас в сыскное, — сказал Гурель.

— И полицейскому комиссару, — добавил кто-то.

— Да, пожалуй, — ответил инспектор.

Гурель пошел звонить. Когда он вернулся, слесарь был уже на месте и пробовал подобрать ключ. Наконец дверь открылась. Гурель быстро вошел и бросился туда, откуда раздавались стоны. Он наткнулся на связанных Чепмана и Эдуарда. Гурель освободил их и отправился искать Кессельбаха. Он нашел миллионера в гостиной. Кессельбах сидел в кресле, привязанный к спинке, его голова склонилась на грудь.

— Он в обмороке, — сказал Гурель, подходя к нему.

Инспектор быстро перерезал веревки и тело медленно покачнулось вперед. Гурель хотел поддержать его и отскочил с криком ужаса:

— Он мертв!

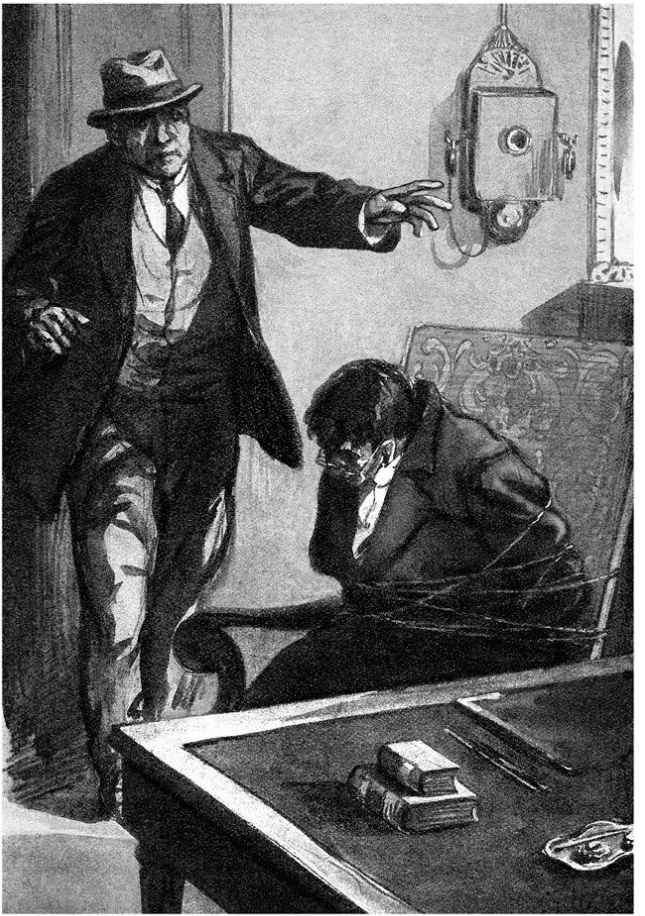
— Наверное, удар или разрыв сердца, — сказал кто-то из присутствующих.

— В самом деле, незаметно никаких признаков насилия, это естественная смерть.

Труп положили на диван и хотели снять с него одежду. Но тотчас же на рубашке увидали красные пятна крови и под ними, там, где находится сердце, маленькую ранку, из которой текла тоненькая струйка крови. К рубашке была приколота визитная карточка, вся пропитавшаяся

кровью. Гурель нагнулся и увидел, что это была карточка Арсена Люпена. Гурель мгновенно выпрямился и строго приказал:

— Выйдите все из этой комнаты. Все, все… Здесь преступление… Арсен Люпен!.. Не трогайте ничего и уходите… Секретаря и слугу перенесите в соседний номер и там позаботьтесь о них… Сейчас придет начальник сыскной полиции!



IV

— Арсен Люпен! — Гурель повторял эти зловещие два слова с растерянным видом. — Арсен Люпен! Король воров, авантюрист! Да может ли это быть? Нет-нет, это невозможно, — бормотал Гурель, — невозможно, потому что он… умер. Арсен Люпен! Только… действительно ли он умер?

Гурель стоял перед трупом, растерянный, уничтоженный, со страхом рассматривая визитную карточку, как будто получил ее от привидения. Арсен Люпен! Что же делать? Приступать сию же минуту к розыску, вступить в битву собственными силами? Нет, нет, лучше подождать. Он неизбежно наделает ошибок в борьбе с таким противником. К тому же сейчас придет начальник.

Без начальника — ни шага. Таков был Гурель. Он обладал геркулесовой силой, был ловок и храбр, был опытен, но он принадлежал к числу людей, которые могут только исполнять данное поручение. И если в нем и были какие-то зачатки самостоятельности, то он лишился их окончательно с тех пор, как место Дюдуи в полиции занял Ленорман. Вот это был настоящий начальник сыскной полиции! С этим можно было быть

спокойным — он не ошибется!

Ленорман должен был вот-вот приехать. По своим часам Гурель точно рассчитал время его приезда. Только бы полицейский комиссар или судебный следователь не приехали прежде него и не приступили бы к расследованию раньше, чем начальник успеет осмотреть место преступления.

— Ну, Гурель, о чем ты мечтаешь?

— Начальник!

Если судить по выражению лица и блеску глаз, господин Ленорман казался еще довольно молодым, тогда как согнутая спина, желтая, как воск, высохшая кожа, седые волосы, борода и больной, слабый вид делали его похожим на старика. Бóльшая часть его жизни прошла на службе в колониях в должности правительственного комиссара, причем случилось так, что ему пришлось занимать трудные и ответственные посты. В придачу к лихорадке, полученной там, он стал угрюмым и приобрел привычку действовать молча. Когда ему было пятьдесят пять лет, знаменитое дело трех испанцев из Бисора доставило ему известность. Правительство пожелало загладить свое несправедливое отношение к нему, и он неожиданно для себя был назначен в

Бордо, потом — помощником начальника сыскной полиции в Париже, а после смерти господина Дюдуи занял его место. На всех занимаемых им должностях Ленорман проявлял огромную находчивость. После того как он с блеском раскрыл несколько скандальных судебных дел, он обрел репутацию одного из известнейших сыщиков Франции.

Для Гуреля же Ленорман был богом, который никогда не ошибается.

В тот день у Ленормана был особенно усталый вид. Он сел на стул, раздвинул полы своего знаменитого темно-зеленого редингота старинного покроя и, развязав свое не менее знаменитое коричневое кашне, сказал:

— Рассказывай.

Гурель передал своему начальнику все, что видел и узнал. Он рассказывал очень подробно, как от него постоянно требовал Ленорман. Но когда он дал начальнику сыскной полиции карточку Люпена, тот вздрогнул.

— Люпен! — воскликнул он.

— Да!

— Тем лучше, — сказал Ленорман.

— Конечно лучше, — подхватил Гурель, — наконец вы сможете помериться силами с против-

ником, достойным вас, и вы победите Люпена…

— Ищи, — сказал Ленорман, обрывая его.

Гурель добросовестно исполнил приказание.

— Ничего, — сказал он.

— Ничего для тебя, — проворчал Ленорман.

— Именно это я и хотел сказать, — подхватил Гурель. — Я знаю, что вы умеете заставить любые предметы говорить лучше, чем живые свидетели, но сегодня у нас все-таки есть главное — убийство, и абсолютно ясно, что оно совершено Арсеном Люпеном.

— Первое убийство, — добавил Ленорман.

— Да, действительно первое… Кессельбах, похоже, защищался…

— Нет, потому что он был привязан.

— В самом деле, — согласился Гурель, — это странно… Зачем же убивать безоружного противника? Да… Но все-таки если бы я арестовал его вчера, когда мы стояли друг перед другом на пороге передней…

Ленорман прошел на балкон, потом осмотрел комнату Кессельбаха и проверил, заперты ли двери и окна.

— Окна в этих двух комнатах были закрыты, когда я вошел, — сказал Гурель.

— Закрыты или заперты?

— Никто здесь не был. Значит, заперты.

Шум голосов в гостиной заставил их перейти туда. Они застали там врача, осматривавшего труп, и судебного следователя Формери. Последний говорил:

— А, Арсен Люпен! Наконец-то счастливый случай свел меня с тобой! Негодяй увидит, с кем имеет дело. На этот раз он дошел до убийства… Отлично! Поборемся, Люпен!

Формери никак не мог забыть странного приключения с диадемой принцессы Ламбаль[1] и как провел его тогда Люпен. Это дело получило большую огласку, Формери чувствовал себя уязвленным и хотел во что бы то ни стало отомстить Люпену.

— То, что здесь преступление, — очевидно, мотив его установить будет нетрудно, следовательно, все идет хорошо… А, господин Ленорман, здравствуйте, очень приятно…

Формери вовсе не было приятно присутствие Ленормана, который не скрывал своего пренебрежения к следователю.

— Смерть последовала часов двенадцать тому

---

[1] Notes: 1

Мари Тереза Луиза де Ламбаль (1749–1792) — приближенная королевы Марии Антуанетты; в эпоху Террора была зверски убита толпой черни.

назад или немного больше, — сказал врач.

— То же самое и я думаю, — сказал Формери, — ну а какое было орудие преступления?

— Нож с очень тонким лезвием, — ответил доктор, — да, смотрите, лезвие вытирали после преступления платком убитого.

— Действительно, кровавый отпечаток лезвия очень ясно виден! Ну-с, теперь мы займемся допросом секретаря и слуги Кессельбаха. Думаю, они сообщат что-то интересное.

Чепман, которого перенесли в его собственную комнату, а также и Эдуард уже оправились от перенесенных треволнений. Секретарь подробно описал все происшедшее накануне: беспокойство Кессельбаха, приход господина, назвавшего себя Колонелем, и, наконец, нападение, жертвами которого они стали.

— Ну вот, видите! — вскричал довольным тоном Формери. — У него был сообщник, и вы слышали его имя. Марко, вы говорите… Это очень важно. Когда мы задержим этого Марко, дело сразу продвинется!

— Правда, но мы еще его не задержали, — сказал Ленорман.

— Погодите, всему свое время. Итак, господин Чепман, этот Марко ушел после Гуреля?

— Да.

— Ну а после этого вы ничего не слыхали?

— Так, время от времени… неясный шум… дверь была плотно закрыта.

— Какого рода шум?

— Голоса. Потом субъект…

— Называйте его настоящим именем: Арсен Люпен.

— Потом Арсен Люпен звонил по телефону.

— Очень хорошо. Мы наведем справки.

— А потом вы слышали, конечно, как он ушел?

— Да. Он посмотрел сначала, крепко ли мы связаны, и через четверть часа после этого ушел, заперев за собою входную дверь.

— Значит, после того, как он совершил преступление… Великолепно… Великолепно… Начинает понемногу проясняться… А еще что вы можете сказать?

— Потом мы больше ничего не слышали, наступила ночь, я уснул… Эдуард тоже, и только сегодня утром…

— Да, я знаю. Нам остается только определить мотив преступления. Но раз тут замешан Арсен Люпен, причина преступления ясна. Господин Ленорман, вы нигде не обнаружили следов взлома?

— Нет, нигде.

— Значит, кража была совершена из карманов убитого. Нашли его бумажник?

— Я его оставил в кармане пиджака, — сказал Гурель.

Все перешли в гостиную, где следователь убедился, что в бумажнике были только визитные карточки и бумаги, удостоверяющие личность Кессельбаха.

— Странно. Господин Чепман, вы не можете сказать, были ли у Кессельбаха деньги?

— Да, накануне убийства, то есть третьего дня, в понедельник, мы были в «Лионском кредите», где Кессельбах снял сейф…

— Сейф в «Лионском кредите»? Необходимо будет посмотреть.

— И Кессельбах открыл там текущий счет, с которого и взял шесть тысяч франков банковыми билетами.

— Великолепно. Теперь все ясно.

— Но есть еще один вопрос, господин судебный следователь, — продолжал Чепман, — покойный Кессельбах очень беспокоился в последнее время, и я вам скажу почему… у него был проект, которому он придавал огромное значение. Так вот, Кессельбах в связи с этим проектом, казалось, очень дорожил двумя вещами: ящиком из чер-

ного дерева, который он положил на хранение в «Лионский кредит», и черным сафьяновым конвертом, в котором у него были некоторые бумаги.

— А где же этот конверт?

— До прихода Люпена он при мне положил его в этот саквояж.

Формери взял саквояж и осмотрел его содержимое — конверта не было. Он весело потер руки и сказал:

— Ну, теперь все ясно. Мы знаем виновного, знаем, как он совершил убийство, и знаем, наконец, мотив преступления. Дело не протянется долго. Вы во всем согласны с нами, Ленорман?

— Ни в чем.

Все с удивлением посмотрели на Ленормана. Во время допроса приехал полицейский комиссар, и за ним, несмотря на стражу у дверей, пробрались репортеры различных газет и служащие гостиницы. Все они толпились в передней.

Несмотря на то что суровость Ленормана была известна всем и иногда доходила до грубости, за что ему случалось уже получать замечания от начальства, ответ был настолько неожиданным, что совершенно сбил с толку следователя и поставил его в тупик.

— Да ведь как же, — начал он, — нет ничего проще: Люпен — вор…

— Для чего он совершил убийство?

— Чтобы обокрасть.

— Виноват. Согласно показанию свидетелей, кража была совершена раньше убийства. Кессельбах был сначала связан, потом уже его обобрали. Для чего же было Люпену, который до сих пор не прибегал к убийствам, убивать связанного и, следовательно, безоружного человека?

Судебный следователь в раздумье поглаживал свои белокурые баки — это был его привычный жест, когда он не знал, что ответить. Минуту спустя он сказал медленно:

— На это можно найти много различных ответов.

— Каких, например?

— Это зависит от целого ряда обстоятельств и причин, нам еще пока не известных. Так, значит, мы с вами расходимся в определении мотива преступления? В остальном же мы, конечно, согласны.

— Нет.

На этот раз ответ был до такой степени резок, невежлив и даже груб, что следователь растерялся, не осмеливался возразить и стоял в смущении

перед таким странным сотрудником. Наконец он пробормотал:

— Конечно, у всякого своя система.

— Но мне было бы интересно познакомиться с вашей.

— У меня ее нет.

Начальник сыскного отделения встал и сделал несколько шагов, опираясь на палку. Вокруг него воцарилось молчание. После продолжительного молчания он сказал:

— Я хотел бы осмотреть комнаты, прилегающие к этому номеру.

Директор отеля показал ему план гостиницы. Из комнаты Кессельбаха не было другого выхода, как только в переднюю. В комнате же секретаря была дверь, которая вела в апартаменты, предназначенные для госпожи Кессельбах…

— Осмотрим эти комнаты, — сказал Ленорман.

Формери не удержался, пожал плечами и проворчал:

— Что же там смотреть, ведь дверь была заперта на ключ, замок и задвижку, и окно тоже.

— Все-таки надо осмотреть, — повторил Ленорман.

Его провели в первую из пяти комнат, приготовленных для госпожи Кессельбах. Потом по

его просьбе отперли следующие комнаты. Двери из одной комнаты в другую были заперты на задвижку с двух сторон. Он спросил:

— Ни одна из этих комнат не занята?

— Нет.

— Где находится ключ?

— Всегда в конторе.

— И никто сюда не мог войти?

— Никто, кроме лакея, которому было поручено проветривать комнаты и вытирать пыль.

— Позовите его.

Слуга по имени Густав Бедо сказал, что накануне, как и всегда, он вечером запер окна в этих пяти комнатах.

— В котором часу?

— В шесть.

— И вы ничего не заметили?

— Нет, ничего.

— А сегодня утром?

— Сегодня утром я открыл окна в восемь часов.

— И вы ничего не нашли?

— Нет, ничего… Да! Впрочем…

Видимо, он колебался, его забросали вопросами, и он сознался:

— Я поднял около камина в номере четыреста двадцать портсигар… который я собирался сего-

дня вечером отнести в контору.

— Он с вами?

— Он у меня в комнате. Портсигар темной стали: с одной стороны — отделение для табака и папиросной бумаги, с другой — для спичек. На портсигаре золотые инициалы: Л. и М.

— Что вы говорите?

Это сказал Чепман, выступивший вперед. Лицо его выражало крайнюю степень удивления. Он переспросил слугу:

— Вы говорите, портсигар темной стали?

— Да.

— С тремя отделениями для табака, спичек и бумаги… и в нем русский табак… волокнистый, светлый… Не так ли?

— Да.

— Принесите его сейчас же. Мне надо посмотреть на него… Я хочу проверить себя.

Ленорман сделал знак рукой, и Густав Бедо пошел за портсигаром. Начальник сыскной полиции сел в кресло и своим острым, живым взглядом осматривал ковер, мебель, портьеры, потом он спросил:

— Мы находимся сейчас в номере четыреста двадцать?

— Да.

Следователь попробовал поднять его на смех.

— Хотелось бы мне знать, — сказал он, — какая связь между этой пустой случайностью и драмой. Пять запертых комнат отделяют нас от того места, где убит Кессельбах.

Ленорман даже не удостоил его ответом. Прошло уже достаточно времени, а Густав Бедо не

возвращался.

— Где его комната, господин директор? — спросил начальник сыскной полиции.

— На шестом этаже, выходит на улицу Жюдэ. Это как раз над нами. Странно, что он до сих пор не возвратился…

— Не будете ли вы любезны послать кого-нибудь?

Директор отправился сам вместе с Чепманом. Через минуту бледный, с искаженным лицом, он вбежал один.

— Он мертв!

— Убит?

— Да.

— Ого! Однако они не шутят! — воскликнул Ленорман. — Живо, бегом, Гурель, запереть все входные двери отеля. Следи за ними… А вы, господин директор, проведите нас в комнату Густава Бедо.

Директор вышел. Все направились за ним. Выходя из комнаты, начальник сыскной полиции нагнулся и поднял маленький кружочек бумажки, который он заметил еще раньше. Это была этикетка с голубой каймой. На ней написано число «813». На всякий случай он поднял ее, положил в портфель и догнал остальных.

V

Узкая небольшая рана в области шеи.

Доктор после осмотра заявил:

— Такая же рана, как у Кессельбаха.

— Да, — подтвердил Ленорман, — без сомнения, это та же рука, которая убила миллионера, и то же оружие.

По положению трупа нетрудно было догадаться, что Густава Бедо настигли в тот момент, когда он искал под матрацем портсигар. Его рука так и осталась засунутой между матрацем и волосяным тюфяком, но портсигара там не было.

— Должно быть, эта вещь была очень серьезной уликой, — робко заметил Формери, не смея решительно высказать своего мнения.

— А, черт! — выругался Ленорман.

— Но ведь мы знаем инициалы: Л. и М. И потом, Чепману тоже кое-что известно, и мы легко доберемся до преступника.

При этих словах Ленорман вздрогнул и почти закричал:

— Чепман! Где же Чепман?

Стали искать в коридорах, между столпившимися там людьми. Чепмана не было.

— Чепман был вместе со мною, — сказал ди-

ректор.

— Да-да, я знаю, но он ведь не вернулся с вами!

— Нет, я оставил его здесь, около трупа.

— Здесь? Оставили одного?! И здесь никого не было? Вы никого не видали?

— В коридоре не было никого.

— Ну а в соседних комнатах? Или вот за этим поворотом никто не скрывался?

Ленорман был очень взволнован, он ходил взад и вперед, открывал двери, осматривал комнаты. Потом вдруг побежал с такой быстротой, на которую никто не считал его способным. Он бегом спустился по лестнице с шестого этажа вниз, следователь и директор намного отстали. Внизу, у главной двери, он обратился к Гурелю:

— Никто не выходил?

— Никто.

— А через другую дверь, на улицу Орвьето?

— Там я поставил Дьези.

— Ты ему строго приказал?

— Да, начальник.

В обширном зале отеля большая толпа путешественников с беспокойством обсуждала историю преступления и его подробности в том более или менее точном виде, в каком до нее дошли слухи. Вся прислуга отеля, созванная по телефону, при-

ходила постепенно, один человек за другим, и Ленорман расспрашивал их.

Никто ничего не знал. Только горничная с пятого этажа видела, как минут десять назад два господина спускались по черной лестнице между пятым и четвертым этажом.

— Они спускались очень быстро. Первый держал другого за руку. Меня очень удивило, что они шли по черной лестнице.

— Вы можете их узнать?

— Первого я не видела, он отвернул голову. Это был стройный блондин. На нем была мягкая шляпа и черный костюм.

— Ну а второй?

— Второй? Это был англичанин, с крупным бритым лицом, в клетчатом костюме. Он был без шляпы.

Описание вполне подходило к Чепману. Немного подумав, женщина добавила:

— У него был вид такой… странный вид, точно он сошел с ума.

Ленорман не удовлетворился утверждением Гуреля и обратился с расспросами к грумам, дежурившим у дверей.

— Вы знаете Чепмана?

— Да, как же! Он всегда разговаривал с нами.

— Вы не видели, как он вышел?

— Нет, сегодня утром он не выходил.

Ленорман обратился к полицейскому комиссару:

— Сколько полицейских с вами, господин комиссар?

— Четверо.

— Мало. Позвоните по телефону вашему секретарю, чтобы он послал сюда всех свободных полицейских… и организуйте самое строгое наблюдение за всеми наружными дверями отеля. Осадное положение, господин комиссар.

— Но послушайте, — запротестовал директор, — а как же мои клиенты?

— Мне нет дела до ваших клиентов, моя обязанность — арестовать во что бы то ни стало…

— Так вы думаете… — начал было следователь.

— Не думаю, а уверен и знаю, что виновный в этих двух убийствах находится в отеле.

— Ну а Чепман?

— Насчет Чепмана я не могу ручаться, жив он сейчас или нет. Во всяком случае, его смерть — дело нескольких минут, секунд… Гурель, возьми двух агентов и обыщите четвертый этаж, весь. Господин директор, один из ваших служащих будет сопровождать их. Остальные этажи я

осмотрю сам, когда придет подкрепление. Ну, за дело, Гурель, да как следует! Это крупная дичь!

Гурель поспешно вышел вместе с агентами, а Ленорман остался в зале близ стойки администратора отеля. На этот раз он и не думал садиться, как делал это всегда. Он ходил по направлению от главного входа к двери, ведущей на улицу Орвьето, и обратно. Время от времени от отдавал приказания:

— Господин директор, пошлите кого-нибудь на кухню: преступник может воспользоваться черным ходом. Распорядитесь, чтобы телефонистка отеля никого не соединяла с городом… Если же будут звонить из города, она может соединить, но пусть запишет фамилию, кого вызывают… Прикажите сделать список лиц, остановившихся в отеле, фамилии которых начинаются на Л или М.

Молчаливые зеваки, столпившиеся посреди зала, напряженно следили за действиями Ленормана.

Кто убийца? Где прячется он в эту минуту? Быть может, он среди них, в толпе?.. Может, вот этот, с тонкими злыми губами? Или тот — в старом замызганном фраке?

Ленорман прохаживался по залу. Время от

времени прибегал один из лакеев, посланных Гурелем.

— Что нового? — спрашивал Ленорман.

— Ничего. Ничего не нашли.

Явился отряд полицейских. Ленорман разделил их на группы и направил на третий этаж, сказав комиссару:

— Господин комиссар, я поручаю вам охрану дверей. В крайнем случае — самые решительные меры. Я отвечаю за последствия.

Сам же он сел в лифт и велел поднять себя на второй этаж.

Розыск преступника в таких условиях был делом очень нелегким и долгим. Надо было открыть шестьдесят комнат, осмотреть там все уголки, альковы, ванные комнаты. И никаких результатов. Час спустя, когда било двенадцать и Ленорман закончил осмотр второго этажа, а остальные агенты продолжали поиски на других этажах, ничего найдено не было.

Ленорману пришла в голову мысль, не скрывается ли убийца на чердаке, и он решил было направиться туда, когда его известили о приезде госпожи Кессельбах с компаньонкой. Эдуард, старый верный слуга, взял на себя тяжелую обязанность сообщить ей о смерти мужа.

Ленорман застал ее в одном из салонов. Она была подавлена случившимся, но не плакала, а только мелко-мелко дрожала всем телом.

Госпожа Кессельбах была красивой брюнеткой среднего роста с большими черными глазами. Ее муж познакомился с ней в Голландии, где она родилась, она принадлежала к старинной семье испанского происхождения — Амонти. Он вскоре полюбил ее, и вот уже четыре года, как они жили в счастливом браке.

Ленорман представился ей. Она посмотрела на него молча, и он понял, что она так ошеломлена потерей мужа, что ничего не понимала из того, что он говорил. Вдруг она неудержимо разрыдалась и попросила провести ее к телу покойного супруга.

В зале Ленормана встретил Гурель и подал ему шляпу, которую держал в руках:

— Вот что я нашел… Должно быть, она принадлежала преступнику.

Это была черная фетровая шляпа без подкладки.

— Где ты ее поднял?

— На площадке черной лестницы второго этажа.

— А на других этажах ничего не нашли?

— Ничего. Мы все перерыли. Остался один первый этаж. И потом, эта шляпа доказывает, что преступник скрывается там. Мы все сгораем от нетерпения.

— Полагаю.

Около лестницы Ленорман остановился и сказал Гурелю:

— Пойди к комиссару и передай ему следующее: пускай он поставит внизу у каждой двери четырех лестниц по два человека с револьверами в руках, и пусть они стреляют, если будет нужно. Если Чепмана не удастся спасти, я пойду на все. Пойми, Гурель, вот уже два часа, как я делаю глупости…

Он поднялся по лестнице на бельэтаж. Там он встретил двух агентов, выходивших из комнаты вместе со служащим. В коридоре не было никого. Служащие отеля боялись идти туда, а некоторые из жильцов заперлись на ключ, так что приходилось долго стучаться и вступать в объяснения, чтобы они открыли дверь своего номера. Далее Ленорман встретил другую группу полицейских агентов, осматривающих помещение для прислуги и буфетную комнату, а в конце коридора из-за поворота вышли другие полицейские, искавшие в комнатах, выходящих на улицу Жюдэ. Вдруг он

услыхал, как они закричали и бросились бежать. Он поспешил за ними. Полицейские остановились посреди коридора: там, загораживая проход, лежало тело. Ленорман наклонился и схватил безжизненную голову трупа.

— Это Чепман, — пробормотал он, — и он уже мертв.

Он приступил к осмотру тела. Шея была завязана белым шелковым вязаным платком. Он развязал его. Показались кровавые пятна, а под затылком находился толстый кусок ваты, пропитанный кровью. И на этот раз та же самая маленькая, ясно очерченная рана.

Прибежали следователь и комиссар.

— Все тихо? Никто не пытался выйти из отеля? — спросил начальник сыскной полиции.

— Нет, никто, — ответил комиссар, — по двое полицейских стояло у каждой лестницы.

— Быть может, он поднялся наверх, — сказал Формери.

— А? Нет-нет! Его кто-нибудь встретил бы тогда… Это было уже давно сделано. У трупа совсем холодные руки. Убийство было совершено тогда же, вскоре после того, как видели их на черной лестнице. Но где же был труп? Вот уже два часа, как пятьдесят человек обшаривают все уголки…

Трупа не было здесь.

— Но где же он тогда был?

— А? Да почем я знаю! — грубо оборвал Ленорман. — Поступайте, как я, — ищите. Пустые разговоры не помогут найти.

Он нервно теребил ручку своей палки и довольно долго стоял с задумчивым видом, глядя на труп. Наконец он сказал:

— Господин комиссар, будьте любезны перенести труп в пустую комнату и позовите доктора, а вы, господин директор, потрудитесь открыть мне все комнаты в этом коридоре.

Ленорман осмотрел три комнаты слева и два пустых салона и четыре комнаты справа. Две из последних были заняты: одна — господином Реверда, другая — итальянцем, бароном Джиаколими. Ни того ни другого там не было. В третьей жила старая дева, англичанка, в это время еще спавшая, в четвертой находился англичанин, спокойно читавший свою газету и куривший сигару. Очевидно, что шум в коридоре не мог прервать его чтения. Его звали майор Парбери.

Обыски и допросы не привели ни к чему. Старая дева ничего не слыхала — ни крика, ни возни, ни стонов. Майор Парбери — тоже. Ни в той, ни в другой комнате не было ничего подозритель-

ного, — ничего, что могло бы дать возможность предположить, что несчастный Чепман был убит там.

— Странно, — пробормотал следователь, — все очень странно.

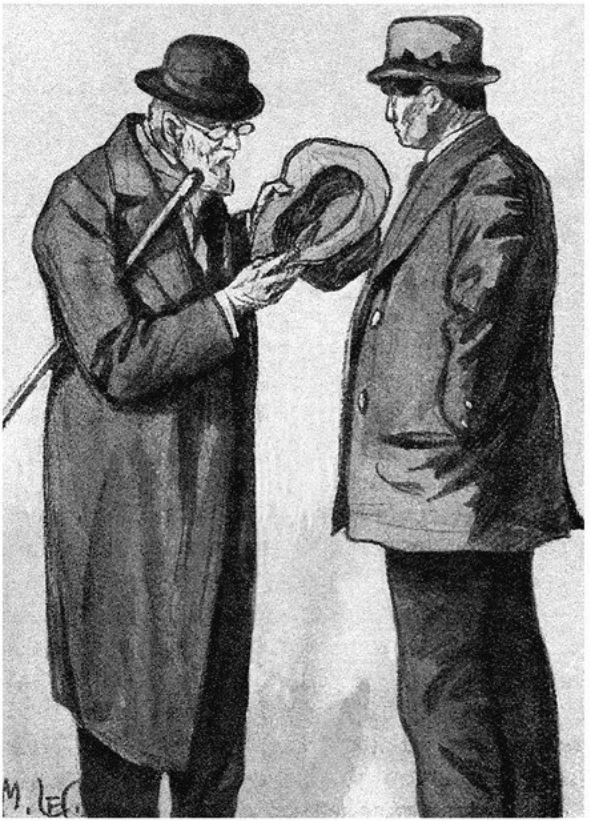
И признался наивно:

— Я начинаю все менее и менее понимать в этом ужасном деле. Целый ряд обстоятельств ускользает от меня. Что вы думаете об этом деле, господин Ленорман?

Ленорман, без сомнения, собирался сказать ему в ответ одну из своих колкостей, как вдруг появился бледный запыхавшийся Гурель.

— Вот… что нашли… там, на стуле… внизу, в конторе.

Он держал в руках туго стянутый веревками сверток из черной саржи.



— Развязывали его? — спросил Ленорман.

— Да, но когда увидели, что в нем находится, то его снова завязали так же, как он был завязан и раньше… туго перетянут веревкой.

— Развяжи!

Гурель развернул саржу и вынул черный мильтоновый костюм, сильно измятый, очевидно поспешно скомканный. Внутри свертка была мокрая салфетка в пятнах крови. Ее опускали в воду, чтобы скрыть следы кровавых пальцев, которые вытирали об нее. В салфетке же находился стальной стилет с отделанной золотом ручкой. Он был весь покрыт кровью.

Эдуард с первого же взгляда признал, что стилет принадлежал Кессельбаху, и добавил, что еще накануне, до прихода Люпена, он видел его на столе.

— Господин директор, — сказал Ленорман, — запрещение на выход из отеля снято. Гурель, поди скажи, чтобы стража отошла от дверей.

— Вы думаете, что Люпен мог уйти? — спросил Формери.

— Нет, преступник находится в отеле, в одной из комнат. Наверняка он и живет в отеле.

— Этого не может быть! И потом, где же он тогда переменил костюм и во что оделся теперь?

— Я не знаю, это — предположение.

— И вы его выпускаете? Да он очень спокойно уйдет, засунув руки в карманы.

— Тот из постояльцев отеля, кто уйдет таким образом без багажа и не вернется, тот и будет виновным. Господин директор, будьте любезны проводить меня в контору. Мне надо внимательно ознакомиться со списком лиц, живущих в отеле.

В конторе Ленорман нашел несколько писем на имя Кессельбаха и передал их следователю. Была также посылка, доставленная почтой. Когда разорвали бумагу, в которую она была завернута, оказалось, что это был ящик из черного дерева с выгравированным именем Рудольфа Кессельбаха. Внутри его, кроме осколков зеркала, помещавшегося раньше на внутренней стороне крышки, лежала карточка Арсена Люпена. Но одна небольшая подробность поразила начальника сыскной полиции: на дне ящика с внешней стороны была наклеена круглая маленькая этикетка с голубой каймой, очень похожая на ту, которую он поднял в комнате номер четыреста двадцать, где был найден портсигар.

На этикетке — число: «813».

Глава вторая
Ленорман начинает действовать

I

— Огюст, попросите Ленормана.

Курьер вышел, и через несколько секунд вошел начальник сыскной полиции.

В обширном кабинете министерства на площади Бове находились трое: знаменитый Валанглэ, бывший тридцать лет лидером радикальной партии, а теперь председатель Совета министров и министр внутренних дел, прокурор Тестарь и префект полиции Делом.

Префект полиции и прокурор не обратили внимания на вошедшего, они остались сидеть на своих местах, где перед этим у них был продолжительный разговор с первым министром, но тот встал и, пожав руку Ленормана, сказал ему приветливым тоном:

— Вы, конечно, догадались, дорогой Ленорман, зачем я попросил вас приехать сюда?

— Из-за дела Кессельбаха?

— Да. Присаживайтесь, пожалуйста.

Начальник сыскной полиции сел, и Валанглэ

сказал, сделав знак молчать не скрывавшему своего неудовольствия префекту:

— В двух словах, вот в чем дело, Ленорман. Появление на сцене Арсена Люпена доставляет нам целый ряд неприятностей. Довольно долго этот негодяй смеялся над нами. Сознаюсь, что многие из его проделок были очень забавны, и я первый от души смеялся над ними. Но теперь совсем другое. Речь идет об убийстве. Мы могли терпеть его, когда он своими выходками забавлял галерку. Но раз он совершает убийства — это меняет все.

— Чего же вы желаете от меня?

— Чего мы желаем? О! Очень немногого. Во-первых, мы желаем арестовать его, а потом — казнить.

— Первое я могу вам обещать в будущем, но никак не второе.

— Почему? Раз он будет арестован, его будут судить, и смертный приговор неизбежен.

— Нет.

— Почему? Я вас не понимаю.

— Потому что Арсен Люпен никого не убивал.

— Что?! Да вы с ума сошли, Ленорман! А три трупа в «Палас-отеле»? Это что же, по-вашему, не убийство?

— Да, но это сделал не Люпен.

Начальник сыскной полиции спокойно и убежденно произнес последние слова. Прокурор и префект полиции протестовали, но Валанглэ перебил их:

— Послушайте, Ленорман, у вас есть серьезные причины утверждать это?

— Да, и очень.

— Какие же?

— До сих пор Люпен никогда никого не убивал. Это — раз. Два — зачем было ему совершать убийство, когда его цель была достигнута: он взял все, что ему было нужно, его жертва была связана и не могла противиться ему.

— Так-с, ну-с, а какие факты у вас есть в подтверждение вашей гипотезы?

— Есть и факты, и они нисколько не противоречат ей. Зачем Люпену было находиться в четыреста двадцатом номере, где нашли портсигар? И потом, платье, которое обнаружили в конторе отеля и которое, несомненно, принадлежало убийце, ни по росту, ни по фигуре не подходит Люпену.

— А вы его видели?

— Я? Нет. Но его заметили Эдуард и Гурель. И их описания не сходятся с описанием горничной, которая видела, как убийца шел с Чепманом под

руку по черной лестнице…

— Но как же, по-вашему, произошло преступление?

— Извольте. Во вторник, шестнадцатого апреля, в два часа пополудни Люпен вошел в помещение, занимаемое Кессельбахом…

Громкий смех префекта полиции прервал Ленормана.

— Господин Ленорман, это неправда. Доказано, что в три часа Кессельбах был в несгораемой кладовой «Лионского кредита», о чем свидетельствует его подпись в книге банка.

Ленорман почтительно подождал, пока не кончил говорить его начальник, и продолжил:

— Около двух часов пополудни Люпен вместе со своим помощником Марко связали Кессельбаха, отобрали у него все деньги и принудили его сказать шифр несгораемого ящика в «Лионском кредите». Узнав секрет, Марко уехал вместе с другим сообщником Люпена, несколько похожим на Кессельбаха, а в тот день он постарался увеличить свое сходство с Кессельбахом тем, что надел такое же платье и золотые очки, какие носил миллионер. Этот второй помощник Люпена отправился в «Лионский кредит», расписался там вместо Кессельбаха, вынул все содержимое

несгораемого шкафа и вернулся к себе вместе с Марко. Последний сообщил результат операции по телефону. Люпен, убедившись в том, что Кессельбах не обманул его, ушел.

Казалось, что Валанглэ колеблется.

— Так... так... положим. Но что меня удивляет, так это то, что такой человек, как Люпен, рисковал из-за нескольких тысяч франков и со-

держимого несгораемого шкафа.

— Люпен добивался большего. Ему был нужен конверт из черного сафьяна, который находился в саквояже, и ящик из черного дерева. Этот ящик был в «Лионском кредите», Люпен получил его и прислал обратно пустым. Поэтому он знает или находится на пути к открытию проекта Кессельбаха, о котором тот разговаривал со своим секретарем.

— Каков же этот проект?

— Не знаю. Директор частного сыскного агентства Барбаре, которому доверился миллионер, говорил мне, что Кессельбах разыскивал среди подонков Парижа субъекта по имени Пьер Ледюк. Зачем он его искал? Какую роль играл этот Пьер Ледюк в его проекте, я пока не знаю.

— Хорошо, пускай будет так, — сказал Валанглэ. — Люпен сделал свое дело и, обобрав Кессельбаха, оставил его связанным, но живым. Что же происходило до того момента, когда его нашли мертвым?

— Долгое время — ничего. До наступления ночи — ничего. Но ночью кто-то вошел.

— Откуда?

— Из комнаты номер четыреста двадцать, предназначенной для госпожи Кессельбах. Очевидно,

у вошедшего был дубликат ключа.

— Как вы можете это утверждать?! — воскликнул префект полиции. — Между этой комнатой и комнатой Кессельбаха все двери были заперты на задвижку с двух сторон. А этих дверей — пять.

— Оставался балкон.

— Балкон?

— Да, общий для комнат, выходящих на улицу Жюдэ.

— Но там же перегородки!

— Ловкий человек может через них перелезть, а преступник был ловок и перелез через них. Я нашел следы.

— Но ведь все окна были заперты, и это было установлено сразу же после того, как было обнаружено преступление.

— Да, за исключением одного окна, в комнате Чепмана. Оно было закрыто, но не заперто, я тогда же убедился в этом.

Доказательства Ленормана понемногу убеждали первого министра. Он спросил с видимым интересом:

— Но зачем же он влез к Кессельбаху?

— Я не знаю.

— Вы не знаете?

— Да, так же как не знаю и его имени.

— Какую же цель преследовал он, совершая убийство?

— Не знаю. Можно предположить, что он пришел, чтобы достать те же самые документы, которых добивался Люпен, но случай поставил его лицом к лицу с обезоруженным врагом, и он убил его.

— Должно быть, так… — проговорил задумчиво Валанглэ. — А как вы думаете, нашел ли он эти документы?

— Он не нашел ящика из черного дерева, потому что его не было там, но зато нашел кожаный конверт. Таким образом, и у Люпена, и у него сейчас одинаковые сведения о проекте Кессельбаха.

— Следовательно, они должны вступить в борьбу между собой? — заметил первый министр.

— Несомненно. И борьба уже началась. Убийца нашел на столе визитную карточку Арсена Люпена и приколол ее к платью убитого. По всей обстановке преступление должно быть приписано Арсену Люпену. Так и случилось. Все считают, что убийство совершено Люпеном.

— Действительно… действительно… — сказал Валанглэ. — Убийца не ошибся в расчетах.

— Его план окончательно удался бы, если бы случайно он не потерял в комнате номер четыре-

ста двадцать своего портсигара и лакей не поднял бы его. Тогда, узнав, что он раскрыт или будет раскрыт в скором времени…

— Но как же мог он узнать это?

— Очень просто. От самого судебного следователя. Следствие велось при открытых дверях. Наверное, убийца находился в толпе репортеров или служащих отеля, когда следователь послал Бедо принести портсигар. Он вышел вслед за Бедо и убил его. Вторая жертва.

Никто не спорил. Перед глазами присутствующих восстанавливалась точная картина драмы.

— Ну а третья жертва? — спросил Валанглэ.

— Чепман сам подставил свою голову. Видя, что Бедо не возвращается, и желая поскорее увидеть портсигар, он отправился за ним вместе с управляющим гостиницей. Убийца застал его в комнате лакея Бедо. Выманил в одну из пустых комнат и там убил.

— Но как же Чепман согласился последовать за человеком, зная, что тот убийца Кессельбаха и Густава Бедо?

— Я не знаю. Также не знаю, в какой из комнат отеля было совершено убийство и каким чудесным образом убийце удалось ускользнуть.

— Говорили о каких-то двух этикетках с голу-

бой каймой.

— Да. Одна из них находилась на ящике из черного дерева, присланном Люпеном, другая, должно быть, была в кожаном конверте, который теперь в руках убийцы.

— А что же дальше?

— Сами по себе они не значат ничего. Имеет значение только число восемьсот тринадцать, которое написано, согласно экспертизе, рукой Кессельбаха.

— Что значит «восемьсот тринадцать»?

— Это какая-то тайна.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что я больше ничего не знаю.

— Вы подозреваете кого-нибудь?

— Никого. Двое моих агентов живут в «Палас-отеле» на том этаже, где нашли Чепмана. Преступника в числе уехавших нет.

— Кто-нибудь звонил из города в отель во время совершения преступления?

— Да. Вызывали майора Парбери, одного из четырех лиц, живущих в бельэтаже.

— Заметили ли что-нибудь за этим майором?

— До сих пор — ничего.

— Что же вы думаете делать дальше?

— Для меня это не составляет вопроса. Я уве-

рен, что убийца принадлежит к знакомым или друзьям супругов Кессельбах. Он их выслеживал, знал их привычки, ему было известно, зачем Кессельбах приехал в Париж, и, без сомнения, он смутно подозревал важность проекта миллионера.

— Так вы думаете, что убийца не был профессиональным преступником?

— Нет, ни в коем случае! Я повторяю и настаиваю на том, что убийца был хорошим знакомым семьи Кессельбах. Это нетрудно доказать. Густав Бедо был убит, потому что к нему в руки случайно попал портсигар. Чепман был убит, потому что он знал, кому принадлежит этот портсигар. Вспомните, какое волнение отразилось на лице секретаря при одном только описании портсигара: в его уме внезапно появилась разгадка драмы. Если бы он увидел портсигар, мы знали бы все. Таинственный убийца понял это и устранил его со своей дороги. А мы ничего не знаем, кроме инициалов Л и М.

Подумав с минуту, Ленорман добавил:

— И вот еще одно доказательство в пользу этого предположения: разве Чепман пошел бы с убийцей по коридорам отеля, если бы они раньше не были хорошо знакомы?

Все невольно задумались, и молчание продлилось несколько минут. Вдруг Валанглэ воскликнул:

— Все это очень хорошо, дорогой Ленорман… Вы меня убедили. Но в конце концов, от этого мы не продвинулись ни на шаг вперед.

— То есть?

— Да так. Мы собрались здесь вовсе не для того, чтобы подыскивать объяснения истории, которую, я вполне уверен, вы рано или поздно раскроете полностью, а чтобы обсудить, как успокоить общественное мнение. Люпен ли убийца, или нет, один, два ли человека совершили убийство, — все это нам не дает ничего, нам нужно имя преступника. Иначе нас будут по-прежнему обвинять в бессилии. Надо арестовать…

— Нельзя же арестовывать первого попавшегося.

— Это было бы гораздо лучше, чем никого, — ответил Валанглэ, смеясь, — поищите, как следует… вы вполне уверены в Эдуарде, лакее Кессельбаха?

— О, вполне!.. Да и потом, опасно ставить нас в смешное положение… Я уверен, что и господин прокурор был бы против… Нет, мы имеем право арестовать только двоих: убийцу… я его не знаю…

и Арсена Люпена.

— Ну и?

— А Люпена невозможно арестовать, или, по крайней мере, нужно время, чтобы это сделать.

Валанглэ топнул ногою и сказал тоном человека, привыкшего, чтобы его желания исполнялись немедленно:

— Однако это необходимо, Ленорман! Понимаете, необходимо! И не только для меня, но и для вас. Вы знаете, у вас есть очень сильные враги и если бы не я… Да, наконец, я не допускаю мысли, что вы, Ленорман, не можете ничего сделать. Потом, у Люпена были сообщники… Марко… другой, игравший роль Кессельбаха и обчистивший его шкаф в «Лионском кредите».

— И вы, господин председатель, удовлетворились бы арестом последнего?

— Удовлетворился бы? Да, конечно! Уверяю вас…

— Хорошо, через неделю…

— Ну вот, через неделю!.. Это нельзя откладывать, необходимо произвести арест в течение нескольких часов.

— Сколько же вы даете мне времени?

Валанглэ вынул часы и сказал шутя:

— Даю вам десять минут, дорогой Ленорман.

Начальник сыскной полиции в свою очередь тоже вынул часы, посмотрел и спокойно сказал:

— Это много, господин председатель, достаточно шести минут.

II

Валанглэ изумленно посмотрел на него:

— Как шесть? Что вы хотите этим сказать?

— Я говорю вам, господин председатель, что вы мне дали десять минут. Этого много. Достаточно шести.

— Ах вот что! Ну, Ленорман, здесь шутки далеко не уместны…

Начальник сыскной полиции подошел к окну и сделал знак двум полицейским агентам, гулявшим во дворе министерства. Потом, обращаясь к прокурору, сказал:

— Господин прокурор, будьте любезны написать приказ об аресте Огюста Максимэна Филиппа Дайлерона, сорока семи лет. Оставьте пока пропуск.

Он открыл дверь кабинета:

— Войди, Гурель, и ты также, Дьези.

Они вошли.

— У тебя есть с собой наручники, Гурель?

— Да, начальник.

— Все готово, господин председатель, — сказал Ленорман. — Но я очень прошу вас и даже настаиваю, чтобы вы отказались от этого ареста. Это испортит весь мой план, и из-за минутного пустого удовлетворения я рискую очень многим.

— Господин Ленорман, в вашем распоряжении осталось полторы минуты.

Начальник сыскной полиции с раздраженным видом, опираясь на палку, прошелся по комнате, сел в кресло, немного помолчал и сказал, видимо покоряясь желанию министра:

— Господин председатель, первый, кто войдет в кабинет, и есть то лицо, ареста которого вы желаете… несмотря на мою просьбу.

— Осталось пятнадцать секунд, Ленорман.

— Гурель, Дьези… Первый, кто войдет. Понимаете? Господин прокурор, вы расписались на приказе об аресте?

— Десять секунд, Ленорман.

— Будьте любезны позвонить, господин председатель.

Валанглэ позвонил.

Вошел старший курьер министерства и почтительно остановился на пороге, ожидая приказания.

Валанглэ обернулся к начальнику сыскной

полиции:

— Ну что же, Ленорман? Он ждет ваших приказаний. Кого вызвать?

— Никого.

— Да ведь вы же обещали нам через шесть минут арестовать одного из участников преступления. Срок прошел.

— Да. Но это лицо здесь.

— Никто же не входил!

— Нас было четверо здесь, в кабинете, а теперь — пять человек.

Валанглэ привскочил в кресле:

— Что вы говорите, Ленорман! Да вы с ума сошли, мой милый!

Гурель и Дьези встали между дверью и курьером. Ленорман подошел к нему и, положив руку на плечо Огюста, сказал:

— Огюст Максимэн Филипп Дайлерон, исполняющий должность старшего курьера при Совете министров, именем закона вы арестованы!

Валанглэ рассмеялся:

— Браво, браво, Ленорман! Ловко… Давно я так не смеялся.

Начальник сыскной полиции, обращаясь к прокурору, сказал:

— Господин прокурор, будьте любезны от-

метить в приказе должность арестованного: старший курьер при Совете министров…

— Да вы просто гениальны, Ленорман! Публика требует ареста — вот вам арест! И кто же арестованный? Мой старший курьер Огюст, образцовый слуга. Ну, Ленорман, я всегда знал, что у вас есть воображение, но не до такой же степени. Это, конечно же, шутка?

С самого начала этой сцены Огюст стоял, не двигаясь с места, и, казалось, ничего не понимал. Его лицо выражало крайнее изумление. Он по очереди смотрел на каждого из присутствовавших в кабинете, стараясь ухватить смысл их слов.

Ленорман тихо сказал что-то Гурелю, и тот вышел. Потом он обратился к Огюсту:

— Нечего делать, мой милый. Ты попался. Не стоит притворяться, раз дело проиграно. Что ты делал во вторник?

— Я?! Ничего. Был здесь.

— Лжешь. Вторник — твой свободный день. Ты уходил.

— Да, действительно… вспоминаю… ко мне приехал из провинции мой друг, и мы направились в Булонский лес.

— Друга звали Марко. А направились вы в кладовую «Лионского кредита».

— Какой Марко? Я не знаю никакого Марко.

— А это ты знаешь? — сказал Ленорман, поднося к его носу очки в золотой оправе.

— Нет, нет… я не ношу очков.

— Нет, мой милый, ты их надеваешь, когда ходишь в «Лионский кредит», где выдаешь себя за Кессельбаха. Очки взяты из твоей комнаты, которую ты занимаешь под именем господина Жерома, дом номер пять по улице Колизея.

— Я? Снимаю комнату? Да я ночую в министерстве!

— Там ты меняешь платье, чтобы участвовать в операциях шайки Люпена.

Огюст, бледный как полотно, провел рукой по лбу, покрытому крупными каплями пота, и тихо сказал:

— Я ничего не понимаю, вы приписываете мне такие вещи…

— Тебе яснее сказать? Отлично. Смотри, вот что находилось в корзине для бумаг под твоим столом в передней министерства.

Ленорман развернул лист бумаги с бланком министерства. В разных местах листа нетвердым почерком было написано: «Рудольф Кессельбах».

— Ну, что скажешь, верный слуга? Упражнения в подделке подписи Кессельбаха? Так ведь?

Мгновенным ударом кулака Огюст свалил Ленормана, выпрыгнул из окна на балкон и оттуда во двор министерства.

— Черт возьми! — закричал Валанглэ. — Ах, разбойник! — Он побежал к звонку, потом хотел крикнуть в окно, но Ленорман остановил его:

— Не волнуйтесь, господин председатель…

— Но он, каналья…

— Одну секунду, пожалуйста… я предвидел его побег и даже рассчитывал на это… Не может быть лучшего признания.

Видя спокойствие Ленормана, первый министр сел. Через минуту появился Гурель, держа за шиворот Огюста Дайлерона.

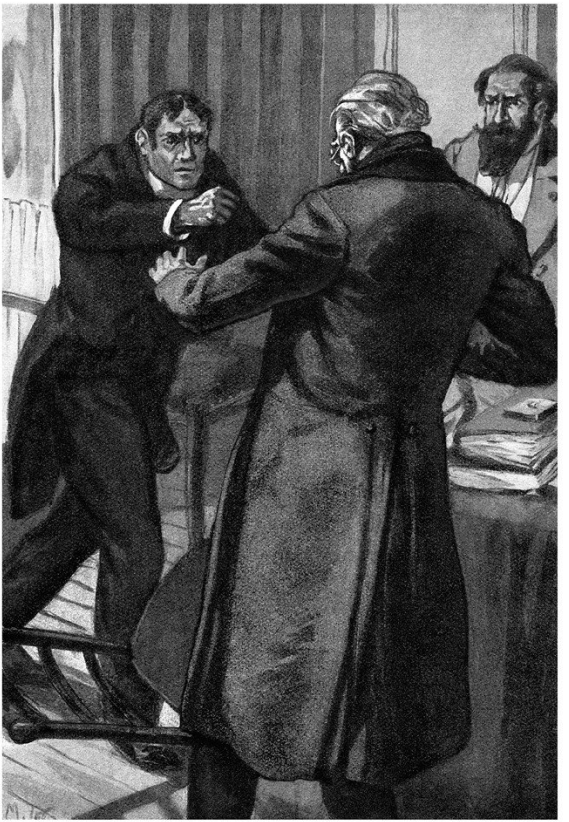
— Веди, веди его, Гурель, — сказал Ленорман тоном охотника, приказывающего своей собаке принести дичь. — Как же это он дал схватить себя?

— Он стал было кусаться, да я принял решительные меры, — ответил Гурель, демонстрируя свою огромную жилистую руку.

— Молодец, Гурель. Теперь отведи этого джентльмена в Депо. Не прощаюсь с вами, господин Жером.

Валанглэ, видимо, был очень доволен. Он весело потирал руки. Мысль, что его старший

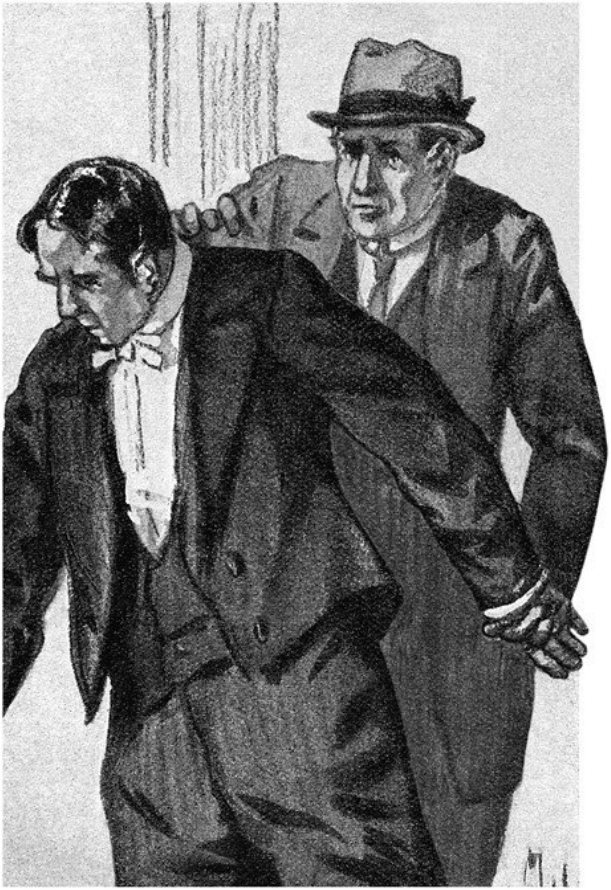
курьер был сообщником Люпена, казалась ему забавной.



— Браво, дорогой Ленорман, все это великолепно! Но как вы ухитрились выследить Огюста?

— Очень просто. Я знал, что Кессельбах обращался в частное сыскное агентство Барбаре и что Люпен заявился к миллионеру от лица этого агентства. Я направил свои поиски в эту сторону и выяснил, что Люпен мог узнать о тайном поручении Кессельбаха только при посредстве некоего Жерома, друга одного из служащих Барбаре. Если бы вы неожиданным вмешательством не ускорили ход событий, я, наблюдая за курьером, добрался бы до Марко, а потом и до самого Люпена.

— О, я вполне уверен, что вы доберетесь до него. Я держу пари за вас, Ленорман!



На следующий день в газетах появилось следующее письмо:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ ЛЕНОРМАНУ

Позволю себе принести Вам свои искренние поздравления, мой уважаемый и дорогой друг, по случаю ареста курьера министерства – Жерома. Приношу также искреннюю благодарность за доказательства, представленные Вами председателю Совета министров, в пользу того положения, что Кессельбаха убил не я. Как вам известно, я не совершаю убийств – и очень благодарен вам, что вы доказали это в деле Кессельбаха.

Как вознаграждение за Вашу услугу я могу Вам предложить свою помощь в розыске убийцы. Дело Кессельбаха настолько интересно, что я покидаю свое уединение, где прожил четыре года в обществе книг и моего верного пса Шерлока, и, созвав своих друзей, вновь вступаю в борьбу.

Арсен Люпен

P. S. Я нахожу в высшей степени неприличным, что мой соратник томится в заключении, и потому предупреждаю, что через пять недель, в пятницу 31 мая, я освобожу господина Жерома.

Не забудьте: 31 мая, пятница.

А. Л.

Глава третья
Князь Сернин за работой

I

— Варнье здесь? Войдите, Варнье.

Маленький коренастый человек уверенной походкой вошел в кабинет князя Сернина.

Князю лет тридцать пять — сорок. Шатен с легкой проседью, у него хороший цвет лица, красивые большие усы и короткие баки. Один из известных лиц русской колонии в Париже, Сернин живет в роскошной квартире нижнего этажа на углу бульвара Осман и улицы Курсель.

— Ну, что скажешь, Варнье?

— Все готово, начальник.

— Расскажи кратко, в нескольких словах.

— Извольте. После убийства мужа госпожа Кессельбах, поверив объявлениям, которые вы велели ей послать, поселилась в убежище для дам в Гарше. Она занимает павильон Императрицы, один из четырех домиков в саду, которые администрация сдает дамам, желающим жить совершенно отдельно.

— Кто прислуживает ей?

— Ее компаньонка Гертруда, с которой она приехала несколько часов спустя после убийства, и сестра Гертруды, Сюзанна, которую она выписала из Монте-Карло. Сюзанна служит горничной. Обе сестры ей очень преданы.

— А лакей Эдуард?

— Она отпустила его, и он вернулся на родину.

— У нее кто-нибудь бывает?

— Никого… Она проводит целые дни, лежа на диване. Кажется очень слабой, больной. Много плачет. Вчера в течение двух часов с ней беседовал судебный следователь.

— Хорошо. Рассказывай, что ты узнал о молодой девушке.

— Женевьева Эрнемон живет по другую сторону дороги в переулке, выходящем прямо в поле, третий дом направо. Она содержит частную школу.

— Хорошо. Ты мне писал, что Женевьева и госпожа Кессельбах познакомились.

— Да. Девушка обратилась к госпоже Кессельбах с просьбой помочь ей деньгами на содержание школы. Наверное, они понравились друг другу, потому что вот уже четыре дня, как они вместе прогуливаются по парку Вильнёв.

— В котором часу они гуляют?

— С пяти до шести. Ровно в шесть часов молодая девушка возвращается в свою школу.

— Так… Ты организовал то, что я тебе велел?

— Да, сегодня к шести часам. Все готово.

— Ты думаешь, никто не сможет помешать?

— Нет. В это время в парке никого не бывает.

— Отлично. Я буду там. Можешь идти.

Он выпустил Варнье через дверь, выходившую в переднюю, а потом позвал из приемной:

— Братья Дудевиль!

Вошли два молодых человека, изысканно одетые, с живыми глазами и симпатичными лицами.

— Здравствуй, Жан. Здравствуй, Жак. Что нового в префектуре?

— Ничего особенного, начальник.

— Ленорман не сомневается в вас?

— Нет, нисколько. После Гуреля мы самые любимые его агенты. Он поместил нас в «Палас-отеле», чтобы наблюдать за живущими в бельэтаже, где был убит Чепман. Каждое утро приходит Гурель, и мы докладываем ему то же, что и вам.

— Отлично. Самое важное для меня, чтобы я был в курсе всего, что делается в полицейской префектуре. Пока Ленорман вам доверяет, я — хозяин положения. Ну а как ваши наблюдения

в отеле?

Жан Дудевиль, старший из братьев, ответил:

— Англичанка, жившая в одной из комнат бельэтажа, уехала.

— Это меня мало интересует. Относительно нее у меня есть сведения. Ну а ее сосед, майор Парбери?

Они, казалось, немного смутились при этом вопросе. После минутного молчания один из них сказал:

— Сегодня утром майор Парбери распорядился отправить свой багаж на Северный вокзал к поезду, отходящему в двенадцать часов пятьдесят минут, и сам поехал туда в автомобиле. Но мы были на вокзале при отходе поезда — его там не было.

— Так. А багаж?

— Он взял багаж с вокзала.

— Каким образом?

— Поручил носильщику, как нам сказали.

— Следовательно, его след потерян?

— Да.

— Наконец-то! — радостно воскликнул князь.

Братья удивленно переглянулись.

— Да, да, — повторил он, — это улика.

— Вы полагаете, что он…

— Вне всякого сомнения. Убийство Чепмана могло быть совершено только в одной из комнат коридора бельэтажа. Туда, к своему сообщнику, убийца привел секретаря, убил его и переменил платье, а после ухода убийцы сообщник вытащил труп Чепмана в коридор. Но кто был сообщником? То, каким образом исчез майор Парбери, несомненно, доказывает, что он замешан в деле Кессельбаха. Живо сообщите эту новость Ленорману или Гурелю. Надо, чтобы в префектуре поскорее узнали об этом. Мы идем с полицией в деле Кессельбаха рука об руку.

Он дал им еще несколько инструкций и отпустил.

В приемной дожидались еще двое.

Он ввел в кабинет одного из них.

— Очень извиняюсь, доктор, что задержал тебя, — сказал князь. — Теперь я весь к твоим услугам. Как обстоит дело с Пьером Ледюком?

— Он умер.

— Неприятно. Положим, ты предупреждал меня раньше. Да… бедняга все равно бы долго не протянул…

— Он был совершенно истощен. Легкий припадок — и все кончено.

— Он ничего не сказал?

— Нет.

— А ты уверен в том, что с того дня, как мы его подобрали под столом в грязном кабаке в Бельвиле, никто в твоей лечебнице не догадался, что этот больной и есть тот таинственный Пьер Ледюк, которого разыскивает полиция и которого во что бы то ни стало хотел найти Кессельбах?

— Нет, никто. Ледюк лежал в отдельной комнате. Кроме того, я завязал ему левую руку, чтобы не было видно, что у него не хватает кончика мизинца. Что же касается шрама, то под бородой он совершенно незаметен.

— И ты сам лично ухаживал за ним?

— Да, сам. И, как вы мне говорили, я пользовался каждым случаем, чтобы расспросить его. Но я не услышал от него ничего, кроме бессвязного бормотанья.

Князь проговорил задумчиво:

— Пьер Ледюк умер. Весь проект Кессельбаха, очевидно, покоился на нем, и вот Ледюк исчез, не сказав ни слова. Впутываться ли мне в эту историю, в которой я ничего не понимаю…

Он подумал с минуту и воскликнул:

— А, все равно! Все-таки я не брошу это дело, хотя Пьер Ледюк и умер. Это не причина. Наоборот. Слишком соблазнителен случай… Пьер

Ледюк умер, да здравствует новый Пьер Ледюк! Ступай, доктор. Сегодня вечером я позвоню тебе по телефону.

Доктор вышел из кабинета.

— Теперь очередь за тобой, Филипп, — сказал Сернин последнему посетителю, дожидавшемуся в передней, маленькому человеку с седыми волосами, одетому как лакей отеля низшего разряда.

— Я должен вам напомнить, патрон, — начал Филипп, — что неделю тому назад я по вашему приказанию поступил лакеем в отель «Два императора» в Версале для наблюдения за одним молодым человеком…

— Да-да… помню… его зовут Жерар Бопре. Ну, что ты можешь сказать мне?

— Он сидит без гроша.

— И мрачно настроен?

— Да, он собирается покончить с тобой.

— Серьезное намерение?

— Очень. Вот какую записку я нашел в его бумагах.

— Так… так… — сказал Сернин, читая записку. — Он извещает о своей смерти и собирается это сделать сегодня вечером.

— Да. Он купил веревку и ввинтил крюк в потолок. Я завязал с ним знакомство, как вы мне это

приказали. Он рассказал мне о своем безвыходном положении, и я посоветовал ему обратиться к вам. «Князь Сернин, — сказал я ему, — очень богатый и щедрый человек, быть может, он не откажется вам помочь».

— Очень хорошо. Следовательно, он будет у меня?

— Да, он уже приехал. Я его видел перед вашим домом, с минуты на минуту он должен позвонить.

Слуга подал визитную карточку. Князь сказал:

— Попросите господина Жерара Бопре. А ты, Филипп, пройди в соседнюю комнату, сиди там и не двигайся.

Оставшись один, князь проговорил вполголоса:

— Сама судьба мне посылает его. Неужели я буду колебаться?!

Через несколько минут в кабинет вошел молодой человек с худым лицом и лихорадочно горящими глазами. Он нерешительно остановился на пороге.

— Вы — Жерар Бопре? — коротко спросил князь.

— Да… это я.

— Простите, но я не имею чести…

— Видите ли, князь, мне посоветовали…

— Кто?

— Лакей из отеля, который говорит, что служил у вас…

— Покороче, пожалуйста, в чем дело?

— Я пришел…

Молодой человек остановился, смутившись от довольно резкого приема, оказанного ему князем. Последний проговорил нетерпеливо:

— Пожалуйста, я жду.

— Мне сказали, князь, что вы очень богатый и щедрый человек. И я думал, не сможете ли вы…

Его голос прервался, у него не хватало духу выговорить унизительные слова просьбы.

Сернин подошел к нему:

— Не вам ли принадлежит этот томик стихов: «Улыбка весны»?

— Да, мне, — воскликнул молодой человек с просиявшим лицом, — вы читали мои стихи?

— Да. Недурные стихи. Только что же, вы рассчитываете существовать на те средства, которые они принесут?

— Да, я уверен, что рано или поздно…

— Гм… рано или поздно… скорее, поздно… не так ли, молодой человек? А пока вы пришли ко мне с просьбой о средствах на жизнь. Да?

— Мне нечего есть, князь!

Сернин спокойно положил руку ему на плечо:

— Есть? Настоящие поэты питаются мечтой и рифмой. Попробуйте последовать их примеру. Это все-таки лучше, чем протягивать руку.

Молодой человек вздрогнул от неожиданного оскорбления, повернулся и молча направился к двери. Сернин остановил его:

— Одним словом, у вас нет никаких средств?

— Никаких.

— И вы ни на что не рассчитываете?

— У меня есть слабая надежда… я написал одному из своих родственников, умоляя помочь мне, — сегодня я получу ответ. Это последнее, что у меня осталось.

— Ну а если вы не получите ответа, тогда вы сегодня же вечером…

— Да, князь.

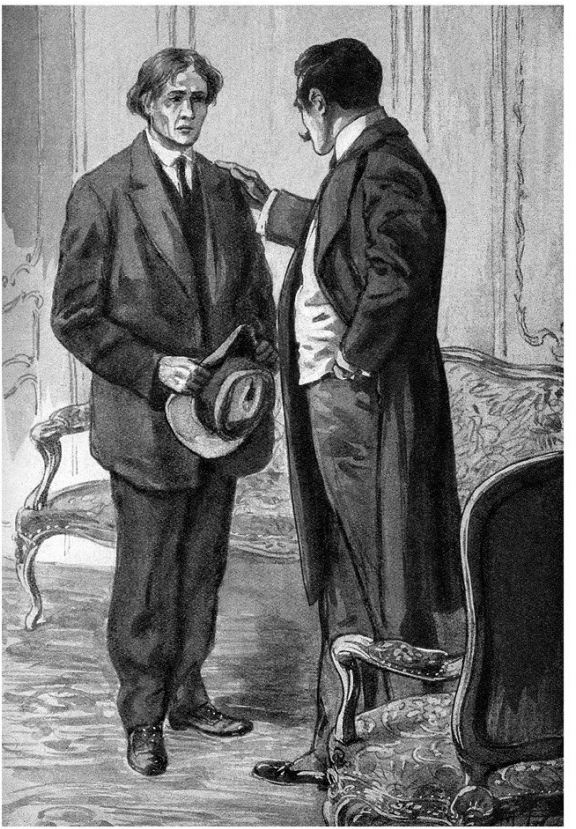
Это было сказано просто и решительно. Князь расхохотался.

— Ну, так я и знал! Как вы комичны, молодой человек, как вы наивны! Заходите-ка ко мне через годик, мы с вами потолкуем об этом. Вспомним… посмеемся…

И, весело смеясь, князь с изысканной вежливостью выпроводил его.

— Ты слышал, Филипп, — сказал он, открывая дверь в соседнюю комнату.

— Да, патрон.



— Жерар Бопре ждет сегодня телеграмму, — быть может, его родственник решится помочь ему?

— Это его последняя надежда.

— Так вот. Эту телеграмму он не должен получить. Если она придет, ты перехватишь и разорвешь ее.

— Хорошо.

— Ты один в отеле?

— Есть еще кухарка, но она не ночует, а хозяин куда-то уехал.

— Хорошо. Следовательно, нам никто не помешает. Сегодня вечером, в одиннадцать часов. Отправляйся.

II

Князь Сернин прошел в комнаты и позвонил лакею.

— Шляпу, перчатки и трость, — приказал он. — Автомобиль подан?

— Да, сударь.

— Октав, — сказал он своему шоферу, — в Гарш.

Без десяти шесть он вышел из машины около старых стен парка Вильнёв.

Пришедшее в упадок имение Вильнёв все еще

хранило на себе блеск тех времен, когда здесь жила императрица Евгения[2]. Его старые деревья, пруд, зеленые лужайки вызывали чувство тихой грусти. Значительная часть имения была подарена институту Пастера. В меньшей же его части, отделенной от первой свободным пространством, находился дом Убежища и четыре одиноких домика.

«Там живет госпожа Кессельбах», — подумал князь, увидев в зелени деревьев крышу одного из домиков, и пошел через парк, направляясь к пруду. Вдруг он остановился, заметив вдали двух дам.

Дамы шли по зеленой лужайке меж большими тенистыми деревьями. Вдруг из рощицы показались три человека. Они подбежали к дамам и начали вырывать из их рук сумочки. Дамы закричали — разбойники набросились на них.

— Теперь самое время, — сказал князь и кинулся на помощь.

Через десять секунд он был уже на берегу пруда. При его приближении грабители бросились бежать.

---

[2] Notes: 2

Евгения Монтихо (1826–1920) — жена императора Наполеона III (с 1853 г.).

Он хотел догнать их, но одна из дам обратилась к нему:

— Пожалуйста, помогите, моей подруге нехорошо…

Действительно, та лежала на траве без чувств. Князь остановился и спросил с беспокойством

в голосе:

— Они не ранили ее, надеюсь?

— О, нет-нет… Это только испуг… волнение. И потом, вам будет понятна ее слабость, когда вы узнаете, что эта дама — госпожа Кессельбах.

— А! — сказал он и, предложив флакон с английской солью, прибавил: — Приподнимите аметист на пробке, там есть маленькое отделение, в нем лежат пастилки. Дайте одну из них госпоже Кессельбах… только одну… это сильное средство.

Он смотрел, как молодая девушка ухаживает за своей подругой. Это была блондинка, очень скромная на вид, с ласковым и серьезным выражением лица и приятной улыбкой, освещающей тихой прелестью ее лицо даже тогда, когда она не улыбалась.

«Это Женевьева, — подумал он и нежно повторил про себя, — Женевьева… Женевьева…»

Госпожа Кессельбах между тем понемногу приходила в себя. Она была очень удивлена и не понимала, что случилось. Наконец она вспомнила и легким наклоном головы поблагодарила своего спасителя. Он почтительно поклонился ей и сказал:

— Позвольте представиться: князь Сернин…

Она тихо ответила:

— Я не знаю, как мне благодарить вас.

— О, не стоит, сударыня. Я тут ни при чем. Благодарите случай, который направил меня сюда. Да, позвольте предложить вам руку.

Через несколько секунд госпожа Кессельбах звонила у двери Убежища. Она сказала князю, прощаясь с ним:

— Я прошу вас: никому не говорите о сегодняшнем нападении.

— Но ведь это единственное средство узнать…

— О, опять поднимется шум вокруг моего имени, расспросы, следствие, а у меня и так уже больше нет сил.

Князь простился с ней и сказал:

— Вы позволите навестить вас?

— О, конечно…

Она поцеловала Женевьеву и ушла. Наступала ночь. Сернин не хотел, чтобы Женевьева возвращалась одна. Но, едва они вышли на тропинку, как увидели темный силуэт, быстро движущийся им навстречу.

— Бабушка! — воскликнула Женевьева и бросилась в объятия пожилой женщины, покрывая ее лицо поцелуями.

— Милая… милая… что же случилось? Почему ты так опоздала? Ты, такая аккуратная…

Женевьева представила ей князя.

— Госпожа Эрнемон, князь Сернин.

Потом она рассказала о нападении, и госпожа Эрнемон повторяла все время:

— Милая… милая… как ты, наверное, испугалась… О, я никогда не забуду, князь… Но как же ты испугалась, бедняжка…

— Ну вот, бабушка, успокойтесь, как видите, я цела и невредима.

— Да, но с тобой от испуга может что-нибудь сделаться… Могут быть последствия… О, это ужасно!

Они дошли до забора, через который был виден двор с несколькими деревьями и белый домик. За домом шла аллея из бузины, оканчивавшаяся калиткой. Госпожа Эрнемон попросила князя зайти к ним и провела его в гостиную, служившую также и приемной.

Женевьева извинилась перед князем, сказав, что ей надо отлучиться ненадолго, чтобы посмотреть, чем заняты ее воспитанники.

Князь и госпожа Эрнемон остались одни.

У пожилой дамы было бледное и печальное лицо, седые волосы. На вид она была довольно сильной женщиной, с тяжелой походкой, но, несмотря на ее платье и внешность дамы, в ней

было что-то вульгарное. Она прибирала на столе, продолжая высказывать беспокойство по поводу случившегося с Женевьевой. Сернин подошел к ней и расцеловал ее в обе щеки.

— Ну, как поживаешь, старушка?

Она остановилась, открыв рот от изумления. Князь снова со смехом поцеловал ее.

— Боже мой! Это ты! Боже, боже! Неужели это возможно?

— Да, это я, Виктория.

— Ах, не называй меня так, — вскрикнула она, вздрогнув. — Твоя старая служанка умерла. Виктории больше не существует. Вся моя жизнь теперь принадлежит Женевьеве. — Она заговорила шепотом: — Я читала про тебя в газетах. Так это правда? Ты опять принялся за прежнее?

— Как видишь.

— А ведь ты поклялся мне, что бросишь жизнь авантюриста, уедешь навсегда и станешь честным человеком.

— Пробовал. Четыре года пробовал. Не правда ли, обо мне ничего не было слышно эти четыре года?

— Да. А почему же ты изменил свое решение?

— Надоело.

Она глубоко вздохнула:

— Ты остался все таким же! Нисколько не переменился и, должно быть, никогда уже не переменишься. Ты замешан в деле Кессельбаха?

— Конечно. Из-за чего же я стал бы тогда организовывать нападение на госпожу Кессельбах ровно в шесть часов, как не для того, чтобы в пять минут седьмого доставить себе случай вырвать ее из рук моих людей. Теперь она обязана мне спасением, и ей неловко не принять меня.

Она посмотрела на него с испугом и наконец сказала:

— Понимаю… понимаю… все это ложь… Ну а как же тогда Женевьева?

— А что Женевьева? Я одним выстрелом убил двух зайцев. Организуя нападение, я рассчитывал на это. Подумай, сколько мне пришлось бы затратить труда, чтобы завоевать доверие этой девушки. И наконец, после всего я все-таки был бы просто иностранцем… знакомым… А теперь, являясь для нее спасителем, я через час буду ее другом.

Госпожа Эрнемон вся задрожала при этих словах.

— Так ты не только не спас Женевьеву, ты еще хочешь впутать ее в свои истории?

И вдруг, в припадке внезапного гнева, она,

схватив его за руки, быстро заговорила:

— Нет-нет! Довольно мне всех этих историй, слышишь? Довольно! Помнишь, как ты привез мне однажды девочку и сказал: «Вот, я поручаю тебе ребенка, ее родители умерли, береги ее». И я забочусь о ней, берегу ее и сумею уберечь ее и от тебя, и от твоих скверных проделок.

Она стояла полная решимости, казалось, готовая на все.

Он мягко освободил свои руки, сначала одну, потом другую, схватил ее за плечи, посадил в кресло и, нагнувшись, очень спокойным тоном сказал ей:

— Тсс!

Она заплакала и, не находя в себе сил сопротивляться более, стала упрашивать его:

— Я умоляю тебя, оставь нас в покое. Мы были так счастливы! Я думала, что ты забыл о нас, и благодарила Бога каждый день. Все-таки я люблю тебя… Но Женевьева… Из-за нее я готова на все. Она заняла в моем сердце твое место.

— Вижу, вижу, — сказал он, смеясь. — Ты с удовольствием послала бы меня к черту. Ну, довольно говорить глупости. У меня нет сейчас на это времени. Мне надо поговорить с Женевьевой.

— Ты хочешь с ней говорить?

— А что? Разве это преступление?

— Что же ты хочешь сказать ей?

— Открыть один секрет…

Госпожа Эрнемон заволновалась.

— Может быть, это будет неприятно ей. О, я всего боюсь…

— Довольно, утри слезы и будь благоразумна.

— Послушай, — сказала она живо, — послушай, я не знаю, что ты хочешь сказать ей, какую тайну ты хочешь открыть ребенку, которого ты не знаешь. Но я знаю ее и должна тебе сказать следующее: Женевьева — девушка не робкая, но очень чувствительная. Прислушайся к моим словам… ты можешь оскорбить в ней чувства… о которых ты и не подозреваешь и которых ты не можешь себе и представить…

— Да почему такое?

— Потому что она принадлежит к другой породе людей, чем ты… она — с другой планеты… Я говорю в отношении нравственности. Между вами стоит непреодолимое препятствие. Женевьева — существо с самой чистой и высокой нравственностью, а ты…

— Ну а что же я?

— А ты не можешь назвать себя честным че-

ловеком.

III

Вошла Женевьева, живая и грациозная.

— Все мои малютки спят в дортуаре, и у меня есть свободное время… Но, бабушка, что это с тобой? У тебя такое странное выражение лица! Неужели тебя все еще беспокоит эта история?

— О нет, — сказал Сернин, — я успокоил вашу бабушку… Но мы разговаривали о вас, о вашем детстве, а о нем, кажется, ваша бабушка не может говорить не волнуясь…

— О моем детстве? О, бабушка! — сказала Женевьева, краснея.

— Не сердитесь на нее, мы совершенно случайно коснулись этого вопроса. Оказалось, что я часто проезжал мимо маленького селения, где вы росли.

— Аспремона?

— Да, Аспремона, близ Ниццы. Вы жили тогда в новом доме, совсем белом…

— Да, — сказала она, — дом был выкрашен белой краской с голубой каймой вокруг окон… Я тогда была очень маленькой, потому что рассталась с Аспремоном в семь лет, но, несмотря на это, я помню все, до мельчайших подробностей.

Я, как сейчас, вижу ярко освещенный солнцем белый дом… эвкалипт в конце сада…

— В конце сада были оливковые деревья, и под одним из них — стол, где ваша мать работала в жаркие дни…

— Да-да, это верно, — сказала Женевьева, взволнованная воспоминаниями, — и я играла около нее.

— Да, там я часто видел вашу мать… И сейчас, когда я увидел вас, я как бы нашел ее, но более веселую и счастливую…

— Бедная мама действительно не была счастлива. Мой отец умер в тот день, когда я родилась, и ничто не могло утешить ее. Она часто плакала, и я до сих пор храню маленький платок, которым я вытирала ей слезы.

— Маленький платочек с розовыми рисунками?

— Да, — воскликнула она удивленно, — разве вы знаете?

— Да, я видел однажды, как вы утешали ее…

Она пристально посмотрела на него и проговорила как бы про себя:

— Да-да, мне кажется, я вспоминаю звук вашего голоса, выражение ваших глаз…

Она задумалась.

— Так вы знали мою мать?

— У меня были друзья близ Аспремона. Последний раз, когда я ее видел, она мне показалась еще более печальной, чем обыкновенно, более бледной, и когда я приехал опять…

— Она уже умерла, — перебила Женевьева, — да, она недолго хворала, всего несколько недель, а я осталась одна с соседями, которые ухаживали за ней. И однажды утром ее унесли. В тот же день, вечером, когда я спала, пришел кто-то, взял меня на руки, завернул в одеяло…

— Мужчина? — спросил князь.

— Да, мужчина. Он тихо успокаивал меня ласковым голосом… нес меня на руках… потом в карете, ночью, он укачивал меня… рассказывал сказки… тем же голосом…

Она остановилась и стала снова пристально вглядываться в лицо Сернина, стараясь уловить ускользавшее от нее воспоминание.

Князь спросил ее:

— А потом? Куда же он вас отвез?

— Дальше я помню смутно… Точно, я спала несколько дней. Потом я вспоминаю себя в небольшом городке Вандеи, где я провела вторую половину моего детства, в Монтегю, у семейства Шеро. Очень хорошие люди. Они заботились обо

мне как о своей дочери, и я никогда не забуду их нежной преданности.

— Они тоже умерли?

— Да, — ответила Женевьева, — эпидемия тифа унесла их, но я узнала это позднее. Как только они захворали, меня опять унесли, и опять ночью, завернув в одеяло… Но я была уже большая, поэтому я сопротивлялась, хотела кричать, и… незнакомец вынужден был завязать мне рот платком.

— Сколько же лет вам тогда было?

— Четырнадцать… это было четыре года тому назад.

— Вы видели этого человека? Сможете узнать его?

— Нет, я не могла видеть его лица… Он скрывал его, и к тому же на этот раз он не сказал ни слова. Но у меня осталось впечатление, что это был тот же человек, что и в первый раз… То же заботливое отношение, ласковые жесты, осторожность…

— Ну а потом?

— Потом, как и в первый раз, в моих воспоминаниях следует перерыв… на этот раз, кажется, я была больна. Когда я пришла в себя, я оказалась в светлой, веселой комнате. Седая дама, улыбаясь, стояла у моей постели. Это была бабушка, а

комната как раз та, которую я занимаю сейчас наверху.

Женевьева успокоилась и закончила, улыбаясь:

— И вот госпожа Эрнемон нашла меня у порога своей двери, спящую, и стала моей бабушкой.

Сернин слушал ее с возрастающим удивлением, которое не старался скрыть.

— А вы ничего не слыхали об этом человеке с тех пор? — спросил он.

— Нет, ничего.

— И вам было бы приятно увидеть его?

— О да, я была бы очень рада.

— Так вот…

Женевьева невольно вздрогнула:

— Вы что-то знаете о нем, быть может…

— Нет-нет, я хотел только…

Он встал и прошелся по комнате. Время от времени его взгляд останавливался на Женевьеве, и, казалось, он готов был ответить утвердительно на заданный ею вопрос.

Госпожа Эрнемон со страхом глядела на него, ожидая, что вот-вот он откроет тайну, от которой будет зависеть покой и счастье молодой девушки.

Князь сел наконец возле Женевьевы и сказал:

— Нет, видите ли, я вспомнил…

— Вы вспомнили? Что?

— Нет, я ошибся. В вашем рассказе есть некоторые подробности, которые и ввели меня в заблуждение.

— Вы уверены в этом?

Он помолчал немного и твердо сказал:

— Совершенно уверен.

— А я думала… мне показалось… что вы знаете…

Она не закончила, ожидая ответа на вопрос, который не смела ясно поставить.

Сернин молчал. Не настаивая больше, Женевьева обратилась к госпоже Эрнемон:

— Спокойной ночи, бабушка! Пойду поцелую перед сном своих малюток. — Она протянула руку князю. — Еще раз благодарю…

— Вы уже уходите? — спросил он живо.

— Да, извините меня, мне пора.

Он поклонился и пожал ей руку. У двери Женевьева на мгновение остановилась, обернулась с улыбкой и вышла.

Князь сидел, бледный от волнения, прислушиваясь к удалявшимся шагам Женевьевы.

— Ты так и не сказал ей? — спросила госпожа Эрнемон.

— Нет… потом. Сегодня, как это ни покажется странным, я не смог.

— Да разве это так трудно? Ведь она же ясно чувствовала, что ты — тот незнакомец, который уносил ее два раза. Довольно было бы одного слова…

— Потом, потом, — сказал он, успокоившись. — Ты понимаешь, этот ребенок совсем не знает меня. Надо сначала завоевать ее доверие, любовь, нежность. Мне достаточно того, что я увидел ее. Прощай.

Он вышел из школы и направился к автомобилю, довольный и счастливый.

— Она прелестная девушка… У нее глаза матери — чудные глаза… Боже, как все это было давно!

И он сказал громко:

— Я займусь ее судьбой… Сейчас же. С сегодняшнего же вечера… Я найду ей жениха…

IV

Автомобиль остановился на углу бульвара Инкерман, перед одиноко стоящей виллой. На звук автомобильного рожка вышел доктор. Князь спросил у него:

— Что, субъект приготовлен?

— Запакован, увязан как следует. Если все выйдет, как задумано, полиция сочтет его обыкновенным покойником.

— Это ее дело. Давайте перенесем его.

Они вынесли и положили в автомобиль длинный тяжелый сверток, формой напоминавший человека.

— В Версаль, Октав, на улицу Вилен, к отелю «Два императора», — приказал князь.

— Скверный отель, — заметил доктор, — я его знаю, просто трущоба.

Отель «Два императора» и в самом деле оказался скверным: грязный вход, две ступеньки ведут вниз, в полутемный коридор, слабо освещенный лампой.

Сернин постучал в маленькую дверь.

Показался лакей — это был Филипп, которому сегодня утром князь давал распоряжения относительно Жерара Бопре.

— Он у себя? — спросил князь.

— Да.

— Ну как?

— Уже приготовил веревку, сделал петлю.

— Получил ли он телеграмму, о которой говорил сегодня утром?

— Вот она.

Сернин взял лист бумаги и прочел.

— Ого! Это было сделано как раз вовремя, — сказал он. — Его извещали, что завтра он получит тысячу франков… Итак, судьба мне благоприятствует… Без четверти двенадцать… Через четверть часа бедняга отправится к праотцам. Проведи меня, Филипп, а ты, доктор, останься здесь.

Лакей взял свечку, и они стали тихо подниматься по лестнице на третий этаж, на цыпочках прошли по низкому вонючему коридору, который оканчивался деревянной лестницей с едва заметными признаками бывшего на ней когда-то ковра.

— Меня никто не может услыхать? — спросил Сернин.

— Никто. Эти две комнаты находятся совершенно отдельно от других. Но вы не ошибетесь, он живет в левой комнате.

— Хорошо. Ты спустись вниз. В полночь доктор, Октав и ты принесете сверток и подождете.

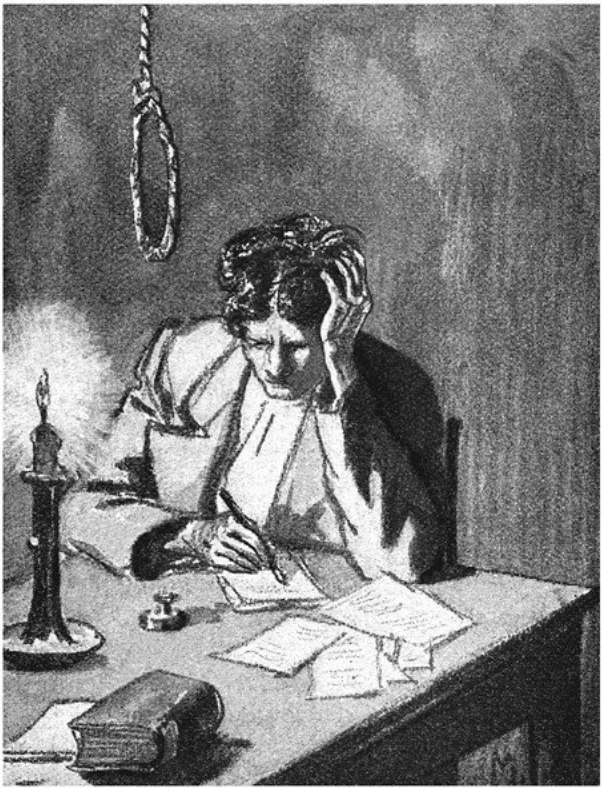
Князь очень осторожно поднялся по деревянной лестнице. Наверху была площадка и две двери. Сернину понадобилось долгих пять минут, чтобы тихо, без малейшего шума, открыть дверь правой комнаты. Там, в полутьме, светилось

небольшое пятно. Ощупью, чтобы не наткнуться на стул, князь направился в сторону света, который шел из соседней комнаты через стеклянную дверь, заклеенную обрывком обоев. Стекло было закрашено, но в некоторых местах краска облупилась, так что, приложив глаз, можно было ясно видеть, что делается в соседней комнате. Он увидел там человека, сидевшего лицом к нему и что-то писавшего при свете свечи. Это был поэт Жерар Бопре. Над ним висела веревка, привязанная к крюку на потолке и оканчивающаяся большой петлей…

Звук легкого щелканья раздался на городских часах.

«Без пяти двенадцать, — подумал Сернин, — еще пять минут».

Молодой человек все продолжал писать. Через минуту он положил перо, привел в порядок десять или двенадцать листков, исписанных им, и стал снова их перечитывать. Должно быть, ему не нравилось написанное, потому что на лице его отразилось недовольство, и, разорвав рукопись, он сжег ее на огне свечи. Потом он лихорадочно схватил чистый листок, написал несколько строк, подписался и встал. Но, увидев перед собой петлю, снова невольно сел.



Сернин ясно видел его бледное красивое лицо, впалые щеки, стиснутые руки. Какой же он еще

был молодой!

Полночь…

При последнем ударе часов Жерар Бопре встал. Он окинул взором свою жалкую комнату, куда привела его судьба: грязные обои на стенах, убогую кровать…

Потом быстро влез на стул, так же быстро просунул голову в петлю, затянул ее и, оттолкнув стул обеими ногами, прыгнул в пустоту…

V

Вошел Сернин. Не спеша, он взял со стола листок бумаги и прочел:

> *Утомленный жизнью, больной, без надежды на лучшее, я убиваю себя. Пусть никого не винят в моей смерти.*
>
> ***30 апреля***
> ***Жерар Бопре***

Сернин положил листок на стол, на самое видное место, взял стул и подставил его под ноги молодому человеку, потом влез на стол и, придерживая тело, ослабил петлю и снял ее с шеи. Тело упало к нему на руки. Он дал ему упасть на стол и, спрыгнув на пол, положил его на кровать. Потом

все так же спокойно он открыл дверь и спросил:

— Вы все здесь?

Кто-то вблизи ответил:

— Мы здесь. Что? Тащить наверх сверток?

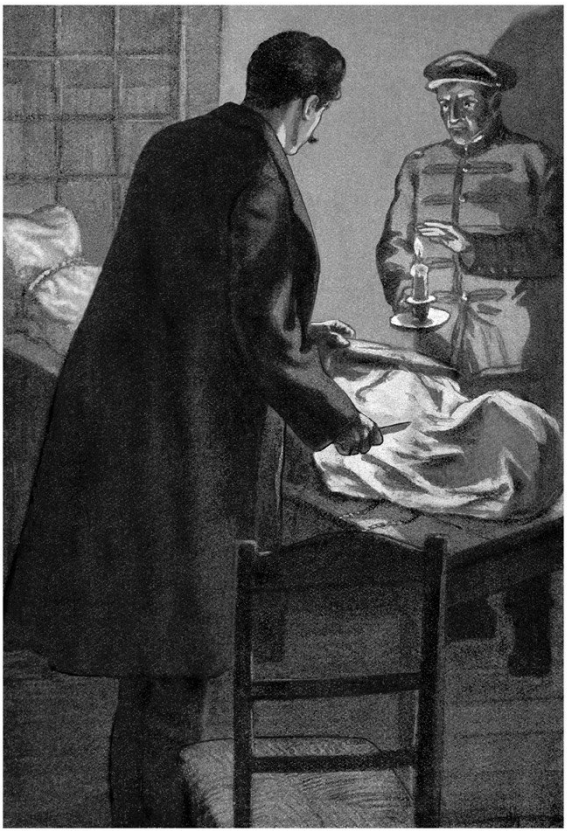
— Тащите.

Он взял свечу и начал светить им. Трое с трудом несли по деревянной лестнице мешок.

— Кладите сюда, — сказал он, показывая на стол.

Он разрезал перочинным ножом веревки, которыми был связан мешок. Показалась белая простыня, которую он сдернул. В простыне был труп Пьера Ледюка.

— Бедный Пьер Ледюк, — сказал Сернин. — Ты никогда не узнаешь, что ты потерял, умирая таким молодым. Я далеко бы тебя повел, мой милый. Ну, что делать, придется обойтись без тебя… Филипп, ты влезай на стол, а ты, Октав, на стул, поднимите голову трупа и наденьте петлю.



Через десять минут тело Пьера Ледюка уже раскачивалось на веревке.

— Великолепно. Ничего нет сложного — простая замена одного трупа другим. Теперь вы можете уходить. А ты, доктор, придешь сюда завтра утром и узнаешь о самоубийстве Жерара Бопре. Вот его записка. Ты позовешь частного доктора и комиссара, и устроишь так, чтобы ни тот ни другой не заметили, что у трупа обрезан палец на левой руке, а на щеке есть шрам…

— Легко…

— И ты сделаешь так, чтобы протокол о самоубийстве был составлен тотчас же и под твою диктовку.

— Нетрудно.

— Постарайся, чтобы труп не посылали в морг и разрешили бы похоронить сейчас же, после окончания протокола и осмотра.

— Еще легче.

— Постарайся. Ты осматривал этого?

Он указал на молодого человека, лежавшего без движения на кровати.

— Да, — ответил доктор, — дыхание становится нормальным. Но риск был очень велик…

— Без риска нельзя… Скоро он придет в себя?

— Через несколько минут.

— Отлично. Ты, доктор, подожди внизу. Для тебя еще будет дело сегодня.

Оставшись один, князь закурил папиросу. По комнате поплыли кольца голубого дыма.

Раздался слабый стон. Князь подошел к кровати. Поэт понемногу возвращался к жизни. Он поднес руки к горлу, точно желая что-то отстранить, потом открыл глаза и увидел перед собой Сернина. Князь внимательно смотрел на изумленного поэта… Вдруг Жерар Бопре страшно закричал. Его зрачки расширились, волосы на голове встали дыбом, и он стал медленно отодвигаться к стене: перед ним на веревке висел труп. Это был он! Это он висел! Его душа после смерти видела свое мертвое покинутое тело… Поэт неловко взмахнул руками и упал без чувств.

— Великолепно, — сказал, усмехаясь, князь. — Впечатлительная натура. Настала благоприятная минута. Но, если за двадцать минут мне не удастся устроить задуманного, он ускользнет от меня.

Князь взял молодого человека на руки и перенес его в другую комнату на кровать. Потом намочил ему виски холодной водой и поднес к носу флакон с английской солью. Обморок продолжался недолго. Поэт открыл глаза и посмотрел на потолок. Видение исчезло.

— Все это было во сне, — сказал он.

— Нет, — возразил князь.

— Как нет?

И вдруг он вспомнил:

— Верно, верно, я хотел умереть… Но этот призрак…

— Какой призрак?

— Человек на веревке…

— Это тоже действительность, — сказал Сернин.

— Что вы говорите?! О, нет, нет… да разбудите же меня! Я сплю… или нет, я, должно быть, умер, и все это — ужасный кошмар. Я чувствую, что схожу с ума! Помогите мне!

Сернин мягко положил руку на голову молодого человека и сказал, наклонившись к нему:

— Слушай, слушай внимательно и старайся понять… Ты жив. Ты как человек остался таким же. То же тело, те же мысли и характер. Но Жерар Бопре — умер. Понимаешь, умер. Человека, занимающего место в обществе под именем Жерар Бопре, больше не существует. Ты сам его уничтожил. Завтра в официальных книгах против твоего имени появится пометка «умер» и дата твоей смерти.

— Ложь, — слабо запротестовал молодой чело-

век, — ложь, это неправда, вот я — Жерар Бопре.

— Ты не Жерар Бопре, — сказал князь и, показывая на открытую дверь другой комнаты, добавил: — Жерар Бопре висит там, в соседней комнате. Хочешь ли ты видеть его? Он висит на крюке, который ты сам вбил в потолок. На столе лежит записка, в которой ты извещаешь о своей смерти. Все сделано правильно и безвозвратно: Жерара Бопре больше не существует.

Молодой человек слушал с растерянным видом. Спокойный, уверенный тон князя повлиял на него, и он понемногу успокаивался.

— Как же мне быть теперь? — спросил он.

— Об этом мы и будем говорить.

— Да… да…

— Папиросу? — предложил князь. — А, берешь! Я знаю, что ты хочешь жить. Тем лучше, тем скорее мы договоримся.

Он закурил папиросу, дал огня молодому человеку и в нескольких словах сухим тоном изложил, чего он от него хочет.

— Будучи Жераром Бопре, ты был утомлен жизнью, у тебя не было денег, не было никакой надежды на лучшее… Хочешь быть здоровым, сильным, богатым?

— Я не понимаю.

— Это очень просто. Случай поставил тебя на моем пути. Ты молод, красив, умен, вдобавок поэт и, как доказывает твой решительный поступок, честен. Все эти качества редко встречаются вместе. Я их ценю… и желаю ими воспользоваться…

— Я не продаю себя.

— Глупый, да никто и не говорит о продаже! Сохрани их при себе. Они слишком ценны, чтобы отнять их у тебя.

— Так что же вам нужно от меня?

— Твоя жизнь!

И, указывая на шею юноши, на которой еще видна была красная полоса от веревки, он продолжал:

— Твоя жизнь! Ты не сумел ее устроить. Ты ее испортил. — Он схватил его за руки. — Слушай! Ты свободен! На тебе теперь нет социальных оков. У тебя нет даже имени. Ты стер это клеймо, которое общество выжигает на лбу каждого родившегося. В толпе рабов, где каждый ходит с ярлыком, ты можешь оставаться неизвестным, невидимым, как если бы ты владел волшебным кольцом… или, если хочешь, можешь сам себе выбрать ярлык. Ты можешь из своей жизни, как из воска, вылепить что угодно! Тебя ждет совершенно новая жизнь!

У молодого человека при этих словах вырвался усталый жест:

— Ну и что же я сделаю? То же, что и до сих пор делал. Ничего.

— Отдай ее мне.

— А что вы можете сделать?

— Все.

— Это только слова, обещания, — воскликнул молодой человек с оживившимся лицом. — Пустые сны. Я знаю себе цену, знаю свой бессильный, робкий, слабовольный характер. Чтобы начать жизнь снова, нужна воля, а у меня ее нет…

— У меня есть!

— Друзья…

— Они у тебя будут.

— Средства…

— Я тебе дам их. И какие средства! Неисчерпаемые! Ты будешь брать, как из волшебной шкатулки.

— Но кто же вы? — воскликнул молодой человек с изумлением.

— Для других — князь Сернин, для тебя… да не все ли равно тебе. Я больше чем князь, больше чем король, чем император…

— Кто же вы… кто вы… — повторял молодой человек.

— Я человек, который может все.

Он упорно смотрел на юношу и продолжал:

— Ты станешь богатым и сильным. Я предлагаю тебе свободную, красивую жизнь, славу, обеспеченность, необходимую тебе как поэту… Согласен?

— Да, — чуть слышно прошептал молодой человек. — Что же мне надо делать?

— Ничего.

— Но все-таки?

— Ничего, повторяю тебе. Оставь эти заботы мне.

— Чем же я буду заниматься?

— Ничем… хочешь, пиши стихи… Живи, как тебе угодно. У тебя будут для этого деньги.

— Кем же я буду?

Сернин взял его за руку и показал на соседнюю комнату:

— Ты займешь его место. Ты будешь им.

Жерар задрожал от отвращения.

— Нет, это преступление, я не хочу… он умер… я хочу совершенно новое, неизвестное имя.

— Ты будешь им! Я тебе говорю, — воскликнул Сернин, — и никем другим! Он оставил тебе блестящее имя, которое десять веков с гордостью носили…

— Нет, это преступление, — почти простонал Бопре.

— Ты будешь им, — проговорил Сернин с невероятной силой в голосе. — Непременно им! Или ты станешь опять поэтом Бопре, а жизнь Бопре принадлежит мне. Выбирай!

Он вынул револьвер, зарядил его и направил на молодого человека.

— Выбирай, — повторил он.

Выражение его лица было неумолимо. Жерар испугался, спрятал лицо в подушки и заплакал.

— Я хочу жить.

— Ты уверен в этом?

— Да, тысячу раз — да! Все, что угодно, только не смерть!

— Я не требую от тебя невозможного, не требую ничего дурного, — продолжал убеждать его князь. — Если что и будет, так я отвечаю… Вовсе не преступление… Немного боли… Ты потеряешь несколько капель крови. Но что это в сравнении со страхом смерти!

— Я не боюсь боли.

— Тогда сделай это сейчас же, — воскликнул Сернин. — Десять секунд боли — и ты станешь другим человеком!

Он схватил его и посадил на стул, положив его

левую руку на стол. Быстро вынул из кармана нож и приложил его лезвие между первым и вторым суставом мизинца левой руки Бопре.

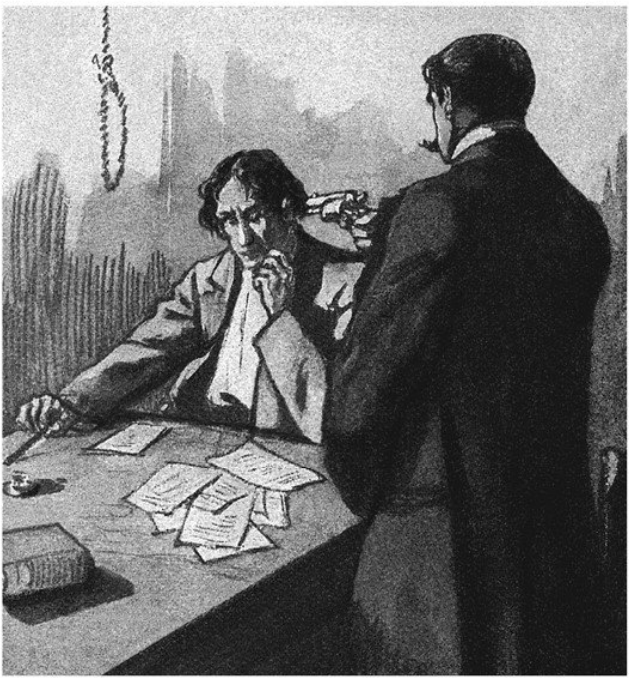
— Ударь правой рукой. Один удар — и все.

Сернин взял его правую руку и показал, как нужно ударить по лезвию ножа. Жерар в ужасе отстранился, он понял, чего требовал князь.

— Нет, я не могу!

— Один удар, только один удар — и ты будешь похож на того человека. Никто тебя никогда не узнает…

— Его имя?



— Ударь, я тебе говорю.

— О нет… потом… я не могу сейчас… Боже, какая пытка!

— Сейчас, сию минуту!

— Нет… нет!

— Ну ударь же! За это небольшое страдание ты получишь богатство, славу, любовь.

— Любовь?

— Да, любовь. Ты полюбишь и будешь любим… Твоя невеста ждет тебя. Я сам выбрал ее тебе. Она красивее самой красивой девушки в мире и чиста, как голубь, но надо немножко потерпеть. Ну, ударь!

Жерар поднял руку для удара, но инстинкт оказался сильнее. Он вырвался из рук Сернина и бросился в другую комнату. Крик ужаса вырвался у него при виде трупа, он вернулся, упал на колени перед Серниным.

— Ударь, — сказал князь, кладя руку Жерара на стол и прикладывая лезвие ножа.

Машинально, с блуждающими глазами и бледным лицом, молодой человек ударил кулаком по лезвию ножа и резко закричал. Отскочил маленький кусочек пальца. Брызнула кровь. Жерар упал без чувств.

— Бедный мальчик, — сказал Сернин, ласково

глядя на него. — Погоди, ты получишь за это сторицей! Я всегда плачу́ как король.

Он спустился вниз и позвал доктора.

— Иди, теперь твоя очередь. Сделай ему на щеке такой же шрам, как у Пьера Ледюка. Надо сделать так, чтобы они ничем не отличались друг от друга. Через час я приду за ним.

— Куда же вы идете?

— Немного пройдусь. Я измучился.

Выйдя наружу, он свободно вздохнул и закурил папиросу.

— Хороший денек, — проговорил он вполголоса. — Я стал другом Долорес Кессельбах и другом Женевьевы. Взамен умершего, я создал себе нового Пьера Ледюка, находящегося всецело в моем распоряжении. Потом я нашел мужа Женевьеве, какого не всегда можно найти. Ну, теперь я исполнил свою задачу и буду дожидаться результатов. Теперь ваша очередь, господин Ленорман. Я готов.

И он задумался.

— Да только вот в чем дело… Я совсем не знаю, кто был этот Пьер Ледюк, место которого я так великодушно уступил этому молодому человеку. Да, это глупо… Потому что никто не может мне поручиться, что этот Пьер Ледюк не был сыном

колбасника…

Глава четвертая
Ленорман за работой

I

Утром 31 мая все газеты напомнили, что на этот день Люпен назначил похищение Жерома из тюрьмы.

Префект полиции Вебер, личный враг Ленормана, за отсутствием последнего, сказавшегося больным, принял решительные меры по охране тюрьмы, где находился курьер Жером.

Была мобилизована вся полиция, но, к великому удивлению всех, 31 мая Жером не был похищен. Правда, было что-то вроде попытки, какое-то замешательство в движении экипажей и трамваев на пути, по которому следовала тюремная карета, у которой, совершенно неизвестно почему, на дороге сломалось колесо. Но вся попытка только этим и ограничилась. Это было поражением Люпена. Публика была даже разочарована, зато полиция торжествовала. Но на другой день по городу прошел слух, что курьер Жером исчез. Возможно ли это?

В шесть часов вечера в «Вечерних известиях»

было опубликовано письмо Люпена:

Милостивый государь, господин редактор!

Будьте любезны от моего имени извиниться перед вашими читателями, что я не сдержал слова. В самый последний момент я заметил, что 31 мая приходится на пятницу. Ну разве мог я освободить моего друга в такой тяжелый день?! Я не решился брать на себя такую ответственность. Извините также, что должен изменить своей обычной откровенности и не объясняю, как было устроено похищение. Мною был употреблен такой простой и остроумный способ, что я боюсь, как бы все преступники не последовали бы моему примеру.

Прошу принять, милостивый государь, и проч.

Арсен Люпен

Через час Ленорман был у председателя Совета министров Валанглэ.

— Ну? — грозно начал Валанглэ. — Рассказывайте.

— Разве я мог ему помешать? Хитрость Люпена

чересчур груба. Обыкновенно он назначает на известное число похищение, все, конечно, верят этому, он разыгрывает попытку похитить, которая не удается, а на следующий день, когда уже не думают об этом, пффф... птица улетает. Господин председатель, — сказал серьезно начальник сыскной полиции, — Люпен располагает такими средствами, что мы не можем помешать ему в том, что он задумал. Похищение было рассчитано математически верно. Я предпочел отойти в сторону и предоставить другим попасть в смешное положение...

Валанглэ рассмеялся:

— Да, думаю, префект полиции и Вебер неважно себя сейчас чувствуют. Но, Ленорман, можете ли вы мне объяснить, как Люпен это устроил?

— Пока, господин председатель, известно только то, что похищение произошло из здания суда. Подсудимого привезли в тюремной карете и провели в кабинет следователя господина Формери, но из здания суда он не выходил, и никто не знает, куда он делся.

— Изумительно.

— Да, изумительно.

— И ничего не выяснили?

— Ничего. В коридоре, рядом с кабинетом сле-

дователей, была необычайная толпа подсудимых, стражи, адвокатов, курьеров, и установлено, что все они были вызваны ложными повестками к определенному часу. С другой стороны, никого из следователей на месте не оказалось, все они, в свою очередь, ложными приказами суда были разосланы в различные места Парижа и окрестностей.

— И это все?

— Нет. Видели, что два агента вели подсудимого по двору, потом сели в фиакр и уехали.

— Что же вы думаете по этому поводу, Ленорман?

— Я думаю, господин председатель, что эти два агента были сообщниками Люпена и во время путаницы заменили настоящих. У Люпена везде есть преданные ему люди: в суде, в полиции, в министерствах, у меня. Это огромная организация, в тысячу раз более ловкая и верная, чем та, которой я имею честь управлять.

— И вы терпите это, Ленорман?

— Нет.

— Так чем же объяснить ваше бездействие с момента выступления Люпена? Что вы намерены делать?

Ленорман сел против Валанглэ, поправил от-

вороты своего темно-зеленого редингота, потом очки и сказал:

— Я готовлюсь к борьбе, господин председатель. Сейчас у меня есть три козыря. Прежде всего, я знаю имя, под которым скрывается Арсен Люпен. А он спокойно живет на бульваре Осман и принимает ежедневно своих сотрудников.

— Так какого же черта вы его не арестуете?

— Я только что получил эти сведения, а потом князь, назовем его князь Икс, находится сейчас за границей.

— А если он не возвратится?

— То положение, которое он сейчас занимает в деле Кессельбаха, обязательно заставит его вернуться и даже под той же фамилией.

— Ну, все-таки…

— Второй мой козырь в борьбе, господин председатель, — я нашел Пьера Ледюка.

— Да? Неужели…

— Вернее, Люпен его нашел и перед отъездом поместил на дачу в окрестностях Парижа.

— Ловко! А как же вы это узнали?

— Очень просто. Люпен приставил к Пьеру Ледюку двух своих товарищей, а эти его товарищи — два брата — служат у меня агентами, что, конечно, я держу в большой тайне, и в один

прекрасный день они выдадут мне Люпена.

— Браво! Браво! Так что…

— Так что через Пьера Ледюка, который занимает центральное место в проекте Кессельбаха, во-первых, я доберусь до убийцы из «Палас-отеля», потому что он заявился к Кессельбаху, чтобы выкрасть бумаги проекта, а весь проект держится на Пьере Ледюке, которого миллионер разыскивал; во-вторых, я доберусь до Люпена, потому что Люпен преследует ту же цель.

— Великолепно. Пьер Ледюк, следовательно, играет у вас роль приманки?

— Да. И рыба уже клюет, господин председатель, так как меня известили, что видели, как какой-то подозрительный субъект бродит вокруг виллы, где живет Пьер Ледюк под охраной моих агентов. Через четыре часа я буду там.

— А третий ваш козырь?

— Вчера на имя Рудольфа Кессельбаха было получено письмо, которое я перехватил…

— Вот удачно!

— Я прочел это письмо и оставил у себя. Оно написано два месяца назад из Капштадта. Вот оно:

Мой дорогой Рудольф! Я буду первого июня в Париже и все в таком же бедственном положении, как тогда, когда вы мне помогли. Но я очень надеюсь на дело Пьера Ледюка, о котором я вам рассказал. Не правда ли, странная история! Нашли ли вы его? Меня это очень интересует.

Преданный вам Штейнвег

— Первое июня — сегодня, — продолжал Ленорман, — и я поручил одному из своих агентов разыскать и задержать этого Штейнвега. В успехе я нисколько не сомневаюсь.

— Я тоже не сомневаюсь, дорогой Ленорман, и извиняюсь перед вами — я хотел было вас бросить… Завтра должны приехать ко мне префект полиции и Вебер…

— Я это знал, господин председатель.

— Не может быть!

— Конечно, иначе я не стал бы беспокоиться. Сегодня вы видели мой план борьбы. С одной стороны, я устраиваю западню, в которую мне попадется убийца, привлеченный Ледюком или Штейнвегом, с другой — я постепенно подхожу к Люпену. Два его агента служат у меня, получают жалованье, а он считает их своими преданными

сотрудниками. К тому же он стремится к той же цели, что и я, разыскивая убийцу. Только он думает провести меня, а выйдет наоборот: я проведу его. Я выиграю дело, только при одном условии…

— Каком?

— У меня должны быть развязаны руки. Я буду действовать, как найду нужным, а не удовлетворять требования публики или интригующего против меня начальства.

— Хорошо, пусть будет так.

— В таком случае через несколько дней я выйду победителем из этой борьбы или погибну совсем…

II

В одиннадцать часов вечера Ленорман приехал в Сен-Клу на автомобиле, оставил его на дороге и осторожно стал пробираться к стоявшей в отдалении вилле. Впереди показался темный силуэт.

— Это ты, Гурель?

— Да.

— Ты предупредил братьев Дудевиль о моем приезде?

— Да. Ваша комната готова, можете спать спокойно, если только сегодня ночью не будет сделана попытка похитить Пьера Ледюка, что

меня нисколько не удивит, после того как братья Дудевиль видели подозрительного субъекта, расхаживающего вокруг виллы.

Они вошли в сад и тихо поднялись на второй этаж. Там их встретили Жан и Жак Дудевили.

— Ну, что нового о князе Сернине?

— Ничего, начальник.

— А Пьер Ледюк?

— Он целыми днями лежит у себя в комнате внизу или в саду. Он никогда не приходит поговорить с нами.

— Он чувствует себя лучше?

— Намного лучше. Отдых благотворно действует на него.

— И он очень предан Люпену?

— Вернее сказать, князю Сернину, поскольку он не знает, что это одно и то же лицо. По крайней мере, так можно предположить. От него ничего не добьешься. Он почти не разговаривает. Какой-то чудак. Оживляется он только при виде одной особы, даже разговаривает с ней и смеется. Это молодая девушка из Гарша — Женевьева Эрнемон, которой князь его представил. Она была уже три раза. И сегодня… — И он добавил шутя: — Я думаю, что они немножко флиртуют, так же как его сиятельство князь Сернин и гос-

пожа Кессельбах… Он так на нее смотрит, этот проклятый Люпен!

Ленорман ничего не отвечал. Он закурил сигару, пожевал ее, опять закурил и бросил, затем задал еще несколько вопросов и, не раздеваясь, лег на кровать.

— Если что случится, сейчас же разбудите меня… Идите каждый на свое место.

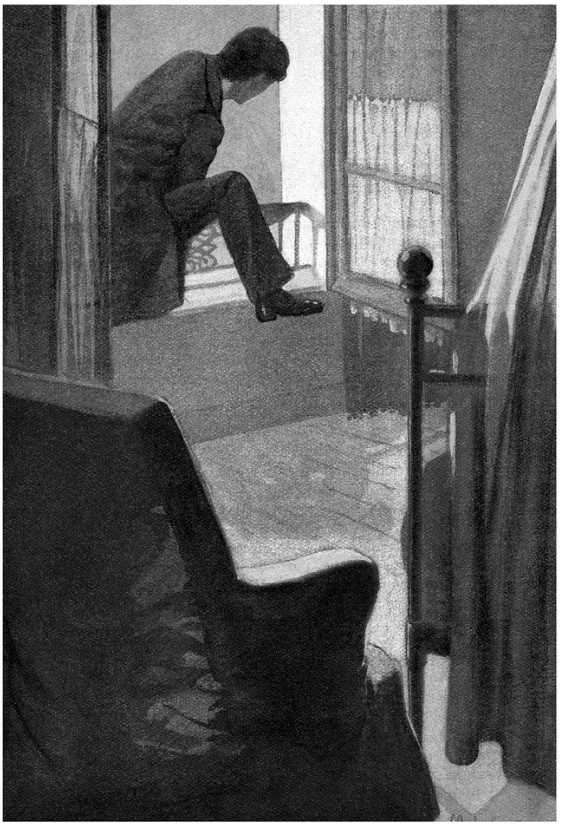
Время шло. Прошел час… два… Вдруг Ленорман почувствовал, что кто-то трогает его за плечо.

— Вставайте, начальник, кто-то открыл калитку, — тихо сказал Гурель.

— Один? Двое?

— Я видел только одного… В этот момент показалась луна, и он спрятался за дерево.

— А братья Дудевиль?



— Я их послал наружу. Они отрежут ему отступление сзади виллы.

Гурель взял руку Ленормана и тихо в темноте повел его вниз.

— Тише, мы в уборной сейчас. Я открою комнату, где спит Пьер Ледюк. Не бойтесь, он принял на ночь, как всегда, веронал и спит крепко, его не разбудишь. Идите сюда… Здесь, за занавесями кровати, можно удобно спрятаться. Отсюда вам будет видно окно и часть комнаты от постели до окна.

Большое окно было открыто, и через него проникал в комнату слабый свет, становившийся ясным, когда луна выходила из-за туч. Они не спускали глаз со светлого квадрата окна, уверенные в том, что незнакомец должен там появиться. Раздался легкий треск…

— Это он лезет по деревянной лестнице, — прошептал Гурель.

— Отсюда высоко до земли?

— Два — два с половиной метра.

Треск становился слышнее.

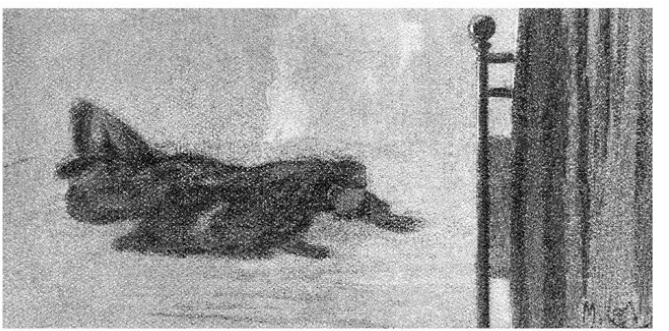
— Иди, Гурель, к братьям Дудевиль, — прошептал Ленорман, — приведи их вниз под окно, и не пропускайте никого, кто будет спускаться отсюда.

Гурель ушел. В то же мгновение в окне показалась голова, потом тень перешагнула через перила балкона, и Ленорман увидел невысокого человека в темном костюме, без шляпы. Человек обернулся и внимательно поглядел вниз через перила балкона, как бы желая убедиться, что там не таится никакая опасность. Потом он нагнулся и влез в окно. Одну минуту он казался неподвижным, но Ленорман скоро убедился, что темное пятно, которое представлял из себя неизвестный, тихо приближалось. Вот он подошел к кровати… Ленорману показалось, что он слышит дыхание незнакомца и видит его острые, пронизывающие мрак глаза и что человек в черном различает в темноте и его, и Ледюка.

Последний глубоко вздохнул и перевернулся. Опять наступила тишина. Незнакомец тихо крался вдоль кровати, и его силуэт выделился на фоне белой простыни. Если бы Ленорман протянул руку, он смог бы дотронуться до него. Теперь он ясно слышал, как неизвестный дышит, и ему казалось также, что он различает звуки ударов его сердца.

Вдруг блеснул луч света. Человек в темном нажал пружину электрического фонаря и осветил лицо Пьера Ледюка. Сам же он оставался в тени, и Ленорман не мог видеть его лица. Но зато в

отражении рассеянного света он увидел нечто, заставившее его вздрогнуть. Это было тонкое лезвие ножа, скорее стилета… И ему казалось, что это тот же стилет, который был в свертке одежды, найденном в «Палас-отеле». Ему стоило невероятного усилия воли не броситься на неизвестного. Он хотел раньше узнать, что тот собирается делать. Человек поднял руку. Ленорман рассчитал расстояние, чтобы вовремя остановить удар, но нет, это было не нападение — это была защита на случай, если Пьер Ледюк вдруг проснется, испугается и станет звать на помощь. Человек нагнулся поближе к спящему, стараясь что-то рассмотреть.



«А, шрам на правой щеке, — подумал Ленорман, — он хочет убедиться, действительно ли перед ним Пьер Ледюк».

Человек повернулся спиной к Ленорману, его платье касалось занавесей, за которыми скрывался начальник сыскной полиции.

«Одно тревожное движение с его стороны, — думал тот, — и я брошусь на него».

Но человек не двигался. Он взял стилет в ту руку, в которой держал фонарь, и стал тихо приподнимать простыню, под которой спал Ледюк. Сначала немного, потом больше, пока не показалась левая рука. Луч света осветил кисть руки: на мизинце не хватало сустава.

Пьер Ледюк зашевелился во сне. Свет моментально погас, и человек некоторое время стоял выпрямившись перед спящим.

Решится ли он?

Наступило долго-долгое молчание. Начальнику сыскной полиции показалось, что человек поднял руку. Инстинктивно Ленорман сделал жест, чтобы схватить ее, — и наткнулся на незнакомца. Раздался приглушенный крик. Незнакомец ударил стилетом наудачу, отмахиваясь, потом кинулся к окну, но Ленорман бросился на него и сдавил ему плечи. Он сразу почувствовал, что

тот уступал и, слабый, неспособный к борьбе, старался выскользнуть из его рук. Ленорман напряг все свои силы, подмял его под себя и пригвоздил к полу.

— Ага, наконец-то ты попался, — радостно бормотал он. — Сейчас ты у меня заговоришь!

И он с удвоенной силой стиснул тело незнакомца, которое, казалось, уменьшалось, таяло в его руках. Он продолжал сжимать его, как вдруг почувствовал легкий укол в горло… Он понял, что человеку в черном удалось высвободить руку и направить стилет. В его уме промелькнули картины убийств в «Палас-отеле»: три жертвы, убитые стилетом, острие которого в этот миг вонзалось в его горло. Он выпустил пленного и отпрыгнул назад, но, когда он опять хотел схватить преступника, было уже слишком поздно — тот вылез в окно и спрыгнул с балкона…

— Держи, Гурель! — закричал Ленорман, зная, что его помощник стоит внизу. В ответ — ни звука. Он нагнулся через перила балкона… скрип песка в саду… хлопанье калитки… и ничего. Не думая о Пьере Ледюке, Ленорман продолжал звать:

— Гурель!.. Дудевиль!

Никакого ответа. Тишина. В его сознании снова мелькнуло воспоминание об убийстве в «Палас-

отеле». Но нет, это было невозможно, убийца не мог успеть этого сделать, да ему это и не нужно — дорога была свободна.

Ленорман тоже прыгнул вниз, нажал пуговку электрического фонаря и увидел Гуреля, лежащего на земле. «Ну, если он умер, они мне дорого заплатят за это!»

Но Гурель был жив и скоро пришел в себя.

— Меня оглушили ударом кулака в грудь, простым ударом... Но какой здоровенный мужчина!

— Их было двое?

— Да, один маленький, он влез в окно, а другой, здоровый, напал на меня внизу.

— А братья Дудевиль?

— Я их не видел.

Скоро нашли Жака около калитки, окровавленного, с разбитой челюстью. Жан был неподалеку, задыхавшийся от полученного в грудь удара.

— Как они напали на вас? — спросил Ленорман.

Жак и Жан рассказали, как они столкнулись с субъектом, который нокаутировал их прежде, чем они успели подумать о защите.

— Он был один?

— Нет, когда он проходил мимо нас, с ним был товарищ, меньше его ростом.

— Каким был с виду нападавший?

— По фигуре он мне показался похожим на англичанина, жившего в бельэтаже «Палас-отеля» и потом бесследно пропавшего.

— Майор?

— Да, майор Парбери.

III

Минуту подумав, Ленорман сказал:

— Не может быть никакого сомнения. Эти двое участвовали в убийстве в «Палас-отеле». Человек со стилетом убивал, а майор помогал ему скрывать следы преступления.

— Князь Сернин того же мнения, — пробормотал Жак Дудевиль.

— И нынешним вечером, — продолжал начальник сыскной полиции, — это были они же… и опять вдвоем.

Немного спустя он добавил:

— Тем лучше. В сто раз больше шансов схватить двоих преступников, чем одного.

Ленорман разрешил своим подчиненным идти спать, а сам отправился на поиски следов преступников. Не найдя ничего, он тоже лег спать.

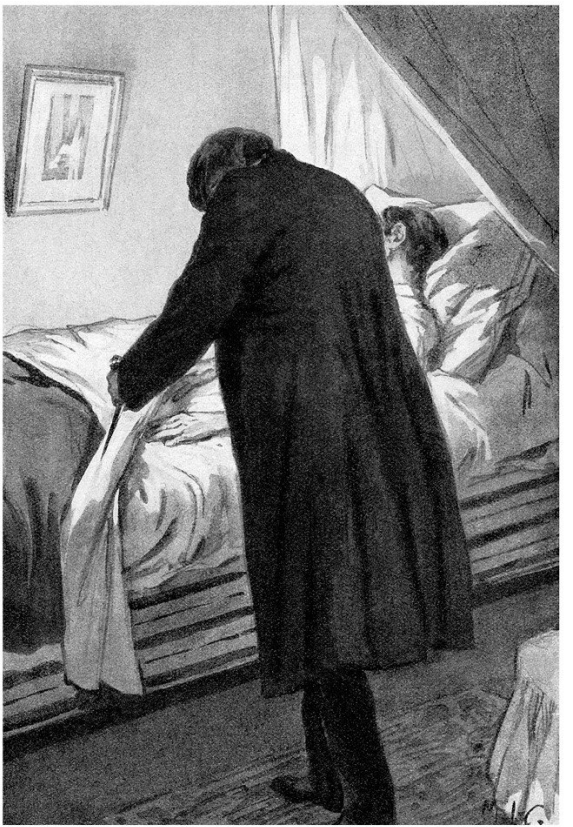
На другой день Ленорман вместе с Гурелем отправились в Париж.

В два часа дня пришло приятное известие: один из лучших его агентов, Дьези, перехватил Штейнвега, выходящего из поезда, пришедшего из Марселя.

— Дьези здесь? — спросил он.

— Да, он здесь, вместе с немцем, — ответил Гурель.

— Проведите их ко мне.



В этот момент позвонили по телефону. Говорил Жан Дудевиль из Гарша:

— Мы нашли майора Парбери. Он сделался испанцем и изменил цвет лица. Мы только что его видели. Он был в школе. Знаете, в школе молодой девушки, Женевьевы Эрнемон, знакомой князя Сернина…

— Черт возьми!

В то же мгновение Ленорман бросил трубку телефона, схватил шляпу, быстро прошел в коридор и, встретив там Дьези с немцем, крикнул им:

— В шесть часов… будьте здесь!

Затем сбежал по лестнице, за ним Гурель и три агента, которых он захватил по дороге, и сел с ними в свой автомобиль.

— В Гарш… как можно скорее… десять франков на чай!

Не доезжая до парка Вильнёв, около поворота в переулок, где находилась школа, он остановил автомобиль и соскочил. Жан Дудевиль, дожидавшийся его, закричал:

— Негодяй уехал десять минут назад в ту сторону по переулку.

— Один?

— Нет, с молодой девушкой.

Ленорман схватил Дудевиля за шиворот:

— Как ты мог упустить его!..

— Мой брат бросился в погоню за ним.

— Твой брат?! Да он сотрет его в порошок! Разве у твоего брата хватит сил?

Ленорман сам сел за руль и помчался по переулку. Скоро они нагнали другого брата Дудевиля, который закричал им:

— Они недалеко, с версту, в экипаже!

Ленорман, не останавливаясь, направил экипаж по берегу, обогнул пруд и радостно закричал. На вершине небольшого холма перед ними виднелся верх кабриолета.

К несчастью, он выбрал очень плохую дорогу, и пришлось немного проехать назад. Когда он опять вернулся на это место по другой дороге, кабриолет был еще там. И пока он лавировал, выбирая дорогу, он видел, как из экипажа выпрыгнула женщина. Вслед за нею на подножке кабриолета возник мужчина. Женщина вытянула руку, и раздались два выстрела. Но, должно быть, она плохо стреляла, потому что голова мужчины показалась с другой стороны верха кабриолета, но, увидав автомобиль, он хлестнул лошадь, и та пустилась галопом. Экипаж быстро скрылся за поворотом.

Ленорман наконец выехал на настоящую дорогу, в несколько секунд пересек холм, обогнал молодую девушку и, не останавливаясь, помчался дальше.

Теперь дорога шла среди густого леса и спускалась очень круто, так что ехать приходилось медленно, с большими предосторожностями. Но это не могло повредить успеху погони, потому что кабриолет был на расстоянии всего двадцати

шагов, а лошадь очень осторожно спускалась с горы по камням, сдерживая экипаж.

Спустившись вниз, где дорога соединялась с шоссе на Буживаль, лошадь пошла мелкой рысью. Автомобиль вздрогнул от бешеного усилия, рванулся вперед, в считаные секунды сравнялся с кабриолетом и…

Ленорман громко выругался. В экипаже никого не было!

Лошадь спокойно шла с опущенными вожжами, возвращаясь в конюшню какого-нибудь местного отеля, где был нанят экипаж.

Подавив свой гнев, начальник сыскной полиции спокойно сказал:

— Майор спрыгнул несколько секунд тому назад, когда в начале спуска мы на минуту потеряли из виду экипаж.

— Стоит только обыскать лес, начальник…

— Чтобы ничего не найти! Он уже далеко, ищите его! Преступник не из таких, чтобы попасться два раза в один и тот же день.

Они догнали молодую девушку, которая возвращалась вместе с Жаком Дудевилем, вполне оправившись от пережитого волнения. Ленорман представился ей и предложил проводить к дому. Он сейчас же стал расспрашивать ее об англий-

ском майоре Парбери. Девушка очень удивилась.

— Он вовсе не англичанин и не майор. Его фамилия не Парбери.

— Как же его зовут?

— Жан Рибейра, он испанец и по поручению своего правительства изучает школьное дело во Франции.

— Пусть будет так. Его имя и национальность нас мало волнуют. Это именно тот человек, которого мы разыскиваем. Давно вы с ним познакомились?

— Недели две тому назад. Он услыхал про мою школу в Гарше и так заинтересовался моей попыткой, что предложил мне ежегодную субсидию с условием, что я позволю ему время от времени следить за успехами моих учениц. Я не имела права отказаться…

— Конечно. Но надо было посоветоваться с кем-нибудь. Вы ведь знакомы с князем Серниным? Это надежный человек…

— О, я вполне доверяю ему, но теперь он уехал за границу.

— Разве он не оставил вам своего адреса?

— Нет. К тому же… что я могла ему сказать? Этот господин до сегодняшнего дня вел себя вполне прилично… Это только сегодня… Но я не знаю…

— Я попрошу вас быть со мной откровенной. Вы можете мне вполне довериться.

— Вот как все было: Рибейра приехал около часа тому назад, сказал мне, что его послала одна дама, находящаяся проездом в Буживале, и у этой дамы есть дочь, воспитание которой она хочет мне доверить, а поэтому просит меня немедленно приехать. Все это показалось мне вполне естественным. А так как сегодня свободный день и Рибейра уже нанял экипаж для поездки в Буживаль, я и согласилась.

— Но какая же у него была цель?

Она покраснела и ответила:

— Он хотел похитить меня. Через полчаса он мне признался в этом…

— Вы ничего о нем не знаете?

— Нет.

— Не знаете, где он живет? В Париже?

— Думаю, что там.

— Он у вас ничего не писал? Хотя бы несколько строк, или, может, он забыл какую-нибудь вещь, которая бы нам помогла при розыске?

— Нет, кажется, ничего. Ах да… впрочем, это едва ли имеет какое-нибудь значение…

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите…

— Два дня тому назад он попросил позволения

воспользоваться моей пишущей машинкой и с трудом — должно быть, он не умеет на ней работать — написал письмо, а я случайно увидела адрес.

— Куда же было адресовано письмо?

— В газету «Журналь».

— Должно быть, объявление, — заметил Ленорман.

— У меня есть сегодняшний номер, — сказал Гурель и подал газету Ленорману.

Тот развернул и стал искать на последней странице. Но вдруг ему бросилась в глаза фраза, написанная с обыкновенными сокращениями: «Мы просим сообщить всех, кто знает в Париже господина Штейнвега и его адрес. Ответ таким же путем».

— Штейнвег! — воскликнул Гурель. — Да ведь его привез Дьези!

«Да-да, — подумал Ленорман. — Это тот самый человек, письмо которого к Кессельбаху я перехватил. Человек, который навел миллионера на мысль разыскать Пьера Ледюка… Следовательно, они тоже стараются собрать сведения о Пьере Ледюке и его прошлом. Они тоже ищут».

Он весело потирал руки. Штейнвег был у него. Через час он будет с ним разговаривать, и тогда

все наконец встанет на свои места. Дело Кессельбаха, самое трудное из всех, которые ему приходилось вести, можно будет поставить на полку.

Глава пятая
Ленорман попался в ловушку

I

В шесть часов вечера Ленорман вернулся в свой кабинет в префектуре. Он сейчас же послал за Дьези.

— Ну, что немец?

— Он здесь.

— Добился ли ты от него чего-нибудь?

— Нет. Он не говорит ни слова. Я ему сказал, что по новому распоряжению правительства иностранцы должны сделать по приезде в Париж заявление в префектуре о цели своей поездки, и провел его в кабинет к вашему секретарю.

— Сейчас я его расспрошу сам.

В это время вошел лакей.

— Одна дама желает вас сейчас же видеть, господин Ленорман.

— Карточку.

— Извольте.

— Госпожа Кессельбах? Проси.

Он встал навстречу молодой женщине и предложил ей сесть. Она была так же печальна и

бледна. Госпожа Кессельбах протянула Ленорману газету «Журналь», указывая на то место, где было напечатано объявление о Штейнвеге, и сказала:

— Штейнвег был другом моего покойного мужа, и я думаю, что он многое знает.

— Дьези, — сказал Ленорман, — приведи того господина, который у тебя там дожидается. Ваше посещение, сударыня, не будет бесполезным. Только я попрошу вас, когда этот человек войдет, не говорите ни слова.

Открылась дверь. Вошел старик с седой бородой, с лицом, покрытым морщинами, бедно одетый, с забитым видом человека, вынужденного колесить по свету в поисках работы из-за куска хлеба. Он остановился на пороге, моргая глазами, сконфуженный всеобщим молчанием, и, чтобы скрыть свое смущение, мял в руках шляпу. Вдруг на его лице появилось удивленное выражение, и он проговорил робко:

— Госпожа… госпожа Кессельбах.

И, улыбаясь, не чувствуя больше робости, он подошел к ней и заговорил с акцентом:

— Ах, как я рад… наконец-то! Я думал, что мы никогда не увидимся… Я так удивлялся, что нет никаких известий от вас, ни телеграммы, ничего.

Ну, как вы поживаете, как Рудольф Кессельбах?

Молодая женщина откинулась на спинку кресла, глаза ее наполнились слезами.

— Что с вами? — спросил Штейнвег.

Но тут вмешался Ленорман:

— Я вижу, вы многого не знаете из того, что случилось в последнее время. Должно быть, вы долго путешествовали?

— Да, три месяца… Я был в копях, потом возвратился в Кейптаун, оттуда я написал Рудольфу. По дороге я работал в Порт-Саиде. Рудольф, надеюсь, получил мое письмо?

— Он уехал, и я вам объясню причину его отсутствия. Но раньше нам хотелось бы получить некоторые сведения от вас по одному вопросу. Речь идет о лице, которое вы в разговоре с Кессельбахом называли Пьером Ледюком.

— Что? Пьер Ледюк! Кто вам сказал?

— Кессельбах.

— Этого не может быть! Это секрет, который я ему доверил, и Рудольф умеет хранить свои секреты, особенно этот.

— Все-таки необходимо, чтобы вы нам ответили. У нас сейчас есть одно дело о Пьере Ледюке, и нам его надо безотлагательно закончить, а Кессельбах отсутствует.

— Да наконец, что же вам нужно?! — воскликнул Штейнвег. — Что вы хотите?

— Знаете ли вы Пьера Ледюка?

— Я его никогда не видал, но вот уже давно мне известна одна тайна, касающаяся его. После целого ряда случайностей, о которых бесполезно рассказывать, я убедился, что он живет в Париже, ведет распутную жизнь, называет себя Пьером Ледюком, но это ненастоящее его имя.

— Но он-то знает свое настоящее имя?

— Я думаю.

— А вы тоже знаете его?

— Да, я знаю.

— Ну так скажите нам.

После некоторого колебания он ответил решительно:

— Нет, я не могу… я не могу…

— Почему не можете?

— Я не имею права… Весь секрет заключается в этом. Когда я открыл его Рудольфу, то он так серьезно отнесся к нему, что дал мне большую сумму денег за мое молчание и обещал мне целое состояние в тот день, когда ему удастся найти Пьера Ледюка и использовать его секрет.

Он горько улыбнулся при этом.

— Большая сумма денег уже истрачена, и я при-

ехал справиться об обещанном мне состоянии.

— Господин Кессельбах умер, — сказал начальник сыскной полиции.

Штейнвег привскочил от удивления.

— Умер! Неужели? Нет, этого не может быть, это ловушка… Правда ли это? — спросил он, обращаясь к госпоже Кессельбах.

Та опустила голову.

Штейнвег был совершенно подавлен этим неожиданным открытием, и в то же время оно, должно быть, произвело на него тяжелое впечатление, потому что он не удержался и заплакал.

— Бедный Рудольф, — говорил он, — я знал его, когда он был еще совсем маленьким… в Аугсбурге он приходил играть ко мне… я так любил его.

И, как бы призывая в свидетели госпожу Кессельбах, продолжил:

— Не правда ли, он тоже любил меня, сударыня? Он, наверно, говорил вам… «старый дядюшка Штейнвег» — так называл он меня…

Ленорман подошел к нему и сказал ясно и выразительно:

— Выслушайте меня. Кессельбаха убили… Не волнуйтесь, крики и слезы теперь бесполезны… Его убили, а по картине преступления можно быть уверенным, что убийца знал про знамени-

тый проект миллионера.

Штейнвег стоял молча, изумленный, наконец он проговорил:

— Это моя вина… Если бы я не навел его на мысль…

Госпожа Кессельбах подошла к нему с умоляющим выражением лица:

— Вы думаете… у вас есть предположения, Штейнвег… О, пожалуйста, прошу вас…

— Нет, я ничего не знаю, — сказал он, — я не могу сообразить… Мне надо подумать…

— Ищите среди знакомых Кессельбаха, — сказал Ленорман. — Когда вы говорили с ним о проекте, никто не мог услышать? Может быть, он сам доверил кому-либо секрет?

— Нет, никому.

— Подумайте как следует.

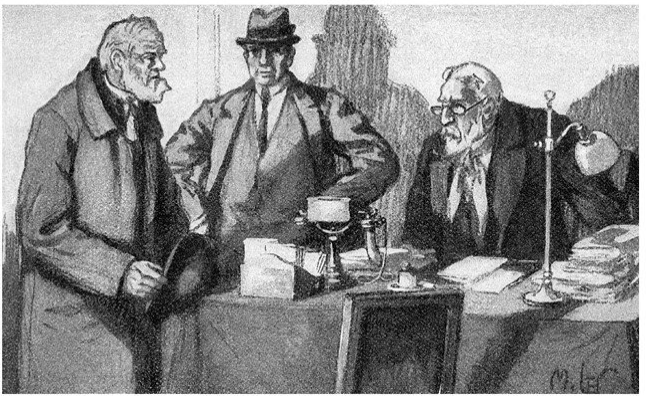
Оба, и Долорес, и Ленорман, с волнением ожидали его ответа.

— Нет, — ответил он, — я ни на кого не могу подумать…

— Первые буквы имени и фамилии убийцы — Л и М, — добавил Ленорман.

— Л… М… Нет, не вспоминаю… Л и М…

— Да, буквы сделаны из золота и помещены на углу портсигара, принадлежавшего убийце.



— Портсигар с монограммой, — повторил Штейнвег, напрягая память.

— Портсигар темной стали, одна сторона внутри разделена на два отделения: меньшее — для бумаги, большее — для табака.

— Два отделения… два отделения… — повторял Штейнвег, который, казалось, что-то вспоминал. — Не покажете ли вы мне его?

— Вот он или, вернее, точно такой же, — сказал

Ленорман, протягивая ему портсигар.

— Ах, такой! — сказал Штейнвег, беря вещь из рук Ленормана. Он разглядывал его, раскрыл, посмотрел внутрь, оглядел со всех сторон, и вдруг у него вырвался невольный крик. Он побледнел, руки его задрожали.

— Ну, говорите!.. Да говорите же! — приказал Ленорман.

Штейнвег оттолкнул Ленормана и госпожу Кессельбах, с блуждающим взглядом, шатаясь, подошел к окну, потом, возвратившись на свое прежнее место, сказал, обращаясь к начальнику сыскной полиции:

— Кессельбаха убил… Я сейчас вам скажу, кто… убийца…

Он замолчал.

— Ну кто же?

Наступила тишина. Еще несколько секунд — и Ленорман услышит имя убийцы Кессельбаха.

— Нет, я не могу… — начал Штейнвег.

— Что вы говорите? — воскликнул в бешенстве Ленорман.

— Я говорю, что не могу назвать имя убийцы…

— Но вы не имеете права молчать! Правосудие требует, и вы должны…

— Завтра я скажу… завтра… мне надо подумать.

Завтра я вам расскажу все, что я знаю про Пьера Ледюка, а также и о моих предположениях относительно этого портсигара… я обещаю вам, завтра…

Чувствовалось, что это упорство такого рода, что сломить его нельзя никакими усилиями. Ленорман уступил:

— Хорошо. Я согласен подождать до завтра, но предупреждаю вас, что, если завтра вы не расскажете того, что знаете, я вынужден буду известить об этом судебного следователя.

Он позвонил и, отведя в сторону вошедшего Дьези, сказал ему:

— Проводи его до отеля и оставайся там… я пошлю тебе еще двух агентов. Смотри, будь внимателен и гляди в оба… Могут сделать попытку похитить его.

Дьези ушел со Штейнвегом, а Ленорман, возвратясь к госпоже Кессельбах, которую эта сцена сильно взволновала, извинился перед нею:

— Поверьте, сударыня, я вполне сочувствую вам…

Он расспросил ее о том, когда Кессельбах познакомился со Штейнвегом и как продолжительно было это знакомство. Но она была так утомлена, что он не настаивал.

— Приезжать ли мне завтра? — спросила она.

— Нет, не надо. Я сообщу вам все, что передаст мне Штейнвег. Позвольте предложить вам руку и проводить вас до кареты. Здесь, с третьего этажа, довольно крутая лестница.

Он открыл дверь и дал ей дорогу. В тот же момент в коридоре послышались крики, шум, и в кабинет вбежали служащие, полицейские, агенты и швейцары.

— Начальник! Начальник!

— Что случилось?

— Дьези…

— Он только что ушел отсюда. Что с ним?

— Его нашли на лестнице…

— Мертвым?

— Нет, он лежит без чувств. Должно быть, его оглушили…

— А Штейнвег? Человек, который был с ним?

— Он исчез.

— А! Черт!!!

II

Ленорман бросился в коридор, быстро сбежал по лестнице и нашел Дьези на площадке второго этажа лежащим без сознания среди толпы служащих, старавшихся привести его в чувство.

В это время по лестнице поднимался Гурель, и Ленорман обратился к нему:

— Гурель, встретил ли ты внизу кого-нибудь?

— Нет, никого.

Дьези начал понемногу приходить в себя и, едва открыв глаза, сказал слабым голосом:

— Здесь, на площадке, в маленькую дверь…

— Ага, дверь седьмой комнаты! Черт возьми! Сколько раз я говорил, чтобы ее запирали на ключ, — вскричал Ленорман. — Надо было ожидать, что в один прекрасный день ею воспользуются…

Он схватился за ручку двери:

— Ну вот! Дверь заперта на задвижку с другой стороны!

В верхней части двери было вставлено стекло. Рукоятью револьвера Ленорман разбил стекло, просунул руку и, открыв дверь, приказал Гурелю:

— Беги скорей по направлению к выходу на площадь Дофина.

Потом, обращаясь к Дьези, спросил:

— Ну, Дьези, рассказывай. Как ты допустил, чтобы на тебя напали врасплох?

— Я получил такой удар кулаком, начальник…

— Удар кулаком? От кого? Старик сам едва дер-

жался на ногах. — Нет, не от старика, от другого. Он прогуливался по коридору, пока Штейнвег был у вас в кабинете, а когда мы вышли, пошел за нами. Дойдя до площадки, он попросил у меня закурить. Я полез в карман за спичками, а он, воспользовавшись этим, с такой силой ударил меня кулаком в живот, что я свалился. Но, когда я падал, мне показалось, что он отворил эту дверь и увлек туда старика…

— Можешь ты узнать ударившего?

— Да, да!.. Здоровый мужчина… с темным цветом лица… вполне южный тип…

— Рибейра, — проскрежетал Ленорман, — опять он. Рибейра, он же Парбери. Ах, разбойник! Но какая смелость!.. Он боялся, что Штейнвег расскажет… пришел сюда и выхватил его у меня из-под носа!

В бешенстве топнув ногой, он продолжал:

— Но откуда же он узнал, что Штейнвег здесь?! Четыре часа тому назад я гнался за ним в лесу Сен-Кюкуфа… когда же он успел добраться сюда? Как он узнал?! Он что, читает мои мысли?

Ленорман глубоко задумался, как это с ним часто бывало, в это время он, казалось, ничего не слышит и не видит, что происходит вокруг него.

Госпожа Кессельбах, проходя мимо, поклони-

лась ему, он не заметил этого и не ответил ей. Шум шагов в коридоре вывел его наконец из оцепенения.

— А, это ты, Гурель.

— Да, это верно, — начал Гурель, запыхавшись, — их было двое, они шли по этому направлению и вышли на площадь Дофина, где их дожидался автомобиль. В автомобиле было тоже двое: человек, одетый в черное и в мягкой шляпе, надвинутой на лоб…

— Это он, — сказал тихо Ленорман, — убийца, сообщник Рибейра-Парбери. Ну, а кто же еще?

— Еще женщина без шляпы… похожая на горничную, кажется, красивая, с рыжими волосами.

— Как! Ты говоришь, женщина с рыжими волосами?

— Да.

Ленорман быстро повернулся, бросился вниз по лестнице через две-три ступеньки, пробежал по двору и выскочил на набережную Орфевр.

— Стой! — закричал он.

Вдали ехал парный экипаж госпожи Кессельбах. Кучер услыхал и остановил лошадей. В это время Ленорман уже был на подножке экипажа.

— Тысячу извинений, сударыня, но ваша помощь мне необходима. Прошу вашего разре-

шения поехать с вами. Нам надо действовать быстро. Гурель! Мой автомобиль! Ты отослал его? Сейчас же сюда какой-нибудь другой, все равно!..

Полицейские агенты бросились в разные стороны, но прошло десять-пятнадцать минут, прежде чем был подан нанятый автомобиль. Ленорман сгорал от нетерпения. Госпожа Кессельбах, стоя на тротуаре, нюхала свой флакон с английской солью.

Наконец они уселись.

— Гурель, садись рядом с шофером и гони прямо в Гарш, — приказал Ленорман.

— Ко мне? — спросила удивленно Долорес.

Он не ответил ей. Встав у окна кареты автомобиля, он называл себя и показывал свою карточку полицейским, следившим за порядком движения на улицах. Только когда они доехали до Кур-ла-Рейн, он сел и сказал госпоже Кессельбах:

— Я умоляю вас, сударыня, ответьте мне подробно на вопросы, которые я вам предложу. Вы видели Женевьеву Эрнемон около четырех часов?

— Женевьеву? Да… я одевалась, чтобы поехать.

— Это она показала вам объявление в «Журналь» относительно Штейнвега?

— Да, она.

— И поэтому вы направились ко мне?

— Да.

— Одна вы были во время разговора с Женевьевой Эрнемон?

— Право… я не помню… не знаю…

— Вспомните, пожалуйста. Не было ли там в это время одной из ваших горничных?

— Может быть… Я одевалась и, конечно…

— Как ее зовут?

— Сюзанной, а другую — Гертрудой.

— Одна из них рыжая, не так ли?

— Да, Гертруда.

— Вы давно ее знаете?

— Ее сестра всегда служила у меня, и Гертруда у меня тоже вот уже несколько лет… Она очень предана мне, честна…

— То есть вы ручаетесь за нее?

— О, вполне.

— Тем лучше… тем лучше.

Было уже половина седьмого, и начинало темнеть, когда автомобиль подъехал к дому Убежища. Не обращая внимания на свою спутницу, начальник сыскной полиции бросился к дворнику:

— Горничная госпожи Кессельбах давно вернулась?

— Какая горничная?

— Горничная Гертруда, одна из сестер.

— Но Гертруда не выходила вовсе. Я не открывал ей дверь.

— Но кто-нибудь сейчас вернулся?

— Нет. В последний раз мы открыли дверь часов в шесть, а с тех пор никого не было.

— Кроме этой двери, есть еще другой вход?

— Нет. Стены окружают имение со всех сторон, а они очень высоки…

— Госпожа Кессельбах, — сказал Ленорман своей спутнице, — теперь мы отправимся к вам.

Они вошли все втроем. У госпожи Кессельбах не было с собой ключа, и она позвонила. Отворила дверь Сюзанна, другая сестра.

— Гертруда здесь? — спросила госпожа Кессельбах.

— Да, барыня, в своей комнате.

— Позовите ее сюда, — сказал начальник сыскной полиции.

Через минуту вошла Гертруда, красивая и грациозная девушка в белом вышитом переднике. У нее было довольно приятное лицо и действительно рыжие волосы. Ленорман долго и пристально смотрел на нее, ничего не говоря, как будто он стремился проникнуть в ее душу,

скрывавшуюся за этими невинными глазами. Он ничего не спросил у нее и через минуту спокойно сказал:

— Больше ничего. Благодарю вас. Пойдем, Гурель.

Ленорман вышел с ним и, когда они вошли в темную аллею сада, сказал:

— Это она.

— Неужели вы так думаете, начальник? У нее такой спокойный вид!

— Слишком спокойный. Другая на ее месте удивилась бы, стала спрашивать, зачем я ее позвал. А она — ничего. И к тому же по ее виску стекала маленькая капля пота.

— К какому же заключению вы пришли?

— К очень простому. Гертруда — сообщница двух разбойников, участвующих в деле Кессельбаха, быть может, для того, чтобы похитить миллионы вдовы. Без сомнения, и другая сестра в заговоре. Около четырех часов Гертруда узнала, что мне известно про объявление, помещенное в «Журналь», и то, что у меня назначено свидание со Штейнвегом. Пользуясь отсутствием своей хозяйки, она направилась в Париж, разыскала там Рибейру и человека в мягкой шляпе, вместе с ними поехала в здание суда, и там Рибейра

похитил Штейнвега.

Он подумал немного и прибавил:

— Из этого следуют две вещи: они боятся разоблачений Штейнвега, а вокруг госпожи Кессельбах — настоящий заговор. Ясно, что нам нельзя терять ни минуты.

— Хорошо, — сказал Гурель, — но я одного не понимаю: как могла Гертруда выйти из сада, где мы находимся, так, что ее не заметил привратник.

— Наверное, есть тайный ход, сделанный преступниками недавно.

— Он, конечно, выходит наружу в домике Убежища, в котором живет госпожа Кессельбах.

— Да, очень может быть… но мне кажется… у меня есть другая мысль…

Они шли вдоль стены, ограждавшей имение. Ночь была довольно светлая, и они достаточно ясно могли различить камни стены, чтобы убедиться, что бреши в ней нет.

— Может, они пользовались лестницей, — предположил Гурель.

— Нет, этого не может быть. Гертруда выходила средь бела дня. И во всяком случае, если есть подземный ход, его отверстие не должно выходить наружу, оно, наверное, скрыто в каком-нибудь строении, существовавшем раньше.

— Но ведь здесь только четыре домика, и все они заняты, — возразил Гурель.

— Ты ошибаешься: третий домик, называющийся павильоном Гортензии, свободен.

— Кто вам сказал?

— Привратник. Желая жить в возможно большем уединении, госпожа Кессельбах сняла также домик, находящийся по соседству с занятым ею. Кто знает, может, она поступила так по совету Гертруды?

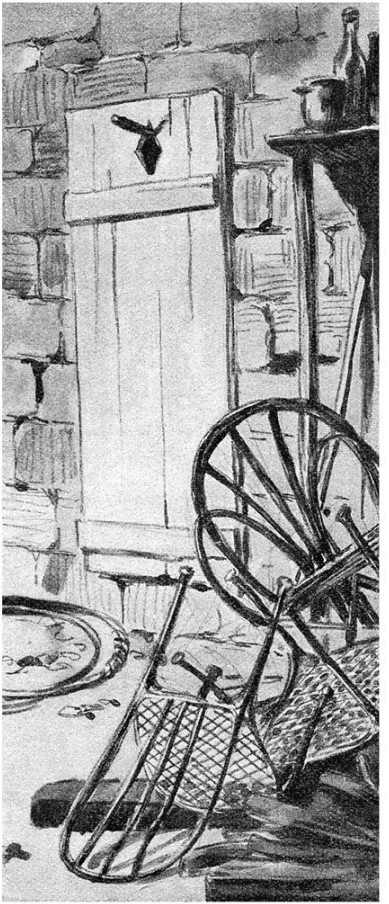
Он обошел кругом павильон Гортензии. Ставни были закрыты. На всякий случай он попробовал нажать ручку входной двери — дверь отворилась.

— Ага, Гурель, я думаю, мы нашли разгадку. Войдем. Зажги фонарь. Так… так… передняя… гостиная… столовая… Здесь ничего не может быть, бесполезно осматривать. Должен быть еще подвальный этаж, потому что здесь нет кухни.

— Вот здесь… здесь! Черная лестница вниз, — воскликнул Гурель.

Они спустились по лестнице в просторную кухню, заваленную садовыми скамейками и дачной тростниковой мебелью. Рядом была прачечная, заменявшая также и кладовую, — там в таком же беспорядке, одна на другую, были навалены

разные вещи.



— Что это блестит? — сказал Гурель и, нагнувшись, поднял и подал Ленорману медную булавку с фальшивым жемчугом.

— Жемчуг все еще блестит, — заметил Ленорман. — Булавка потеряна недавно. Гертруда проходила здесь.

Гурель принялся разбирать кучу пустых бочонков, ящиков, полок.

— Ты даром тратишь время, Гурель. Там не может быть хода, потому что слишком много времени надо разбирать эту кучу и потом опять складывать. Посмотри-ка, зачем на стене прибита ставня? Она здесь совсем не нужна, отодвинька ее.

Гурель повиновался.

За ставней открылось пустое пространство, и при свете фонаря они увидели темное отверстие подземного хода.

III

— Я не ошибся, — сказал Ленорман, — проход сделан недавно. Посмотри, как поспешно они работали, — видимо, он ненадолго им нужен. Нет каменных креплений… иногда вместо потолка — крест из двух трехдюймовых досок, который поддерживает балка. Все это, конечно, продер-

жится недолго, но они рассчитывают, что для их целей им его хватит…

— Каких целей?

— Во-первых, при помощи этого хода Гертруда может постоянно общаться со своими товарищами, пока в один прекрасный день они не устроят похищение госпожи Кессельбах.

Они шли, осторожно всматриваясь, чтобы как-нибудь нечаянно не толкнуть одну из шатких подпорок. По первому впечатлению казалось, что подземный ход был длиною гораздо больше пятидесяти метров, отделявших павильон Гортензии от стены дома. Должно быть, он выходил наружу довольно далеко за стеной и дорогой, проходившей около имения.

— Мне кажется, мы идем не в ту сторону, где находится парк Вильнёв и пруд? — спросил Гурель.

— Да, совершенно в противоположную, — отвечал Ленорман.

Ход спускался вниз под очень небольшим уклоном. Появилась одна ступенька, потом другая, и, свернув направо, они наткнулись на дверь, вделанную в стену из песчаника, прочно скрепленного цементом. Ленорман нажал на дверь — она отворилась.

— Подожди одну секунду, Гурель, — сказал он,

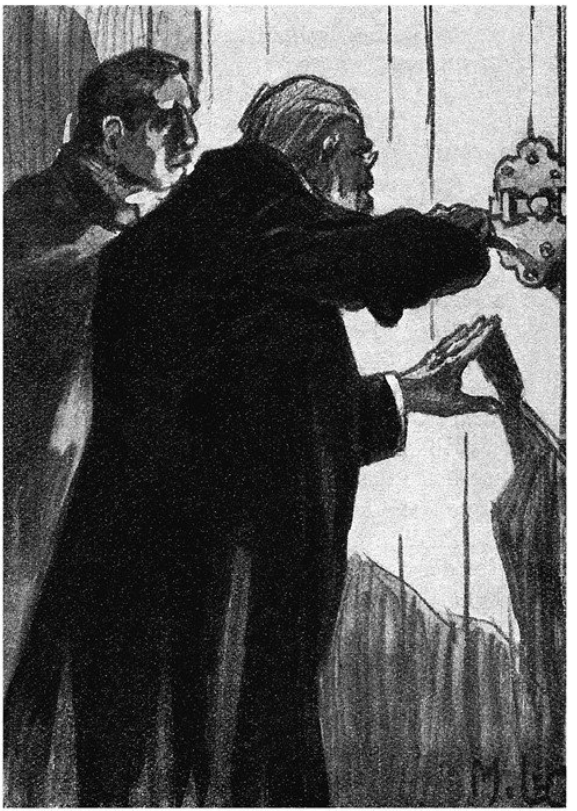
останавливаясь. — Надо подумать… Пожалуй, нам придется вернуться обратно.

— Почему?

— Да потому, что Рибейра, наверное, предвидел, что мы будем производить обследование, и принял меры на тот случай, если мы откроем существование подземного хода. Он знает, что мы обыскиваем сад, без сомнения, видел, как мы вошли в павильон Гортензии, а кто может нам поручиться, что он не устроил для нас здесь ловушку?

— Но нас двое, начальник.

— А их может быть двадцать.



Он пристально посмотрел вглубь хода. Туннель немного поднимался вверх и на расстоянии пяти-шести метров оканчивался другой дверью.

— Пойдем туда, — сказал он Гурелю. — Мы сейчас увидим, в чем тут дело.

Ленорман прошел вперед в направлении второй двери, твердо решив, что дальше не пойдет. За ним следовал Гурель, которому он приказал оставить первую дверь открытой. Но вторая дверь оказалась запертой, и, хотя ключ в замке, вделанном в дверь, поворачивался и в одну, и в другую сторону, дверь не открывалась.

— Заперто на задвижку с другой стороны. Не шуми, и тихо пойдем обратно. Мы выйдем сейчас наружу и по направлению туннеля будем искать его второй выход.

Они пошли к первой двери, но когда Гурель подошел к ней, возглас удивления вырвался у него:

— Она заперта!

— Но ведь я же приказал тебе оставить ее открытой!

— Я так и сделал, но дверь, должно быть, сама захлопнулась…

— Не может быть! Мы бы услышали шум.

— Так что же тогда?

— Погоди! Не знаю…

Ленорман подошел к двери и стал осматривать ее.

— Ага… есть ключ… вертится… да, вертится. Значит, с другой стороны задвинут засов.

— Но кто же это мог сделать?

— Конечно они! За нашей спиной… Должно быть, тут есть ответвление хода, где они прятались. А может быть, они скрывались наверху, в павильоне? Как бы то ни было, мы с тобой, брат, попались в ловушку.

Он попытался взломать дверь, просунул острие ножа в щель около замка, испробовал все средства и наконец, усталый, сказал:

— Ничего не поделаешь!

— Как же, начальник, ничего? Значит, мы погибли?

— Похоже на то…

Они пошли опять к другой двери, потом вернулись обратно. Двери были сделаны из твердого дерева и скреплены железными скобами, взломать которые оказалось невозможным.

— Здесь нужен топор или какой-нибудь серьезный инструмент, типа большого ножа, чтобы попробовать прорезать дверь там, где должна быть задвижка… а у нас нет ничего с собой.

Ленорман попытался расшатать дверь, но убе-

дился в бесполезности этого занятия.

— Послушай, Гурель, давай займемся этим через час или два… я совершенно ослаб и хочу спать… Ты постереги пока, на случай если они вздумают напасть…

— Ну, лишь бы они вздумали напасть — тогда мы спасены! — воскликнул Гурель, предпочитавший открытую борьбу, пусть даже и неравную.

Ленорман лег на землю и через минуту уже спал.

Проснувшись, он просидел несколько секунд в нерешительности, стараясь найти причину испытываемого им неприятного ощущения.

— Гурель, а Гурель! — окликнул он своего помощника.

Не услышав ответа, он направил на него свет фонаря и увидал, что Гурель крепко спит. Ленорман посмотрел на часы. На его часах было двадцать минут восьмого, но он вспомнил, что не заводил их. Часы Гуреля тоже стояли. Гурель наконец проснулся. Оба ощущали сильный голод и решили, что проспали бóльшую часть дня и время обеда давно прошло.

— Начальник… начальник… — проговорил вдруг Гурель сдавленным голосом.

— Что такое?

— У вас ноги в воде!

— А, хорошо. Оставь. На солнце обсохнем…

— А вы не замечаете?

— Чего?

— Вода поднимается все время. Поднимается…

— Ах, каналья! — проскрежетал Ленорман. — Он хочет утопить нас в этой норе. Еще несколько часов — и конец!

— Но это же ужасно, — простонал Гурель.

— Перестань!

Положение и впрямь было ужасное. Что было делать? Конечно, Рибейра не сжалится над ними и не выпустит их. Тем более нельзя было надеяться на помощь братьев Дудевиль, потому что они не знали о существовании этого туннеля. Следовательно, не оставалось никакой надежды ни на что, кроме чуда.

— Посмотрим, посмотрим… — повторял Ленорман. — Было бы слишком глупо подохнуть здесь. Неужели я не найду чего-нибудь… Посвети мне, Гурель.

Он пристально и внимательно осмотрел вторую дверь сверху донизу. С этой стороны, как, наверное, и с той, была огромная задвижка. Лезвием ножа он отвинтил закреплявшие ее винты и вытащил ее.

— А зачем это нам? — спросил Гурель.

— А для того, что, видишь, она довольно большая и с заостренным концом. Конечно, это не кирка, но все-таки лучше, чем ничего…

Не закончив фразы, он стал пробивать стену рядом с каменной кладкой, в которой была сделана дверь. Как он и предполагал, за не очень толстым слоем цемента и камней показалась мягкая земля.

— За работу! — воскликнул Ленорман.

— Объясните мне, пожалуйста, начальник…

— Да это очень просто: надо выкопать проход около этого каменного столба в три-четыре метра длиной, и через него мы попадем в туннель, немного выше двери, и сможем уйти.

— Но для этого понадобится не один час, а вода все поднимается…

— Свети мне, Гурель.

— Скоро вода дойдет до наших ног!

— Свети и не рассуждай!

Мысль Ленормана оказалась правильной. Через некоторое время, отбрасывая землю обратно в подземный ход, он сделал отверстие, в которое мог уже влезть.

— Давайте я поработаю, начальник! — воскликнул Гурель.

— Ага, ожил! Ну, работай, только придерживайся все время выступов столба.

Вода доходила им уже до щиколоток. Успеют ли они вовремя закончить работу? По мере того как они продвигались вперед, работать становилось труднее. К концу второго часа работы они продвинулись на три четверти, но вода уже наполовину покрывала ноги. Гурель, совершенно истощенный, стоял не двигаясь, дрожа всем телом, чувствуя, как последние силы покидают его. Но Ленорман копал как заведенный. Его руки были в крови. Он тяжело дышал, спертый воздух мутил рассудок.

Вдруг он почувствовал, что достиг каменной кладки с другой стороны туннеля.

— Вода поднимается… поднимается, — стонал Гурель сдавленным голосом.

Ленорман удвоил усилия. Вдруг он почувствовал, что задвижка, которой он работал, проникла в пустоту. Наконец-то! Теперь оставалось только расширить отверстие.

Гурель, обезумев от ужаса, совершенно не двигался.

Ленорман было испугался, услышав по звуку падающего щебня, что та часть туннеля также заполнена водой, но потом решил, что это вполне

естественно, ведь она могла проникнуть туда сквозь щели в двери. К тому же все равно выход был открыт. Еще одно усилие — и он пролез в туннель.

— Пойдем, Гурель! — закричал он своему помощнику и потащил его, полумертвого от страха, за руки. — Иди, дурачина, ведь мы спасены!

— Вы уверены, начальник… ведь вода доходит нам почти до груди.

— А хоть бы и до шеи… иди… иди… А твой фонарь?

— Он не горит.

— Плохо.

Вдруг Ленорман радостно воскликнул:

— Ступенька… другая… Лестница! Наконец-то!

Они вышли из этой проклятой воды, едва не поглотившей их навсегда, и приятное чувство освобождения охватило их.

— Стой, — тихо приказал Ленорман.

Он ударился головой обо что-то твердое. Протянув руки, он нащупал доски, которые легко поднимались при его усилии. Оказалось, что это была дверь трапа, и, открыв ее, он увидел погреб, наполненный неясным светом, проникавшим сверху.

Ленорман сильным движением откинул трап

и поднялся по последним ступенькам, как вдруг почувствовал, что на него набросили нечто вроде мешка и через секунду обвязали веревками.

— Теперь другого, — послышался голос.

Ту же операцию произвели над Гурелем, и тот же голос сказал:

— Если будут кричать, убей их. Кинжал с тобой?

— Да.

— Ну, отправляйтесь. Вы, двое, возьмите этого… а вы — того. Осторожно и тихо… С самого утра по саду рыщут агенты… Ты, Гертруда, возвращайся домой и, если что случится, позвонишь мне.

Ленорман почувствовал, что его подняли и понесли. Немного погодя на него пахнуло свежим воздухом.

— Подъезжай ближе с телегой, — продолжал тот же голос.

Послышался стук колес и цокот копыт. Ленормана положили на доски, и он чувствовал, что рядом лежит Гурель. Лошади побежали рысью.

Переезд продолжался около получаса.

— Стой, — приказал голос. — Снимите их. А ты, кучер, поверни телегу ближе к перилам моста… Так, хорошо. Нет лодок на Сене? Отлично! Привязали им камни?

— Да, булыжники.

— Хорошо. Живо за дело! Поручи свою душу Господу Богу, Ленорман, и молись за меня, Парбери-Рибейру, более известного под именем барона Альтенгейма. Так. Готово? Ну, толкай его. Счастливого путешествия, господин Ленорман!

Ленорман почувствовал, что его положили на перила, а голос насмешливо кричал ему вдогонку:

— Счастливого путешествия!

Через десять секунд наступила очередь Гуреля.

Глава шестая
Парбери-Рибейра-Альтенгейм

I

Маленькие девочки играли в саду под присмотром мадемуазель Шарлотты, новой сотрудницы Женевьевы. Госпожа Эрнемон раздала им пирожки, вернулась к себе в комнату и, сев за письменный стол, стала приводить в порядок бумаги и книги на нем. Вдруг она почувствовала, что в комнате кто-то есть, и с беспокойством обернулась.

— Ты? — воскликнула она. — Откуда ты взялся?

— Тсс! — сказал князь Сернин. — Выслушай меня, не будем терять время попусту. Где Женевьева?

— Она у госпожи Кессельбах.

— Когда она придет?

— Через час, не раньше…

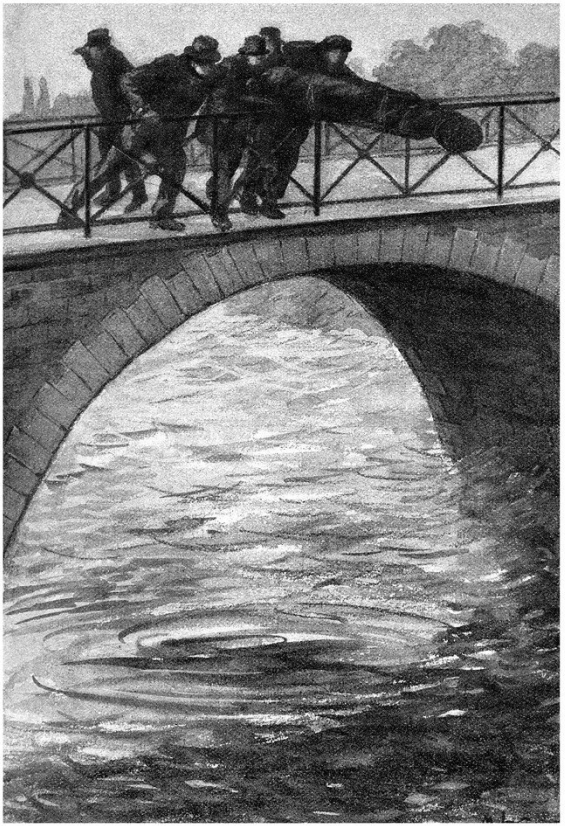
— Отлично, тогда я переговорю здесь с братьями Дудевиль. А как поживает Женевьева?

— Очень хорошо.

— Сколько раз она виделась с Пьером Ледюком

за эти десять дней после моего отъезда?

— Три раза, и сегодня, должно быть, она встретится с ним у госпожи Кессельбах, которой она его представила, как ты мне приказал. Только вот что я тебе скажу: этот Пьер Ледюк мне не особенно нравится. Гораздо лучше было бы найти ей мужа в ее среде — в среде преподавателей.



— Ты с ума сошла! Выдать Женевьеву за школьного учителя!

— Если бы ты заботился о счастье Женевьевы…

— Довольно, Виктория. Ты мне надоедаешь своими глупостями. У меня нет времени заниматься чувствами. Я играю в шахматы и нисколько не забочусь о том, что думают о моей игре фигуры…

Она прервала его:

— Слышишь, свисток!

— Это братья Дудевиль. Поди позови их сюда и оставь нас одних.

Как только Дудевили вошли, он, по обыкновению, обратился к ним с расспросами:

— Мне известно из газет об исчезновении Ленормана и Гуреля. Может быть, вы знаете что-нибудь большее, чем там написано?

— Нет. Помощник начальника Вебера сейчас ведет поиски. Вот уже неделя, как мы ищем их в саду Убежища и до сих пор не можем понять, каким образом они могли исчезнуть. Вся сыскная полиция поднята на ноги… небывалая вещь… Начальник сыскной полиции исчез бесследно.

— Ну а эти две горничные?

— Гертруда уехала, ее разыскивают.

— А ее сестра, Сюзанна?

— Вебер и Формери допросили ее. Ничего подо-

зрительного.

— Это все, что вы мне можете сказать?

— О нет, есть и кое-что другое, чего нет в газетах и что мы можем вам рассказать…

Они передали ему все, что случилось с Ленорманом в последние дни перед его исчезновением: посещение ночью двумя разбойниками виллы, где жил Пьер Ледюк, попытка Рибейры похитить Женевьеву и погоня за ним в лесу Сен-Кюкуфа, потом приезд в Париж старого Штейнвега, допрос его в здании суда и похищение его оттуда…

— И никто, кроме вас, не знает этих подробностей?

— Дьези знает о случае со Штейнвегом, от него мы это и слышали.

— Вам по-прежнему доверяют в префектуре?

— О да, нам доверяют, да так, что дают самые важные поручения. Вебер вполне уверен в нас.

— Ну хорошо, — сказал князь, — следовательно, не все потеряно. Если Ленорман и поступил неосторожно, за что, как я предполагаю, он заплатил своей жизнью, то все-таки он правильно приступил к решению задачи, и нам остается только продолжить. Враг опережает нас на несколько очков, но, я думаю, мы его нагоним.

— Мы проиграем, начальник.

— Почему? Теперь все дело только в Штейнвеге, и нам надо разыскать его, потому что он знает тайну проекта.

— Да, но куда Рибейра его спрятал?

— Без сомнения, где-нибудь у себя.

— Так надо узнать, где Рибейра живет.

— В этом-то и дело.

Простившись с ними, он отправился в домик Убежища. Около двери стояли автомобили, и два человека ходили вперед и назад, точно они были на страже. В саду, близ домика, где жила госпожа Кессельбах, на скамейке он увидел Женевьеву, Пьера Ледюка и толстого господина с моноклем. Все трое разговаривали, и никто из них не заметил его. Несколько человек вышли из павильона. Это были Формери, Вебер, секретарь и два полицейских агента. Женевьева направилась в дом, а господин с моноклем обратился к судебному следователю и помощнику начальника сыскной полиции и, разговаривая, медленно удалялся с ними.

Сернин подошел к скамейке, на которой сидел Пьер Ледюк, и тихо сказал:

— Не волнуйся, Ледюк, тихо… Это я.

— Вы!.. Вы!..

Молодой человек видел Сернина третий раз

после того ужасного вечера в Версале, и каждый раз эта встреча волновала его.

— Тсс… Кто этот субъект с моноклем?

Пьер Ледюк был бледен и что-то бормотал. Сернин ущипнул его за руку:

— Отвечай же, кто это такой?

— Барон Альтенгейм.

— Откуда он появился?

— Это друг госпожи Кессельбах. Он приехал из Австрии дней шесть тому назад и предложил свои услуги и помощь госпоже Кессельбах.

В это время следователь с секретарем и агентами вышли из сада, барон Альтенгейм тоже последовал за ними.

Князь встал и, направляясь к павильону Императрицы, продолжал разговор:

— Барон тебя расспрашивал?

— О да, очень подробно. Случившееся со мной его живо интересует, он хотел бы помочь мне найти мою семью и старался вызвать меня на разговор о воспоминаниях детства.

— А ты что же?

— Я? Ничего, потому что я ничего не знаю. Какие у меня должны быть воспоминания о детстве? Почем я знаю! Вы меня поставили на место другого человека, и я даже не знаю, кто он

такой был.

— И я тоже не знаю, — насмешливо сказал князь. — В этом-то и состоит особенность твоего положения.

— Да, вам смешно… вы все только смеетесь… Ну а мне это уже начинает надоедать… Я замешан в целый ряд подозрительных обстоятельств, не считая опасности, которой я подвергаюсь, называя себя чужим именем.

— Ну вот еще… Чужое… Ты Ледюк… герцог, такой же, как я — князь, а может быть, даже и больше. И потом, если ты не герцог, то стань им, кто тебе мешает? Женевьева не может выйти замуж иначе как за герцога. Вот, посмотри на нее! Разве не стоит пожертвовать собою из-за ее прекрасных глаз?

Сернин даже не посмотрел на Ледюка, совершенно равнодушный к тому, что этот последний мог думать. Когда они стали подниматься по ступенькам лестницы, ведущей в павильон Императрицы, появилась Женевьева, улыбающаяся и грациозная.

— Ах, вы приехали!.. — сказала она князю. — Как хорошо, как хорошо… Я очень рада. Вы хотите видеть Долорес?

Через минуту она ввела его в комнату госпожи

Кессельбах.

У князя сжалось сердце. Долорес была еще бледнее и еще более исхудавшей, чем когда он ее видел в последний раз. Сернин смотрел на нее с глубокой жалостью и волнением, которое он и не думал скрывать. Она поблагодарила его за сочувствие, высказанное им по отношению к ней. Она рассказала также и о приезде барона Альтенгейма, тепло и доброжелательно.

— Вы знавали его раньше? — спросил он.

— Только по имени. Я слышала про него от мужа, с которым он был очень дружен.

— Да, я встречался с одним Альтенгеймом. Он жил на улице Дарю. Быть может, это тот самый…

— О нет. Этот живет… Положим, я тоже точно не знаю, где он живет… Он дал мне свой адрес, но я куда-то его положила и не могу вам сказать…

Поговорив с ней еще несколько минут, Сернин простился.

В передней его дожидалась Женевьева.

— Мне надо серьезно поговорить с вами, — сказала она живо, — очень серьезно… Вы его видели?

— Кого?

— Барона Альтенгейма… но это его ненастоящее имя… я его узнала, хотя он и не подозревает этого…

Она повела его в сад, и было заметно, что она очень взволнована.

— Успокойтесь, Женевьева…

— Это тот самый человек, который хотел меня похитить. Если бы бедный Ленорман не пришел мне тогда на помощь, я бы погибла… Видите ли, вы, наверное, знаете, потому что вы все знаете, это…

— Да, но как его настоящее имя?

— Рибейра. Он может как ему угодно менять свое лицо, голос, манеры… Я его узнала… Но я никому об этом не говорила, а ждала вашего возвращения.

— Вы ничего не сказали о вашем открытии госпоже Кессельбах?

— Нет, она, видимо, очень довольна, что встретила друга своего покойного мужа. Но вы, конечно, ей об этом скажете, не правда ли? Я не знаю, что он собирается сделать против нее, против меня… С тех пор как исчез Ленорман, он ничего не боится и распоряжается здесь, как хозяин. Кто же может сорвать с него маску?

— Я! Успокойтесь, я ручаюсь за все, и, пожалуйста, никому ни слова.

Они дошли до ворот сада, и привратник отворил им калитку.

Князь сказал:

— Прощайте, Женевьева, и, главное, будьте спокойны. Я здесь.

Он закрыл калитку, повернулся и едва не вскрикнул. Перед ним стоял широкоплечий здоровенный человек с моноклем — барон Альтенгейм. Две-три секунды они молча смотрели друг на друга. Потом барон, улыбаясь, сказал:

— Я тебя жду, Люпен.

Как ни хорошо владел собою Сернин, он все-таки невольно вздрогнул. Только что он собирался разоблачить своего врага, как тот опередил его.

— Ну а дальше что? — спросил Сернин.

— Дальше? А как ты думаешь, может, нам с тобой есть о чем поговорить?

— К чему? Не о чем.

— Мне надо поговорить с тобой.

— Какой день ты выбираешь?

— Завтра. Мы позавтракаем вместе в ресторане.

— А отчего не у тебя?

— Да ведь ты не знаешь моего адреса?

— А вот…

Князь быстрым движением руки выхватил из кармана Альтенгейма газету, на которой была наклеена почтовая бандероль, и прочел:

— Двадцать девять, улица Дюпон.

— Ловко, — сказал тот. — Ну что же, так завтра у меня.

— В котором часу?

— В час.

— Хорошо, я буду. Мое почтение.

II

На следующий день ровно в час Сернин ехал верхом по тихой улице Дюпон, напоминавшей улицу какого-нибудь провинциального города. У нее был всего один выход на улицу Перголези в двух шагах от авеню Дюбуа. На ней расположены красивые особняки с садами, и она оканчивается парком с большим домом, напротив которого проходит окружная дорога. Там, в доме номер двадцать девять, жил барон Альтенгейм.

Сернин отдал поводья лошади лакею, которого он послал раньше вперед, и сказал:

— Приведешь лошадь сюда в половине третьего.

Он позвонил. Дверь сада открылась, и он на-

правился к крыльцу, на котором стояли два здоровенных лакея в ливреях, они ввели его в большую переднюю, холодную и мрачную, без всяких украшений. Тяжелая дверь с шумом закрылась за ним, и, несмотря на свою храбрость, Сернин почувствовал, как у него застучало в груди сердце.

— Доложите: князь Сернин.

Его провели в гостиную.

— Ах, вот и вы, дорогой князь, — сказал барон, выходя ему навстречу. — А представьте себе, дорогой князь, я не надеялся видеть вас сегодня у себя…

— Почему же?

— Сегодня утром вы объявили войну мне так решительно, что после этого всякие разговоры излишни.

— Я объявил вам войну?

— Ну да. — Барон развернул номер «Журналь» и ткнул пальцем в газету.

«Арсен Люпен берется за поиски исчезнувшего Ленормана, — прочел Сернин. — Он уверен, что найдет Ленормана живым или мертвым и непременно передаст преступников в руки правосудия».

— Ведь это вы сообщили, дорогой князь?

— Совершенно верно, я.

— Следовательно, я был прав — вы объявили войну?

— Да.

Альтенгейм пригласил Сернина сесть, сел сам и начал примирительным тоном:

— Ну вот, я все-таки не могу допустить этого. Мне кажется немыслимым, чтобы два таких человека, как мы с вами, сражались и приносили вред друг другу. Я думаю, нам надо прийти к соглашению.

— Видите ли, барон, я думаю, что два таких человека, как мы с вами, не могут прийти к соглашению.

У Альтенгейма вырвалось нетерпеливое движение, и он прервал Сернина:

— Послушай, Люпен… Да, кстати, ты не против того, чтобы я звал тебя Люпеном?

— Пожалуйста, господин Альтенгейм, Рибейра, Парбери, или как тебя еще?

— Ого! Ты оказываешься более осведомленным, чем я! Черт возьми! Ну что же, одной причиной больше для того, чтобы найти общий язык. — И, наклонясь к нему, он продолжал: — Послушай, Люпен, мы оба достаточно сильны и стремимся к одной и той же цели. Что же выйдет из нашего

соперничества? То, что мы оба проиграем, и этим воспользуется третье лицо, какой-нибудь тип, вроде Ленормана… Но ведь это было бы слишком глупо…

— Действительно глупо, — согласился Сернин, — но есть возможность избежать этого исхода.

— Какая же?

— Брось это дело.

— Не говори глупостей. Предложение, которое я хочу тебе сделать, очень серьезно. Короче, в двух словах: давай объединимся!

— О-го-го!

— Люпен, это верный выигрыш, поверь мне…

— И что же ты вкладываешь в предприятие!

— Я?

— Да, ты. Тебе известно, чего я стою. Ну а каков же твой пай?

— Штейнвег.

— Маловато.

— Нет, это слишком много, это — все. Через него мы узнаем, кто такой Пьер Ледюк. Через него мы узнаем, в чем состоит проект Кессельбаха…

Сернин расхохотался:

— И для этого тебе нужна моя помощь?

— Как?

— Да очень просто. Видишь ли, мой милый, ты наивен. Штейнвег находится у тебя в руках, а ты обращаешься ко мне за сотрудничеством. Значит, ты не можешь заставить его открыть тайну проекта. Иначе разве стал бы ты обращаться ко мне?

— И какой же твой ответ?

— Я отказываюсь, — сказал Сернин, — в своих делах я не нуждаюсь ни в ком. Я принадлежу к тем людям, которые любят действовать в одиночку. Если бы ты был мне равным, тебе бы и в голову не пришло обращаться ко мне с таким предложением.

— Ты отказываешься? Ты отказываешься? — побледнев, оскорбился Альтенгейм.

— Все, что я могу сделать для тебя, так это предложить место простого солдата для начала. Под моим руководством. Хочешь?

Альтенгейм зло посмотрел на Люпена:

— Ты не прав, Люпен. Мне не нужно ничьей помощи, и я довел бы это дело до конца. Я предлагал тебе объединиться только для того, чтобы скорее достигнуть цели и не мешать друг другу.

— Ты мне нисколько не мешаешь, — сказал Люпен презрительно.

— Но если мы не объединимся, то только один из нас достигнет цели…

— Что ж, я готов к этому.

— И этому одному придется перешагнуть через труп другого. Готов ли ты к такому, Люпен? Умереть, например, от маленькой ранки на шее?

— Так это и есть твое предложение?

— Я не люблю крови, вовсе не это. У меня есть кулаки, и я с их помощью справлюсь. Но другой — убивает, вспомни, маленькая ранка от стилета… Берегись его, Люпен, он жесток и неумолим, и ничто его не остановит, — почти шепотом произнес барон.

— Однако можно подумать, что ты сам его боишься, барон, — насмешливо сказал Люпен.

— Я боюсь за других, за тех, кто становится нам поперек дороги, за тебя, Люпен. Соглашайся — или ты погиб. Я все равно не брошу этого дела, тем более что цель уже близка… она почти в моих руках… Соглашайся.

Он был силен и неумолим, отказ Люпена так разозлил его, что, казалось, Альтенгейм был готов напасть на него сейчас же.

Сернин пожал плечами:

— Боже! Как я хочу есть! Однако у тебя поздно завтракают…

Вошел лакей и доложил, что кушать подано.

— Вот первое дельное слово, которое я здесь

слышу.

Альтенгейм взял его под руку и, направляясь с ним в столовую, продолжал уговаривать его, не обращая внимания на присутствие слуги.

— Послушай, я по-дружески советую тебе: согласись! Это очень, очень серьезно… Поверь, что так будет лучше, намного лучше…

— А, икра! — сказал Сернин. — Как ты любезен… Ты не забыл, что пригласил на завтрак русского князя!

Они сели за стол друг против друга. Около них вертелась великолепная борзая, породистое животное с длинной серебристой шерстью.

— Представляю вам: мой лучший друг, Сириус, — сказал Альтенгейм.

— А, соотечественник… У меня была раз одна борзая…

Завтрак проходил очень оживленно. К Альтенгейму вернулось его хорошее настроение, и они изощрялись друг перед другом в проявлениях остроумия и вежливости. Сернин рассказал несколько анекдотов, на что Альтенгейм ответил тем же, и у них завязался веселый разговор. В их беседе мелькали имена самых старинных родов Европы: испанских грандов, английских лордов, австрийских герцогов.

— Какую интересную профессию мы себе избрали, — сказал Сернин, — нам приходится соприкасаться со всем, что есть лучшего на земле. Вот тебе, Сириус, кусочек пулярки с трюфелями…

Собака не отходила от него, не спускала глаз, ласково виляла хвостом и моментально проглатывала все, что он ей предлагал.

— Стаканчик шамбертена, князь?

— С удовольствием, барон.

— Советую обратить внимание: это вино из подвалов короля Леопольда.

— Подарок?

— Да, подарок, который я сам себе сделал.

— Чудесное вино… букет… аромат… Вместе с этим паштетом из гусиной печенки это прямо находка. Могу вас поздравить, барон, у вас прекрасный повар.

— Не повар, а повариха, князь. Я ее переманил за страшно большую цену у депутата-социалиста Левро. Вот попробуйте-ка это мороженое из какао, и особенно рекомендую вам эти пирожки… прямо гениальное изобретение.

— С виду они великолепны, если так же и вкусны… — проговорил князь, беря несколько пирожков. — Получай, Сириус, ты, наверное,

любишь эти штуки…

Быстрым движением руки он дал один из пирожков Сириусу. Собака сразу проглотила его, мгновенно остановилась, две-три секунды оставалась неподвижной, потом закачалась и с жалобным визгом упала в конвульсиях…

Сернин живо отскочил назад, чтобы не быть захваченным врасплох одним из слуг, и громко рассмеялся:

— Вот что я тебе посоветую, барон: когда ты захочешь отравить кого-нибудь из своих друзей, то постарайся быть спокойным, чтобы руки у тебя не дрожали… Это вызывает недоверие… Ха… ха… ха… Я-то думал, что убийство тебе внушает отвращение…

— При помощи ножа — да, — сказал Альтенгейм, нисколько не смущаясь. — Но мне сегодня хотелось отравить кого-нибудь и посмотреть, как это будет выглядеть.

— Однако ты неплохо выбираешь объект для своих опытов. Черт возьми — русского князя!

Он подошел к Альтенгейму и сказал:

— Знаешь ли ты, что случилось бы, если бы тебе удалось отравить меня и я бы не вернулся домой самое позднее в три часа? Уже в половине четвертого префект полиции точно знал бы, что за

гусь так называемый барон Альтенгейм, и еще до наступления вечера засадил бы тебя в тюрьму.

— Ба! Из тюрьмы можно удрать, — сказал Альтенгейм, — но оттуда, куда я хотел тебя отправить, не возвращаются.

— Совершенно верно, но для этого прежде всего надо меня туда отправить, а это не так-то просто.

— Достаточно было тебе проглотить кусочек этого пирожка…

— Ты так думаешь?

С этими словами он взял пирожок, разломил его и протянул половину барону:

— Ешь!

Тот с ужасом отодвинулся в сторону.

— Мальчишка! — сказал Сернин.

И спокойно, не торопясь, на глазах остолбеневшего от изумления барона он съел сначала одну половину пирожка, потом с видом человека, который ест очень вкусную вещь, другую.

— Люпен всегда готов к тому, что какой-нибудь подлец может подсыпать ему яду, — сказал он, вытирая руки. — Но запомните, барон, Люпен бесстрашен и неуязвим. Помните короля Мит-

ридата?[3]

III

Они увиделись снова в тот же вечер. Князь Сернин пригласил барона Альтенгейма отобедать в кабаре «Ватель», в обществе одного поэта, музыканта, капиталиста и двух красивых артисток из «Комеди Франсез». На следующий день они завтракали вместе в Булонском лесу, а вечером встретились в опере.

И так они виделись каждый день в течение недели. Казалось, что они не могут жить друг без друга. Они вместе веселились, пили дорогие вина, курили великолепные сигары. На самом же деле они жестоко и упорно следили друг за другом, ожидая благоприятной минуты: Альтенгейм — чтобы уничтожить Сернина, Сернин — чтобы уничтожить Альтенгейма. Они оба чувствовали, что развязка близка и что один из них скоро должен погибнуть.

Однажды они остались одни в саду клуба на улице Камбон. Это было как раз то время, когда в

---

[3] Notes: 3

Митридат VI Евпатор (132–63 до н. э.) — царь Понта (Понтийского царства), подчинил все побережье Черного моря, но в конце концов в войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

июне уже наступают сумерки, в клубе начинаются обеды, но из вечерних игроков еще никого нет. Они прогуливались по лужайке, окаймленной густым кустарником, за которым была каменная стена с маленькой дверью. Вдруг во время разговора с Альтенгеймом Сернин почувствовал, как голос барона становится неуверенным. Взглянув на него сбоку, Сернин заметил, что Альтенгейм держит правую руку в кармане пиджака и его рука судорожно сжимает рукоятку кинжала.

Великолепный момент! Решится ли он? Выпрямившись и заложив руки за спину, Сернин ожидал нападения. Барон замолчал, и они тихо шли рядом.

— Да бей же! — нетерпеливо воскликнул князь, прерывая молчание.

Он остановился и обернулся к своему спутнику.

— Ну, чего же ты ждешь? Бей! Теперь или никогда! Никто тебя не увидит, ты скроешься в эту дверь. И до свидания, никто ничего не видел… Ведь ты же сам это подстроил, привел меня сюда. Чего же ты ждешь? Ну, бей!

И он вплотную подошел к барону. Последний стоял весь багровый.

— Мокрая курица, — засмеялся Сернин. — Ни-

когда из тебя ничего порядочного не выйдет. Хочешь, я скажу тебе правду? Ты боишься меня. Да-да, мой милый, со мной ты никогда не уверен, какой оборот может принять дело.

Он не успел закончить, как почувствовал, что кто-то схватил его сзади за шею и тянет назад. Сернин видел поднявшуюся руку с блеснувшим лезвием ножа. Рука опустилась и ударила ножом в грудь князя. В тот же момент Альтенгейм бросился на него, и они покатились по лужайке. Борьба продолжалась не более тридцати секунд. Оставив поверженного Альтенгейма, Сернин вскочил и кинулся за черной тенью, скрывшейся за маленькой дверью, но услышал, как дважды щелкнул замок. Открыть дверь не было возможности.

— Ах, мерзавец, — выругался Сернин. — Только попадись мне! В тот же день я совершу свое первое убийство. Но если только…

Он повернулся и успокоился; нагнувшись, стал собирать кусочки кинжала, сломавшегося во время удара.

Альтенгейм лежал, охая.

— Ну что, барон? Тебя удивляет, что я жив? Все просто. Надо только носить небольшой стальной нагрудник, и тогда можно плевать на любые кин-

жалы, даже на твоего черного товарища, потому что он наносит удар всегда в грудь. Вот, посмотри, что осталось от его игрушки… Осколки!

Он протянул Альтенгейму руку:

— Ну, вставай, барон. Я приглашаю тебя обедать. И не забывай, мой друг: Люпен бесстрашен и неуязвим.

Он прошел в помещение клуба и, оставив за собой стол для обеда, сел на диван, думая: «Да, игра очень забавна, но пора кончать, она становится слишком опасной, эти мерзавцы могут отправить меня на тот свет гораздо раньше, чем я туда собираюсь… Глупо только то, что я ничего не могу предпринимать против них, пока не разыщу Штейнвега. Куда они его спрятали? Нет никакого сомнения, что Альтенгейм разговаривает с ним каждый день и пытается принудить его раскрыть тайну проекта Кессельбаха. Но где он с ним видится? Где он его спрятал? У своих друзей или у себя в доме на улице Дюпон?»

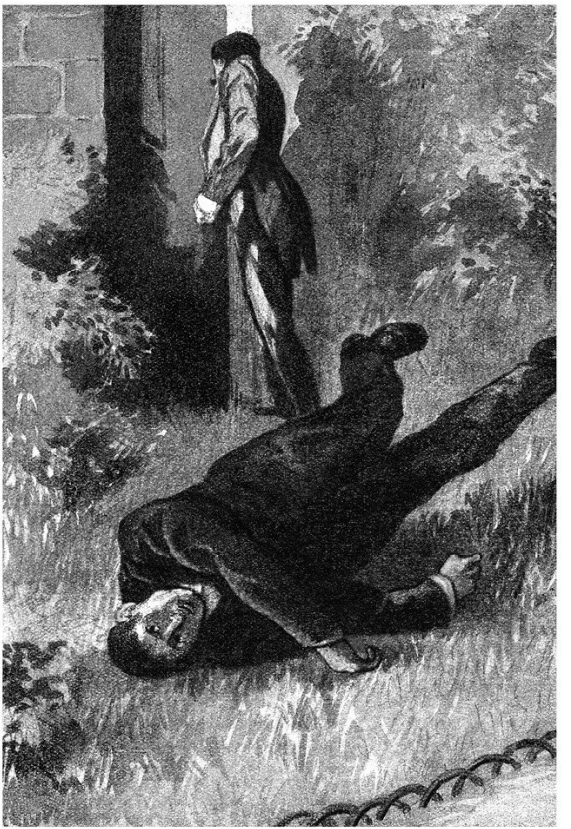
Он глубоко задумался, потом закурил папиросу, сделал три затяжки, отбросил ее в сторону. Это был условный знак — к нему тотчас подошли два молодых человека и сели рядом.

Это были братья Дудевиль.

— Что прикажете, начальник?

— Возьмите шесть человек и отправляйтесь в дом номер двадцать девять по улице Дюпон.

— Как же мы войдем туда?



— Очень просто, именем закона. Разве вы не агенты сыскной полиции? Обыск.

— Но мы не имеем права сделать это!

— Достаньте разрешение.

— А если слуги будут сопротивляться, кричать?

— Их только четверо, и вы легко справитесь с ними.

— А если Альтенгейм в это время вернется?

— Он вернется не раньше десяти часов. Это я беру на себя. В вашем распоряжении имеется два с половиной часа. Обыщите дом сверху донизу, а если не найдете Штейнвега, известите меня.

Вошел барон Альтенгейм. Сернин встал и направился ему навстречу:

— Мы ведь обедаем вместе, барон? Маленькое приключение в саду пробудило у меня аппетит. Да, кстати, барон, я бы хотел дать вам несколько советов по этому поводу…

Они сели за стол.

После обеда князь предложил сыграть партию в бильярд. Альтенгейм согласился. После бильярда они прошли в зал, где играли в баккара.

— Банк, пятьдесят луидоров, никто не желает взять? — кричал крупье.

— Сто луидоров, — сказал Альтенгейм.

Сернин посмотрел на часы. Десять часов. Братья Дудевиль не вернулись, значит их поиски не дали никаких результатов.

— Банк, — сказал он.

Альтенгейм сел и стал сдавать карты.

— Даете карту?

— Нет.

— Семь.

— Шесть.

— Я проиграл, — сказал Сернин. — Удваиваю банк.

— Идет, — сказал барон и сдал карты.

— Восемь, — сказал Сернин.

— Девять…

Сернин повернулся и отошел от стола, говоря про себя: «Удовольствие стоит триста луидоров, но зато я теперь спокоен, он не выйдет из-за стола».

Спустя некоторое время он вышел из своего автомобиля на улице Дюпон перед домом номер двадцать девять. В передней его встретил Дудевиль вместе с другими товарищами.

— Разыскали старика?

— Нет.

— Плохо! Он должен быть здесь. А где слуги?

— Они связаны. В кухне.

— Отлично. Лучше будет, если они меня не увидят. Вы можете уходить. Ты, Жан, посторожи пока внизу, а ты, Жак, покажешь мне дом.

Он быстро начал осмотр с подвала, поднялся на третий этаж и на чердак. Он нигде долго не останавливался, потому что был уверен, что за несколько минут он не найдет того, что его помощники не могли разыскать в течение трех часов. Но он старался запомнить величину комнат и их расположение.

Окончив осмотр, он прошел в спальню Альтенгейма и внимательно занялся ею.

— Вот это меня устраивает, — сказал он, показывая на темное помещение, скрытое за занавеской и заполненное одеждой.

— А если барон будет обыскивать дом?

— С какой стати?

— Да ведь он же узнает от слуг, что мы были здесь?

— Ему и в голову не придет, что один из нас поселится у него. Он решит, что наша попытка не удалась, и успокоится. Поэтому-то я и останусь.

— Но как вы выйдете отсюда?

— Ты слишком многого хочешь. Главное — войти… Вот что, Дудевиль, спустись вниз, к брату, и можете уходить… Завтра или…

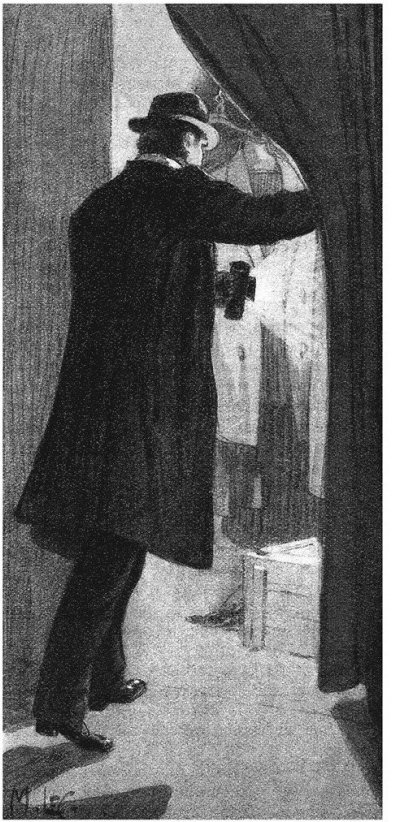
— Когда?

— Не беспокойтесь, я вас вызову, когда вы мне понадобитесь.

Он сел на маленький ящик в глубине темной комнаты. Перед ним была стойка с костюмами, и он мог чувствовать себя в безопасности, если только барону не вздумается произвести обыск.

Прошло десять минут. Он услыхал тяжелую рысь лошади и позвякивание бубенчика. Экипаж остановился, хлопнула дверь внизу, и почти тотчас же до него долетел шум голосов, все возрастающий по мере того, как развязывают слуг.

«Они рассказывают о происшедшем, — думал он. — Барон, наверное, с ума сходит от злости. Теперь ему стало понятно мое поведение сегодня и то, что я отлично провел его. Провел, да не совсем… Штейнвега я все-таки не нашел… Первое, чем барон сейчас, конечно, займется, — он пойдет проверить, не похитили ли Штейнвега, и отправится туда, где он у него спрятан. Если он направится наверх, значит Штейнвег спрятан наверху, если же пойдет вниз — Штейнвег спрятан в подвале».



Он стал прислушиваться. Шум голосов продолжался, но нельзя было сказать, чтобы он изменил направление. Должно быть, Альтенгейм расспрашивал своих помощников. Только через полчаса Сернин услышал звук шагов по лестнице.

«Кажется, он идет наверх, — подумал князь, — но что он делал столько времени внизу?»

— Пусть все ложатся спать, — послышался голос Альтенгейма.

Барон вошел в комнату с одним из слуг и закрыл за собой дверь.

— Я тоже лягу спать, Доминик. Мы можем проспорить и всю ночь, но не продвинемся вперед.

— Я думаю, — сказал другой, — что он приходил за Штейнвегом.

— Я и сам так думаю и в душе очень доволен, потому что Штейнвега здесь нет.

— Но где же он, наконец? Что вы с ним сделали?

— Это моя тайна, и ты знаешь, что я не открою ее никому. Все, что я могу тебе сказать, — это то, что он хорошо спрятан и не выйдет, пока не откроет, в чем состоял проект Кессельбаха.

— Следовательно, князь ошибается?

— Конечно! И ему еще пришлось поломать голову, чтобы додуматься до этого. Нет, я очень,

очень рад… Бедный князь…

— Все-таки, — продолжал другой, — от него надо отделаться.

— Будь спокоен, старина, через неделю я тебе подарю портфель, сделанный из кожи Люпена. Ну, довольно, не мешай мне, я страшно хочу спать.

Послышался шум открываемой двери, потом щелкнул замок, и Сернин услышал, как барон завел часы, порылся в карманах и начал раздеваться. Он был очень весел, напевал, насвистывал, громко разговаривал:

— Да… из кожи Люпена… через неделю, хорошо бы и скорее, а то он нас утопит, каналья. Здорово он промахнулся сегодня… хотя расчет был верен: Штейнвег не может находиться нигде в другом месте, только здесь… Только вот в чем дело, надо…

Он лег в постель и тотчас же потушил свет.

Сернин тихо подошел к занавеси и слегка ее приподнял. Ему была видна комната, слабо освещенная ночным светом, с кроватью за занавесями алькова.

«Действительно, я глупо делаю, — подумал Сернин, — как только он заснет, я уйду».

Но в это время до него долетел странный звук,

какой-то легкий скрип, Сернин не мог определить точно.

— Ну как, Штейнвег, надумал?

Это говорил барон! Не было никакого сомнения в этом. Но как он мог разговаривать со Штейнвегом, когда последнего не было в комнате?

Альтенгейм продолжил:

— Ты что же, все еще не решился? Нет? Глупо! Все-таки рано или поздно тебе придется рассказать, что ты знаешь… Нет? Не расскажешь? Ну, спокойной ночи в таком случае. До завтра!

«Я вижу это во сне, — думал Сернин, — или нет, вернее, это он разговаривает во сне. Как же иначе? Штейнвега нет ни рядом с ним, ни в соседней комнате; его нет, наконец, даже в доме, как говорит сам барон… Что же тогда это значит?»

Он колебался. Броситься ли ему на барона и заставить его силой сказать, где Штейнвег? Нелепость! Никогда Альтенгейм не позволит выудить у него таким образом секрет.

— Что же делать, надо уходить, — пробормотал он, — по крайней мере, я не даром потерял вечер.

Но он не ушел. Он чувствовал, что ему нельзя было уходить, что случайно он может узнать что-нибудь. Он осторожно снял несколько ко-

стюмов и пальто, положил их на пол, улегся и, прислонясь спиною к стене, спокойно заснул.

Барон не вставал рано. Часы пробили девять, когда он вскочил с постели и позвал слугу. Он прочел почту, которую ему принес лакей, не говоря ни слова, оделся и сел писать письма. В десять часов он подошел к столу, где был телефонный аппарат, и снял трубку:

— Алло, будьте любезны соединить с Гаршем… да, да… вы мне позвоните…

Он остался у аппарата.

Сернин дрожал от нетерпения.

Раздался звонок.

— Алло, это Гарш? Номер тридцать восемь? Да, это я… он вчера вечером обыскал весь дом. Конечно, ничего не нашел. Штейнвег? Нет, ничего не хочет говорить. Да, он отлично понимает, что без него мы ничего не можем… Но куда он денется, скажет, я за это ручаюсь, и даже сегодня ночью, а не то… Что делать, лучше это, чем дать ему ускользнуть. Князь у нас его выкрадет… С этим через три дня надо будет покончить… Когда увидимся? Во вторник? Идет. Я приеду во вторник к двум часам.

Он положил трубку на место и вышел. Сернин слышал, как он отдавал приказания:

— Будьте внимательны и не попадайтесь так глупо, как вчера, я не вернусь раньше ночи.

Тяжелая дверь передней закрылась, потом был слышен скрип калитки и побрякивание бубенчика удалявшейся лошади.

Через двадцать минут вошли двое слуг, открыли окна и убрали комнату, разговаривая между собой.

Когда они ушли, Сернин подождал еще довольно долго, пока они, по его предположению, не сели за обед. Тогда, надеясь, что вся прислуга в кухне за столом, он вышел и принялся за осмотр кровати и стены, около которой она стояла.

— Странно, очень странно, — говорил он, — нет ничего особенного. В постели нет двойного дна, под постелью тоже ничего. Посмотрим соседнюю комнату.

Он тихо прошел туда. Это была совершенно пустая комната без всякой мебели.

— Здесь он тоже не может быть спрятан. В стене? Нет, это не стена, а тонкая перегородка. Черт знает что такое! Я ничего не понимаю.

Он осмотрел каждый дюйм в перегородке, опять внимательно исследовал постель. Впустую!

— Быть может, — бормотал он, — Альтенгейм бредил во сне?.. Чтобы проверить это, мне при-

дется провести здесь еще ночь.

Он отправился в свое убежище и провел там целый день. Наконец наступила темнота.

Альтенгейм вернулся за полночь. Он вошел в свою комнату один, разделся, лег и сейчас же погасил свет.

Сернин с волнением ждал. Опять легкий, непонятный скрип, и Альтенгейм начал насмешливым голосом:

— Ну, как поживаешь, дружище? Ругаешься? Брось, не нужно! Мне нужно от тебя другое: проект Кессельбаха и история Пьера Ледюка… Ну, давай же!

Сернин слушал, крайне удивленный. На этот раз нельзя было ошибиться: барон действительно разговаривал со старым Штейнвегом!

— А, ты голоден? — продолжал барон. — Ешь-ешь, мой милый! Только помни, что я сразу дал тебе весь хлеб, и если ты будешь есть по крохе в день, то тебе его хватит на неделю… Может быть. А через неделю тебя не будет. Не будет больше нашего милого дядюшки Штейнвега, если он, конечно, не согласится рассказать… Рассказывай! Нет? Ну-ну…

На другой день в час дня Сернин вышел из дома Альтенгейма.

— Итак, в будущий вторник Альтенгейм и убийца увидятся в Гарше, в доме с номером телефона тридцать восемь, — подвел он итоги. — Следовательно, во вторник я выдам обоих преступников полиции и освобожу Ленормана. В тот же вечер я разыщу Штейнвега и узнаю наконец, был ли Пьер Ледюк сыном колбасника или нет и можно ли выдать за него замуж Женевьеву. Так и будет сделано.

Во вторник утром, около одиннадцати часов, председатель Совета министров Валанглэ пригласил к себе в кабинет префекта полиции и помощника начальника сыскной полиции Вебера и показал им подписанную князем Сернином записку, которую он только что получил.

Господин председатель Совета! Ленорман заключен в погреб при вилле Глисин в Гарше, недалеко от дома Убежища. Разбойники, совершившие преступление в «Палас-отеле», решили его убить сегодня в два часа. Если полиции понадобится моя помощь, то я буду в половине второго в саду Убежища или у госпожи Кессельбах.

Князь Сернин

— Это очень серьезно, дорогой Вебер, — сказал

Валанглэ. — Тем более что князю Сернину можно вполне верить. Мне приходилось не один раз обедать с ним. Это очень серьезный, интеллигентный человек.

— Позвольте мне, господин председатель, — сказал Вебер, — прочесть вам другое письмо, которое я получил тоже сегодня утром.

— Оно касается этого дела?

— Да.

— Посмотрим.

Он взял письмо и прочел:

Милостивый государь!

Считаю нужным предупредить вас, что князь Сернин, называющий себя другом госпожи Кессельбах, есть не кто иной, как Арсен Люпен.

Л. М.

Валанглэ остановился в смущении.

— Ну, на этот раз, — сказал Вебер, — наш друг Люпен нашел себе достойного противника. В то время как один доносит, другой его выдает. И лисица попалась в западню.

— Что же вы думаете делать? — спросил Валанглэ.

— Я постараюсь, господин председатель, удо-

влетворить и того и другого. А для этого я беру с собой двести человек.

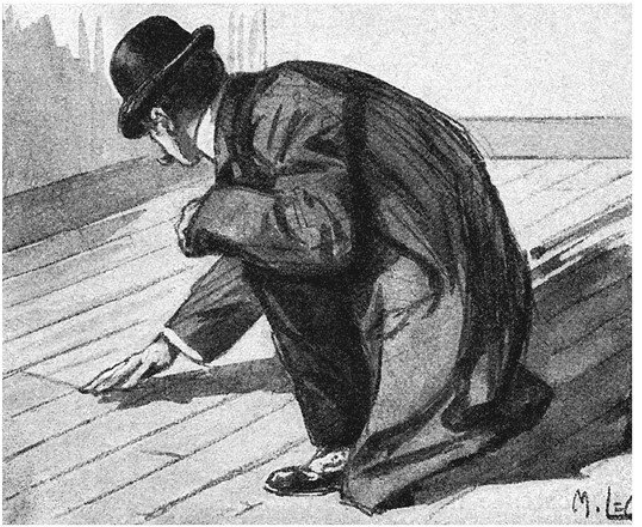
Глава седьмая
Темно-зеленый редингот

I

Было четверть первого, когда князь Сернин обедал в ресторане близ улицы Мадлен. За соседний столик сели два молодых человека. Он раскланялся с ними и стал разговаривать, как со случайно встретившимися знакомыми.

— Вы тоже участвуете в операции?

— Да.



— Сколько вас всего человек?

— Кажется, шесть. Каждый отправится от своего дома и без четверти два все встретятся с Вебером близ дома Убежища.

— Хорошо, я там буду.

— Как?

— Да ведь я же руковожу операцией! И потом, необходимо, чтобы я нашел Ленормана, потому что об этом было заявлено мною в газетах.

— Неужели вы думаете, что Ленорман жив?

— Даже уверен в этом.

— Вы что-нибудь знаете?

— Да, вчера я узнал, что Альтенгейм и его шайка отвезли Гуреля и Ленормана, связанными, на мост в Буживале и бросили их там в воду. Гурель утонул, а Ленорман выбрался.

— Но, если он жив, отчего не показывается?

— Он не свободен.

— Так это верно, что он находится в погребе на вилле Глисин?

— Да.

— Но как вы узнали?

— Это мой секрет. Могу только вам сказать, что эффект будет сенсационный… У вас все? Тогда поедем со мной.

Приехав в Гарш, Сернин отослал автомобиль, и они отправились по тропинке, ведущей в школу Женевьевы. Он остановился и сказал им:

— Вот что, Дудевиль, выслушайте меня внимательно, это очень важно. Позвоните в Убежище, карточки агентов сыскной полиции с вами? От-

правьтесь в павильон Гортензии, там спуститесь на подвальный этаж. Там вы увидите прибитую старую ставню, которую достаточно отодвинуть в сторону, чтобы перед вами открылся подземный ход, ведущий к вилле Глисин. Я его недавно нашел. При помощи этого хода Гертруда и Альтенгейм общались между собой. Этим же ходом пробирался Ленорман, чтобы в конце концов попасться в руки Альтенгейму.

— Вы так думаете, начальник?

— Да, я так думаю. И теперь вот в чем дело: вы проверите и убедитесь, в том ли состоянии подземный ход, в каком я его оставил сегодня ночью, то есть две двери, находящиеся внутри, открыты и в яме около второй двери находится сверток из черной саржи, мною туда положенный.

— Его надо развязать?

— Нет, ни к чему, там лежит костюм. Так вот, отправляйтесь и постарайтесь не обращать на себя внимания, а я подожду вас здесь.

Через десять минут они вернулись.

— Сверток на месте, около второй двери.

— Великолепно! Сейчас двадцать пять минут второго. Скоро появится Вебер с агентами. За виллой Глисин следят и окружат ее, как только войдет Альтенгейм. Я, с согласия Вебера, звоню,

вхожу и оказываюсь в самом центре событий. Дальше у меня есть план, который я привожу в исполнение.

И Сернин, отпустив их, направился по тропинке к школе.

«Все идет как нельзя лучше, — думал он, — только что́ предпринял Альтенгейм? С какой стороны он нападет? Может быть, он выдал меня полиции?»

Он прошел по лужайке, находившейся перед школой, — там никого не было, все воспитанницы были в классах, — и позвонил у входа.

— Ах, это ты! — сказала госпожа Эрнемон, открывая. — Ты оставил Женевьеву в Париже?

— Для этого сначала нужно, чтобы Женевьева поехала в Париж, — ответил Сернин.

— Но ведь ты сам ее туда вызвал!

— Что ты говоришь? — закричал он, хватая ее за руку.

— Как? Но ведь ты должен знать все это лучше меня!

— Я не знаю ничего. Объясни, пожалуйста.

— Разве ты не писал Женевьеве, чтобы она приехала на вокзал Сен-Лазар, где ты ее встретишь?

— И она поехала?

— Конечно… вы должны были завтракать вме-

сте в отеле «Риц».

— Письмо… Покажи письмо.

Она принесла его.

— Разве ты не видишь, что это подделка? Хорошо сделанная, но все-таки подделка. Это прямо бросается в глаза!

Он в бешенстве закрыл лицо руками.

— Вот удар, которого я ждал… Вот с какой стороны он на меня нападает, подлец! Но откуда он знает? Нет, не может быть… он ничего не знает. Вот уже два раза он пытается похитить Женевьеву. Очевидно, он увлекся ею… О, нет, нет! Этого никогда не будет… Слушай, Виктория, ты уверена в том, что она его не любит? Нет, я теряю голову и говорю глупости. Постой, мне надо подумать… И как раз сейчас, в такой момент!

Он посмотрел на часы.

— Без двадцати два… у меня есть еще время. Какой я дурак! Время!.. Время! Что я могу сделать за это время? Разве я знаю, где она находится?

Он метался по комнате, и его старая няня удивлялась, впервые видя, что он не владеет собой.

— Очень может быть, что она в последний момент догадалась о ловушке, в которую ее пытались заманить… Где же она может быть?

— Не знаю, у госпожи Кессельбах, наверное…

— Да, это верно… верно… ты права, — воскликнул он с внезапно пробудившейся надеждой и побежал к дому Убежища.

По дороге около ворот он увидел, как братья Дудевиль входили к привратнику, чтобы от него наблюдать за виллой Глисин. Не останавливаясь, он прямо прошел в павильон Императрицы, позвал Сюзанну и приказал провести себя к госпоже Кессельбах.

— Женевьева? — спросил он.

— Что Женевьева?

— Она не была у вас?

— Нет, вот уже несколько дней…

— Но она придет к вам?

— Вы думаете?

— Да, я в этом уверен. Где же она может быть? Как вы полагаете?

— Не знаю, но уверяю вас, что мы не договаривались о встрече сегодня.

Заметив его взволнованное лицо, она обеспокоилась и спросила:

— С Женевьевой, надеюсь, ничего не случилось?

— Нет, ничего.

Он быстро ушел. Ему пришла в голову мысль, что барон Альтенгейм может не находиться на

вилле Глисин.

— Мне необходимо его видеть…

И, очень расстроенный, не обращая ни на что внимания, он бросился дальше. Но, не доходя до помещения привратника, вдруг остановился, едва не налетев на господина Вебера. Помощник начальника сыскной полиции разговаривал о чем-то с братьями Дудевиль. От неожиданной встречи с Люпеном он вздрогнул, но Люпен не заметил этого.

— Господин Вебер, не так ли? — спросил Люпен.

— Да… С кем имею честь?

— Князь Сернин.

— А, очень приятно. Префект полиции поведал мне о той услуге, которую вы нам оказали.

— Не совсем. Я буду считать свою задачу выполненной только тогда, когда передам вам в руки этих разбойников.

— Ну, это скоро должно произойти. Кажется, один из них только что вошел… полный субъект, с моноклем…

— Да, это барон Альтенгейм. Ваши агенты с вами, господин Вебер?

— Да, они спрятаны на дороге в двухстах метрах отсюда.

— Мне кажется, вы можете их собрать и привести сюда. Отсюда мы направимся к вилле. Я позвоню, а так как барон Альтенгейм меня ждет, я надеюсь, что мне откроют двери, и я войду вместе с вами.

— План превосходен, — сказал Вебер, — я сейчас вернусь вместе с агентами.

Он вышел в сад и пошел в сторону дороги, проходившей напротив виллы Глисин. Сернин быстро схватил за руки одного из братьев Дудевиль и сказал:

— Беги за ним, Жак… Займи его чем-нибудь, пока я войду на виллу, и постарайся задержать… выдумай какой-нибудь предлог. Мне надо десять минут. Пусть пока окружают виллу, но не входят в нее. А ты, Жан, ступай в павильон Гортензии, встань около выхода из подземного хода. Если барон вздумает бежать — размозжи ему голову.

Братья Дудевиль ушли. Князь бросился к высокой железной решетке, окружавшей виллу.

Вокруг никого не было. Одним прыжком он бросился на решетку около ворот и поставил ногу на выступ замка́. Помогая себе коленями, он с риском попасть на острые концы решетки перелез через нее и спрыгнул. Потом быстро пробежал по мощеному двору и взошел по ступеням

входа с колоннами, куда выходили окна, наглухо закрытые ставнями. Пока он раздумывал, каким способом проникнуть в дом, дверь отворилась с тяжелым шумом, напомнившим ему дом на улице Дюпон, и появился Альтенгейм.

— Скажите, князь, вы всегда таким образом заявляетесь в гости? Я буду вынужден пригласить жандармов.

Сернин схватил его за горло и опрокинул на скамейку:

— Женевьева… Где Женевьева? Если ты не скажешь мне, что ты сделал с ней…

— Я не могу говорить, — простонал Альтенгейм, — отпусти!

Сернин бросил его.

— Ну, живо, отвечай! Где она?

— Есть дело более важное, чем Женевьева. Лучше, если я расскажу тебе о нем в доме. — Он старательно запер дверь и заложил ее засовами. Потом, проведя Сернина в соседнюю комнату, пустую и без занавесей, он сказал:

— Теперь я к твоим услугам. Что тебе нужно, князь?

— Женевьева!

— Она чувствует себя отлично…

— Ага, ты сознаешься?

— Конечно! Я даже удивился твоей неосторожности. Как это ты не принял никаких мер?

— Довольно, где она?

— Однако ты не очень вежлив…

— Где она?

— В четырех стенах, свободна…

— Свободна?

— Да, вполне. Может ходить от одной стены к другой.

— Где, в доме на улице Дюпон? Там, где ты держишь Штейнвега?

— Ага, ты знаешь? Нет, не там!

— Где же, говори!

— Видишь ли, князь, я вовсе не так глуп, чтобы выдать тебе секрет, при помощи которого я держу тебя в руках. Ты любишь ее…

— Замолчи!!! — закричал Сернин, вне себя от злости. — Я тебе запрещаю…

— Ну и что? Это, мой милый, оскорбление, я тоже люблю ее, вдобавок я рисковал из-за нее…

Они долгое время с ненавистью смотрели друг на друга. Наконец Сернин сказал:

— Выслушай меня. Помнишь, ты предлагал мне вместе заняться делом Кессельбаха?.. Так вот, я согласен…

— Слишком поздно.

— Слушай, я предлагаю тебе лучше, чем это, — я брошу дело… Больше не буду вмешиваться… все будет принадлежать тебе одному. Я даже помогу тебе.

— На каких же условиях?

— Скажи мне, где Женевьева?

Альтенгейм пожал плечами:

— Ты городишь вздор, Люпен. Мне очень жаль тебя… В твоих летах и…

Они замолчали, и наступила пауза.

Барон сказал насмешливым тоном:

— А ведь это большое наслаждение, Люпен, видеть, как ты хнычешь и упрашиваешь. Скажи, пожалуйста, выходит, что и простой солдат способен подставить ножку своему генералу.

— Дурак! — ответил Сернин.

— Князь, я пошлю вам сегодня вечером свидетелей, если вы будете живы…

— Дурак! — повторил Сернин с презрением.

— Что же, князь, ты хочешь кончить с этим сейчас же? Как хочешь, но тогда твой последний час пробил. Можешь поручить свою душу Богу. Ты улыбаешься? Напрасно. У меня перед тобой огромное преимущество: я убиваю… в случае необходимости…

— Дурак! — в третий раз повторил Сернин,

вынимая часы. — Сейчас два часа, барон, у тебя осталось всего несколько минут. Через пять — самое позднее десять минут Вебер с шестью агентами взломают дверь и арестуют тебя. Ты, мой милый, не улыбайся… выход, на который ты рассчитывал, мною открыт и охраняется. Ты пойман. Кончено. Это гильотина, дружище!

Альтенгейм побагровел от волнения и с трудом проговорил:

— Ты сделал это… ты поступил так подло…

— Дом окружен… Бегство невозможно. Скажи, где Женевьева, и я тебя спасу.

— Каким же образом?

— Агенты, охраняющие выход из павильона, преданы мне. Я скажу тебе пароль, и они тебя пропустят. Говори.

Альтенгейм подумал несколько секунд, затем сказал:

— Это пустяки. Ты не настолько глуп, чтобы броситься сам в пасть волка.

— Ты забываешь про Женевьеву. Если бы не она, разве я был бы здесь? Говори, где она?

— Нет.

— Хорошо, подождем, — сказал Сернин. — Папироску?

— С удовольствием.

II

— Ты слышишь, — сказал Сернин через несколько секунд.

— Да… да… — ответил Альтенгейм, вставая.

Раздавались удары по железной ограде.

— Даже никаких требований, как всегда… ни предложения сдаться… Ты что же, решился?

— Да. Очень твердо.

— А знаешь, с их инструментами это дело нескольких минут.

— Если бы они были в этой комнате, и то я не сказал бы тебе, где Женевьева.

Решетка была сломана, послышался скрип ворот.

— Ну, я допускаю, что можно попасться, — продолжал Сернин, — но самому протянуть руки, чтобы на них надели наручники, — это глупо. Не упрямься. Скажи — и беги.

— А ты?

— Я? Я останусь. Мне-то чего бояться?

— Посмотри.

Барон указал ему на щель в ставне. Сернин приложил глаз и отскочил назад:

— Ты тоже выдал меня полиции? Ого, это не десять человек, тут пятьдесят… сто… двести чело-

век, которых привел Вебер.

Барон от души смеялся.

— Значит, дело не во мне, а в Люпене, для меня довольно шести человек.

— Ты сообщил полиции?

— Да.

— Какое же доказательство ты привел?

— Твое имя… Поль Сернин — то же самое, что Арсен Люпен.

— Ты сам додумался до того, что никому другому до сих пор и в голову не приходило? Брось! Это другой догадался. Сознайся, что это он.

Он посмотрел в щель. Двор кишел агентами сыскной полиции, они окружили виллу со всех сторон, и уже слышались удары в дверь. Надо было бежать, но уйти — это значило оставить Альтенгейма, а кто мог поручиться, что тот, вырвавшись на свободу, перестанет мучить Женевьеву?

Дверь передней, запертая железными засовами и обитая железом, начала подаваться.

— Ты что-то очень спокоен, — сказал Сернин.

— Чего мне… — начал было Альтенгейм, но вдруг дал подножку князю, отчего тот свалился, а сам бросился бежать.

Сернин моментально вскочил, последовал за Альтенгеймом в маленькую дверь под лестницей, куда он скрылся, и спустился по лестнице в подвальное помещение. Коридор… за ним обширный темный зал, посреди которого барон стоял на коленях, пытаясь поднять дверцу трапа.

— Идиот! — закричал Сернин. — Ты отлично знаешь, что у выхода из туннеля стоят мои помощники и им дано приказание убить тебя, как собаку… Если только у тебя нет еще другого выхода… А! Я угадал… Неужели ты полагаешь, что я допущу…

Завязалась ожесточенная борьба. Альтенгейм навалился на своего противника, лишив его возможности двигать руками, и начал душить его…

Вдруг Сернину показалось, что дверца трапа, на которой он лежит, движется. Кто-то пытался открыть ее. Барон, очевидно, тоже почувствовал это, потому что он начал отчаянно пытаться сдвинуть Сернина с дверцы трапа.

«Это другой, — подумал Сернин с тем необъяснимым ужасом, который внушал ему этот

таинственный убийца. — Если ему удастся открыть трап, я погиб».

Альтенгейм передвинулся немного в сторону и старался перетащить Сернина, но тому удалось обхватить ногами одну из ног барона и слегка высвободить правую руку.

Под ними раздавались удары, похожие на удары тарана.

С невероятным усилием Сернин сжал коленями ногу барона. Тот заревел от нестерпимой боли — у него была вывихнута коленка. В тот же миг Сернин освободил свою правую руку и схватил Альтенгейма за горло.

— Великолепно! Вот так-то будет лучше… Не ищи нож, а то удушу, как цыпленка…

Потом он вынул из кармана тонкую веревочку и удивительно ловко связал барону руки. Едва дыша, тот нисколько не сопротивлялся. Сделав несколько движений, Сернин крепко его обвязал.

Барон сдавленным голосом проговорил:

— Если ты меня выдашь полиции, Женевьева умрет.

— Вот как? Каким же образом, объясни, пожалуйста!

— Она заперта в одном уединенном месте, толь-

ко я знаю это место… Если я погибну, она умрет от голода, как и Штейнвег.

Сернин вздрогнул:

— Но ты скажешь мне, где она находится?

— Никогда.

— Скажешь. Не сейчас, теперь уже поздно, но сегодня ночью. — Он нагнулся к нему и тихо сказал на ухо: — Послушай, Альтенгейм! Сейчас тебя схватят. Это неизбежно, даже я ничего не смогу сделать. Сегодняшнюю ночь ты проведешь в полиции. А завтра тебя отвезут в тюрьму Санте, а потом ты, конечно, знаешь, что тебя ожидает? И вот, я даю тебе возможность спастись. Сегодня ночью, слышишь, сегодня ночью я приду к тебе, и ты мне скажешь, где находится Женевьева. Через два часа после этого если ты не солжешь, то будешь свободен.

Альтенгейм ничего не отвечал. Сернин выпрямился и прислушался. Наверху был слышен шум. Входная дверь была, очевидно, сломана, раздавались звуки шагов в передней и в комнатах. Вебер с агентами искали.

— До свидания, барон, до вечера, надеюсь, что в камере ты образумишься.

Он отодвинул связанного в сторону, чтобы освободить дверцу трапа, и приподнял ее. Как

он и ожидал, внизу, на ступеньках лестницы, никого не было. Он спустился, оставив за собой трап открытым, точно он собирался вернуться. После лестницы в двадцать ступеней начинался подземный ход, в котором попались Ленорман и Гурель. Он вошел туда и невольно вскрикнул. Ему показалось, что там кто-то есть. Он зажег карманный фонарь — коридор был пуст. Тогда он вынул револьвер и сказал громко:

— Тем хуже для тебя… Я стреляю.

В ответ — ни звука.

«Видимо, это мне показалось, — подумал он, — мысль об этом таинственном существе преследует меня. Все-таки, если я хочу выиграть дело, надо спешить… Отверстие, куда я засунул сверток с одеждой, должно быть недалеко. Я беру сверток — и кончено. Шутка сыграна… Да… такая проделка! Одна из лучших, какую когда-либо устраивал Люпен».

Он дошел до второй двери и остановился. Направо был ход, прорытый Ленорманом, чтобы спастись от поднимавшейся воды. Он нагнулся и лампой осветил яму.

— Что же это такое! — вскричал он. — Нет, этого не может быть. Должно быть, Дудевиль засунул его подальше.

Но, сколько он ни искал, свертка не было, он исчез, без сомнения, он был похищен таинственным существом.

— Жаль, жаль! Все так хорошо шло. Я уже был близок к цели, а теперь надо скорее бежать… Дудевиль ждет меня у входа в павильон Гортензии, и я спасен. Нечего думать о глупостях, надо торопиться… Скорее! А потом можно будет заняться им.

Но, к его изумлению, другая дверь, последняя перед выходом, оказалась запертой.

— Все, — проговорил он, — я попался.

Таинственный черный человек оказался умнее его.

Он был побежден.

Сейчас его схватит Вебер.

III

— Ну, нет! Нет! — воскликнул он, вставая. — На карту поставлена жизнь Женевьевы, и ее во что бы то ни стало надо спасти сегодня же ночью. Впрочем, не все еще потеряно… Если другой сейчас пробрался сюда, значит есть надежда, есть еще выход, и Вебер не поймает меня.

Он начал было исследовать стены туннеля с фонарем в руке, рассматривая кирпичи, как вдруг

со стороны трапа раздался отчаянный крик. Он вспомнил, что оставил трап открытым. Он поспешно пошел назад и прошел первую дверь. По дороге его фонарь погас, и он почувствовал, что кто-то проскользнул мимо него, и тотчас же это таинственное существо исчезло неизвестно куда. В эту минуту он натолкнулся на ступеньку.

«Ого! Здесь второй выход, там он сейчас и исчез», — подумал Сернин.

Сверху вновь раздался крик более слабый, потом стоны и хрипение… Сернин бегом поднялся вверх по лестнице в подвал и бросился к барону. Альтенгейм корчился в конвульсиях с окровавленным горлом. Веревки были перерезаны, а тонкая проволока оказалась целой. Не имея возможности спасти барона, его сообщник убил его.

Сернин с ужасом смотрел на страшную картину, и холодный пот выступил у него. Он думал о беспомощной Женевьеве, обреченной на самую ужасную смерть, потому что только один барон знал, где она заперта. В то же время он ясно слышал, как агенты полиции открывали маленькую дверь под лестницей в передней и как они спускались вниз. Он был отделен от них только дверью комнаты, в которой находился. Он быстро подошел и запер ее, почти в тот самый

момент, когда они к ней подходили. Трап был рядом с ним… Это была возможность спасения, потому что там был еще выход.

— Нет, — сказал он, — сначала Женевьева.

Он наклонился и приложил ухо к груди барона. Сердце еще билось. Он встал на колени и нагнулся к нему:

— Ты меня слышишь?

Веки Альтенгейма слабо зашевелились… Агенты полиции начали взламывать последнюю

дверь. Сернин тихо, но выразительно сказал:

— Я спасу тебя… у меня есть сильные лекарства… одно только слово, где Женевьева?

Барон пытался что-то сказать.

— Отвечай, — требовал Сернин, — отвечай, и я спасу тебя… Сегодня — жизнь, а завтра — свобода… Отвечай!

Дверь трещала и подавалась под ударами полицейских.

Губы барона шевелились, но нельзя было понять, что он хочет сказать.

— Отвечай же, отвечай!

Он приказывал, он умолял, и Альтенгейм, как загипнотизированный, проговорил:

— Улица Риволи…

— Номер, какой номер?

В это время раздался сильный треск и торжествующие крики — дверь была сломана.

— Бросайтесь к ним, — кричал Вебер, — схватить обоих!

Сернин, стоя на коленях, продолжал:

— Номер дома? Номер! Отвечай же, отвечай…

— Двадцать… двадцать семь… — прошептал барон.

Руки агентов полиции уже прикасались к Сернину, десять револьверов были направлены на

него. Он повернулся к полицейским, которые невольно подались назад.

— Если ты сделаешь только одно движение, Люпен, — кричал Вебер, — я размозжу тебе голову!

— Не стреляй, — сказал Сернин серьезно, — это бесполезно. Я сдаюсь.

— Глупости! Ты врешь! Хочешь выиграть время?!

— Нет, — продолжал Сернин, — сражение проиграно. Ты не имеешь права стрелять, я не защищаюсь.

Он вынул два револьвера и бросил их на пол.

— А! — засмеялся Вебер. — Приятное зрелище! Наконец-то мы тебя поймали, господин Люпен.

Он приказал открыть ставни большого окна вверху, и свет ворвался в полутемную комнату. Повернувшись к Альтенгейму, которого он считал мертвым, он, к своему удивлению, увидел, что барон открыл глаза и смотрит помутневшим взором. Он посмотрел на Вебера, потом, казалось, поискал взглядом кого-то, а при виде Сернина лицо его исказилось гневом. Можно было подумать, что он вышел из оцепенения и что ненависть придала ему силы. Он пытался немного приподняться на руках и, по-видимому, хотел говорить.

— Вы его узнаете? — спросил Вебер.

— Да.

— Это Люпен, не так ли?

— Да… Люпен.

Сернин слушал, улыбаясь.

— Боже! Как это забавно! — заявил он.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил Вебер, видя, что губы барона шевелятся.

— Да.

— Быть может, насчет Ленормана?

— Да.

— Вы его заперли? Где? Отвечайте!

Напрягая последние усилия, барон показал на шкаф в углу комнаты.

— Та… та… там, — сказал он.

— Ага! Мы все сгораем от нетерпения! Где же Ленорман? — смеялся Люпен.

Вебер открыл шкаф — на одной из полок лежал сверток из черной саржи. Он развернул его и нашел в нем шляпу, маленький ящичек и костюм. Он задрожал, узнав темно-зеленый редингот Ленормана.

— Ах, подлецы, они его убили!

Альтенгейм отрицательно покачал головой.

— Так что же тогда?

— Это… это…

— Что «это»? Кто убил?

— Это… это он…

— Как «он»? Люпен убил начальника сыскной…

— Нет.

Альтенгейм упорно цеплялся за последние проблески жизни. Он желал что-то сказать, обвинить Люпена… Тайна, которую он хотел открыть, была на кончике его языка, но у него не хватало сил, он не мог выразить ее словами и все же ненависть к Люпену не давала ему молчать, была сильнее смерти.

— Так, — продолжал настаивать Вебер, — все-таки Ленорман умер?

— Нет.

— Он жив?

— Нет.

— Я ничего не понимаю… что же значит это платье… рединготт… Куда вы спрятали Ленормана… зачем здесь его вещи?

Альтенгейм показал глазами на Сернина.

— А, понимаю, — воскликнул Вебер, — Люпен взял платье Ленормана, чтобы переодеться и убежать?

— Да… да…

Но во взгляде умирающего Вебер видел, что это было не все, что есть еще что-то, какая-то

тайна, которую тот хотел открыть. В чем было дело? Какую странную и темную загадку хотел разъяснить перед смертью барон Альтенгейм? И Вебер спросил его:

— Ну а Ленорман, где он?

— Та… там.

— Как «там»?!

— Да.

— Но ведь, кроме нас, никого нет в этой комнате?

— Есть… есть…

— Да говорите же!

— Есть… Сер… Сернин.

— Сернин! Как? Что?

— Сернин… Ленорман…

Вебер подпрыгнул от удивления. Странная мысль пришла ему в голову.

— Нет, нет! Это невозможно, — пробормотал он, — это глупо.

Он поглядел на Сернина. Тот, казалось, очень забавлялся происходившей сценой и с удовольствием зрителя ожидал ее развязки. Совершенно истощенный, Альтенгейм упал и вытянулся. Неужели он умрет, так и не разъяснив загадку? Вебер мучился странными предположениями, нелепыми, невероятными, которые он не хотел

принимать и от которых в то же время не мог отделаться. Он бросился к умирающему:

— Объясните, пожалуйста… что вы хотели сказать? Какая тайна?

Барон, казалось, ничего не слышал и лежал с остановившимся взглядом. Вебер встал на колени, нагнулся к его уху и говорил внятно, раздельно, так, что каждый слог должен был отпечататься в мозгу барона, погружавшегося в бездну смерти.

— Слушай… Я понял, ты хотел сказать, что Люпен и Ленорман одно…

Он остановился и не мог продолжать, до того эта мысль казалась ему чудовищной, нелепой и невозможной. В остановившемся взгляде барона не отражалось ничего…

— Так? Ты это хотел сказать? Ты в этом уверен? Люпен и Ленорман — одно и то же лицо? — окончил Вебер, делая усилие над собой.

Барон не двигался, тоненькая струйка крови показалась у него изо рта, он глубоко вздохнул, и последняя дрожь пробежала по его телу. Все было кончено.

В низкой комнате, наполненной людьми, наступило долгое, глубокое молчание.

Почти все полицейские агенты обернулись и

с изумлением смотрели на Сернина, не понимая или отказываясь понять. Казалось, что они слышали невероятное обвинение, которое Альтенгейм не имел силы высказать вполне.

Вебер взял маленький ящичек, бывший в узелке из черной саржи, и раскрыл его; там были седой парик, очки в серебряной оправе, коричневое кашне, а в двойном дне ящика лежали баночки с гримом и маленькие пряди седых волос — одним словом, все, что было нужно для того, чтобы сделать точное изображение лица Ленормана. Он подошел к Сернину, долгое время смотрел на него молча, погруженный в свои мысли, и наконец сказал:

— Это правда?

Сернин, улыбающийся и спокойный, ответил:

— Довольно смелая и красивая гипотеза. Но прежде, чем я отвечу на твой вопрос, скажи полицейским, чтобы они убрали свои игрушки.

— Хорошо, — согласился Вебер и сделал знак агентам. — Ну а теперь говори.

— Что?

— Ты — Ленорман?

— Да.

По комнате пронесся сдержанный крик удивления. Жан Дудевиль, присутствовавший там в то

время, как его брат сторожил выход из туннеля в павильоне Гортензии, — даже Жан Дудевиль, сообщник Сернина, смотрел на него с выражением крайнего изумления. Вебер задыхался от волнения и стоял в нерешительности.

— Что, это тебя поражает? — сказал Сернин. — А ведь сознайся, это было очень забавно… Боже! Как часто я над тобою смеялся, когда мы работали вместе: я — как начальник сыскной полиции, ты — как помощник. И самое смешное, что все считали меня умершим, как бедного Гуреля. Нет-нет, мой милый, чудак Ленорман еще жив…

Он показал на труп Альтенгейма:

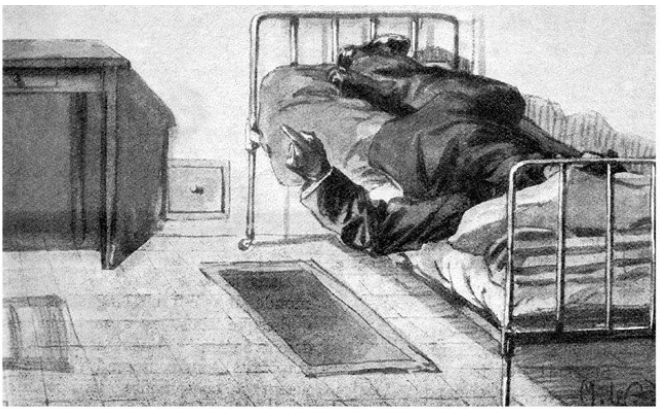
— Вот этот разбойник бросил меня в воду в мешке с привязанным булыжником. Он только забыл взять у меня ножик, а ножом перерезают и веревки, и мешки… Вот в чем ты ошибся, Альтенгейм… Если бы ты подумал об этом, ты не был бы сейчас здесь, в том положении, в котором ты находишься. Так-то… Ну, довольно, поговорили. Мир твоему праху!

Вебер слушал, не зная, что подумать.

— Наручники! — воскликнул он, вдруг забеспокоившись.

— И это все, что ты можешь сказать? — ответил Сернин. — У тебя мало воображения, мой

милый… Но, наконец, если это доставит тебе удовольствие, пожалуйста…



И, увидев Дудевиля в первом ряду толпы агентов, он протянул ему руки, говоря:

— Ну, мой друг, пускай тебе принадлежит эта честь… и не бойся… я веду честную игру… потому что в данный момент нельзя иначе. — Он говорил это таким тоном, чтобы Дудевиль понял,

что он сдается и подчиняется создавшемуся положению.

Дудевиль надел ему наручники.

Не двигая губами, так что ни одна черта на его лице не дрогнула, Сернин прошептал:

— Улица Риволи, дом двадцать семь… Женевьева.

Вебер не мог удержаться от выражения удовольствия при виде связанного Люпена.

— Отправляемся, — воскликнул он, — в полицию!

— Так-так, — заметил Сернин. — Ленорман сейчас заключит в тюрьму Арсена Люпена, а последний упрячет туда князя Сернина.

— Ты слишком остроумен, Люпен.

— Ты прав, Вебер. Что делать, мы с тобой никогда не поймем друг друга!

Во время переезда в автомобиле Люпен не произнес ни слова.

Его не задержали долго в сыскной полиции. Вспомнив о том, что Люпен неоднократно скрывался оттуда, Вебер отвел его сейчас же в антропометрическое бюро и отвез в Депо, а оттуда — в тюрьму Санте.

Предупрежденный по телефону директор тюрьмы уже дожидался. Все необходимые фор-

мальности были быстро закончены, и в семь часов вечера Арсен Люпен переступил порог камеры номер четырнадцать во втором отделении.

— Довольно приличное у вас помещение, — сказал он, входя, — электрическое освещение, центральное отопление, ватерклозет... Одним словом, все удобства... Великолепно! Комната мне нравится... я оставляю ее за собой, господин директор.

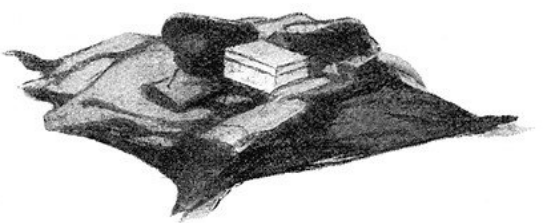
И он бросился на кровать.

— Ах да, господин директор, у меня есть маленькая просьба к вам.

— Какая?

— Пускай завтра утром шоколад подадут мне не раньше десяти часов... Я страшно устал и хочу спать.

Он повернулся лицом к стене и через пять минут уже крепко спал.



Часть вторая

Глава первая
Тюрьма Санте

I

Арест Люпена произвел сенсационное впечатление. Великий искатель приключений наконец-то был схвачен. Необычайный, гениальный, неуловимый герой сидел, как самый простой смертный, в четырех стенах камеры тюрьмы Санте!

Префект полиции получил крест кавалера Почетного легиона, Вебер — крест офицера. Все восхищались мужеством и ловкостью скромных сотрудников полиции, аплодировали, торжествовали, писали статьи и говорили речи. И все те, что восхищались полицией, аплодировали ей и торжествовали ее победу над великим авантюристом Люпеном, все они смеялись, заливались смехом, хохотали над гениальной проделкой Люпена.

Оказывается Ленорман — Арсен Люпен!

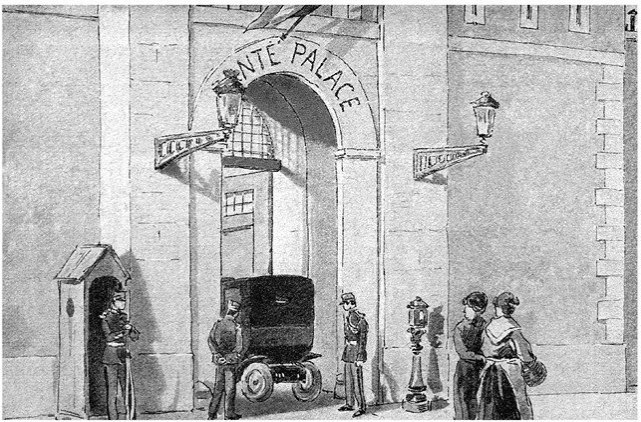
Арсен Люпен четыре года был начальником сыскной полиции! Четыре года он занимал этот пост, уважаемый своими начальниками

и вызывая восхищение публики! Четыре года общественный покой и порядок были доверены Арсену Люпену. И никогда порядок так мало не нарушался, как в это время. Никогда преступления так быстро и блестяще не раскрывались, как за эти четыре года. Все вспоминали дело Денизу, кражу в «Лионском кредите», нападение на курьерский поезд, шедший из Орлеана, убийство барона Дорфа… Становились понятными все проделки Люпена.

Действительно, это было до смешного просто! Надо только было быть начальником сыскной полиции.

Люпен был начальником сыскной полиции, и все агенты, находившиеся в его распоряжении, становились бессознательными и невольными его сообщниками.

Проснувшись на другой день в своей камере, Люпен задумался над тем шумом, который должен был произвести его арест под двойным именем Ленормана и Сернина, с титулом князя и должностью начальника сыскной полиции.



При дневном свете его камера понравилась ему еще больше. Через окно была видна верхушка дерева и просветы голубого неба. Стены были совершенно белы, в комнате находились только стул и стол, прикрепленные к полу. Чистота также производила приятное впечатление.

— Да-с, — сказал он. — Небольшой отдых мне будет очень полезен, займемся утренним туа-

летом… Все ли у меня здесь есть, что нужно? Ах нет… надо позвонить горничной…

Он нажал на механизм около дверей, вызвавший сигнал в коридоре. Через минуту загремели засовы, щелкнул замок, и дверь открылась, причем на пороге показался тюремный сторож.

— Теплой воды, мой дорогой, — сказал Люпен.

Тот смотрел на него, не понимая и сердясь.

— Ах да, — воскликнул Люпен, — еще губку! Черт возьми, здесь нет губки!

Тюремный сторож проворчал:

— Ты смеешься, что ли, надо мной? Этого здесь нельзя делать.

И он хотел уйти, как вдруг Люпен схватил его за руку:

— Хочешь сто франков? Отнеси письмо на почту.

Он вынул из кармана стофранковый билет и протянул его сторожу.

— Письмо… — сказал последний, беря деньги.

— Сейчас… напишу.

Он сел за стол, набросал несколько слов карандашом на листке бумаги, положил его в конверт и написал адрес:

Господину С. Б., 42. Париж, до востре-

бования.

Сторож взял письмо и ушел.

— Вот письмо, которое так же верно дойдет до адресата, как если бы я сам отнес его. А пока подведем итоги.

Он сел на стул и заговорил вполголоса:

— В общем, мне предстоит бороться с двумя противниками: с обществом, которое поймало меня и над которым я смеюсь, и с неизвестным лицом, которое далеко еще не поймало меня, но над которым я ни в коем случае не смеюсь. Это он известил полицию, что я был князем Серниным, и угадал, что я был также Ленорманом. Он запер дверь подземного хода, и он же упрятал меня в тюрьму.

Арсен Люпен задумался на секунду, потом продолжал:

— В конце концов, борьба идет между ним и мною. Чтобы победить, я должен узнать, в чем состоит проект Кессельбаха. И осуществить его, даже находясь в тюрьме. Он на свободе и имеет в своем распоряжении Штейнвега и Пьера Ледюка — он почти у цели, а я — очень далеко от нее… Положение не из блестящих… С одной стороны — всё, с другой — ничего. Передо мной стоит человек равной мне силы, и даже сильнее меня, потому что он не останавливается ни перед чем…

Арсен Люпен задумался, облокотясь о стул и подперев голову руками.

— Входите, господин директор, — сказал он, видя, что дверь камеры открывается.

— Разве вы меня ждали?

— Да. Разве я не просил вас письмом зайти ко мне? О, я ни на одну секунду не сомневался, что сторож отнесет вам письмо, и даже на конверте написал только инициалы «С.» и «Б.» и ваш возраст, сорок два года.

Директора действительно звали Станиславом Борели, и ему было сорок два года. На вид это был человек с приятным лицом и мягким характером.

Он сказал Люпену:

— Вы не ошиблись в честности моих подчиненных, ваши деньги здесь. После вашего освобождения они будут вам возвращены. А теперь потрудитесь пройти в комнату обыска.

Люпен последовал за директором в небольшую комнату, предназначенную для этой цели, и там очень внимательно обследовали его платье, а также и его самого. Потом его опять провели в камеру, и Борели сказал:

— Теперь я спокоен, все сделано.

— И очень хорошо сделано, господин директор. Ваши подчиненные исполняют это с такой деликатностью, что я считаю долгом их поблагодарить и попрошу вас передать им от моего имени вот это, — сказал он, протягивая директору стофранковый билет.

Борели с удивлением смотрел на него:

— Откуда это у вас?

— Не ломайте голову, господин директор.

Он схватил большим и указательным пальцами правой руки средний палец на левой, быстро вырвал его и подал спокойно господину Борели:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, господин директор. Это не палец. Это футляр из тонкой перепонки цвета кожи, который плотно надева-

ется на палец. Как видите, совсем не отличишь от настоящего пальца.

И он прибавил, смеясь:

— А там третий билет в сто франков. Что вы хотите? Приходится носить деньги везде, мало ли что случится!

У Борели было изумленное выражение лица.

— Ах, пожалуйста, господин директор, вы не думайте, что я хочу вас ослепить моими небольшими талантами. Мне только хотелось показать вам, что вы имеете дело с несколько необычным заключенным… Поэтому не удивляйтесь, если вам доложат о моем исчезновении.

— О вашем исчезновении?

Люпен от души расхохотался:

— Господин директор, единственное оправдание тому, что я нахожусь здесь, — это то, что я отсюда уйду.

— Хорошо, что вы меня предупредили…

— Именно это я и хотел сделать. Примите все меры предосторожности, господин директор, чтобы позднее вас не могли бы обвинить в небрежности. Я же обещаю устроить это дело так, что, несмотря на неприятности, которые неизбежно вам доставит мой побег, ваша служебная карьера от этого не пострадает. Вот и все, что я

хотел сказать вам, господин директор. Теперь вы можете идти.

И в то время, как Борели уходил, глубоко смущенный словами своего заключенного и очень беспокоясь о событиях, которые ожидают его в будущем, Люпен бросился на кровать, говоря:

— Однако ты слишком самоуверен, Люпен. Можно подумать, что тебе и в самом деле известно, каким образом ты выйдешь отсюда.

II

В здание суда Люпена сопровождал Вебер. Он заявился к нему в сопровождении двенадцати лучших полицейских агентов, вооруженных с головы до ног, взял Люпена из камеры и повез его в фиакре со своим кучером. Экипаж был окружен со всех сторон конной стражей.

— Браво! — воскликнул Люпен. — Ко мне, я вижу, относятся с должным уважением. Почетная гвардия! Каково! Ты, я вижу, Вебер, уважаешь начальство, не забываешь, что я твой непосредственный начальник.

И, дружески хлопнув Вебера по плечу, прибавил, смеясь:

— Вот что, Вебер, я намерен подать в отставку и укажу на тебя как на своего заместителя.

— Это уже почти сделано, — заметил Вебер.

— Какая приятная новость! Я очень беспокоился насчет моего побега, теперь я спокоен, раз Вебер будет начальником сыскной полиции…

Вебер ничего не ответил. В глубине души он испытывал странные чувства по отношению к своему противнику, — чувства, смешанные из боязни, которую ему внушал Люпен, из уважения, которое он питал по отношению к князю Сернину, и из почтительного восхищения перед Ленорманом. Все это было смешано с завистью, ненавистью и досадой.

Они подъехали к зданию суда, где их уже ждали агенты сыскной полиции, среди которых Вебер с удовольствием заметил своих любимых помощников — братьев Дудевиль.

— Господин Формери здесь? — спросил он у них.

— Да, начальник, судебный следователь у себя в кабинете.

Вебер поднялся по лестнице вместе с Люпеном и братьями Дудевиль.

— Женевьева? — тихо спросил Люпен.

— Спасена.

— Где она?

— У своей бабушки.

— Госпожа Кессельбах?
— В Париже, в отеле «Бристоль».
— Сюзанна?
— Исчезла.
— Штейнвег?
— Ничего не известно.
— Вилла Дюпон охраняется?
— Да.
— Какова пресса сегодня утром?
— Превосходна.
— Чтобы писать мне, вот мои инструкции.

Они проходили по коридору бельэтажа. Люпен незаметно сунул в руку одному из братьев комочек бумаги.

В кабинет Формери Люпен вошел в сопровождении помощника начальника сыскной полиции.

— Ах, вот и вы! Я не сомневался, что в один прекрасный день мы вас поймаем! — приветствовал Люпена Формери.

— Я тоже нисколько в этом не сомневался, господин судебный следователь, — сказал Люпен, — и я очень рад, что судьба предоставила именно вам оказать правосудие честному человеку, каким я всегда был.

«Он смеется надо мной», — подумал Формери и полусерьезно продолжал:

— Да этот «честный человек» обвиняется в трехстах сорока четырех случаях кражи, мошенничества, шантажа, укрывательства и так далее. Триста сорок четыре дела!

— Как? Только-то! — воскликнул Люпен. — Неужели так мало? Вы меня обижаете!

— Да, и «честному человеку» придется еще теперь отвечать по обвинению в убийстве Альтенгейма.

— Вот это новость! Это, наверное, вы додумались?

— Конечно!

— Здорово! Вы делаете большие успехи, Формери!

— То положение, в котором вас застала полиция, не оставляет места никаким сомнениям.

— О да, вы правы, какие же тут сомнения! Только я хотел бы вас спросить, от какой раны умер Альтенгейм?

— От раны в горло, нанесенной ножом.

— И где этот нож?

— Его не нашли.

— Странно. Как же это они не нашли ножа? Я — убийца и пойман на месте преступления около человека, которого я убил, а орудия преступления при мне не оказалось.

— Кто же, по-вашему, убийца?

— Тот самый, что убил Кессельбаха, Чепмана и других, — достаточно видеть рану.

— Куда же он делся?

— Скрылся по трапу.

— Отчего же вы не последовали его примеру?

— Я тоже пытался уйти, но выход из туннеля был прегражден дверью, которую я не мог открыть. В это время этот человек вернулся в комнату и, боясь, что Альтенгейм, которого он не смог освободить, выдаст его, убил барона. Тогда же он спрятал в шкаф черный узелок с платьем, приготовленным мною.

— Зачем?

— Чтобы переодеться. Я приехал на виллу Глицин с намерением выдать Альтенгейма полиции, уничтожить князя Сернина и появиться в виде…

— Вы, пожалуй, скажете, в виде Ленормана?

— Совершенно верно.

— Нет.

— Как?

Формери с лукавым видом потряс указательным пальцем правой руки.

— Нет, нет, — повторил он.

— Как «нет»?

— Историей с Ленорманом…

— Ну?

— Можно одурачить публику, но не меня. Неужели вы думаете, что я поверю, что Люпен и Ленорман — одно и то же лицо? — Он рассмеялся и добавил: — Люпен — начальник сыскной полиции? Нет! Все, что хотите, только не это. Всему бывают границы… Я очень доверчивый человек… Но между нами… к чему вы придумываете эту чепуху? Я совсем не вижу цели…

Люпен изумленно смотрел на него. Хотя он давно знал Формери, все-таки не предполагал, что судебный следователь до такой степени несообразителен. Кажется, во всем мире только один Формери сомневался, что Сернин, Люпен и Ленорман — одно и то же лицо.

Люпен обратился к помощнику начальника сыскной полиции, слушавшему с открытым ртом:

— Дорогой Вебер, ваше повышение по службе не состоится. Потому что если я — не Ленорман, то, значит, он где-нибудь существует, а раз он существует, то я ни одной минуты не сомневаюсь, что Формери с его тонким чутьем разыщет пропавшего начальника сыскной полиции…

— Будьте покойны-с, господин Люпен! — воскликнул судебный следователь. — Я ручаюсь за

это и признаюсь, что очная ставка между ним и вами будет интересной для меня.

Он смеялся и барабанил пальцами по столу.

— Нет, с вами, право, забавно. Не соскучишься. Так это вы были Ленорманом и арестовали своего сообщника Марко?

— Конечно, надо было доставить удовольствие председателю Совета министров и спасти кабинет.

Формери держался за бока:

— Ох, я умру от смеха! Боже! Как это смешно! Ваш ответ обойдет весь свет… И вы также станете утверждать, что я производил следствие в «Палас-отеле» в день убийства Кессельбаха вместе с вами?

— Вы вместе со мной вели дело о краже диадемы, когда я был герцогом Шармерасом, — иронично заметил Люпен.

Формери вздрогнул, и вся его веселость мгновенно пропала. Он стал серьезным и спросил:

— Так вы продолжаете утверждать эту нелепость?

— Я вынужден это делать, потому что это правда. Очень легко проверить меня: сядьте на пароход, идущий в Кохинхину, там, в Сайгоне, вы легко добудете доказательства смерти на-

стоящего Ленормана, очень хорошего человека, личность которого я взял себе, акт о его смерти у меня имеется, я могу вам его предоставить.

— Глупости!

— Как хотите, господин судебный следователь, я должен вам сознаться, что это мне совершенно безразлично. Если вам не нравится, чтобы я был Ленорманом, бросим, не будем говорить больше об этом. Если вам угодно предполагать, что я убил Альтенгейма, пожалуйста! Забавляйтесь, ищите доказательства. Только…

Он бесцеремонно взял стул, сел напротив Формери с другой стороны письменного стола и продолжил резким тоном:

— Только вот в чем дело: я должен вам сказать, что, несмотря ни на что, какие бы у вас ни были намерения, я не хочу терять времени даром. У вас есть свои дела, у меня — свои. Вы получаете жалованье за то, что занимаетесь своим делом, а я устраиваю свои. Так вот, дело, которым я сейчас занят, принадлежит к безотлагательным. А так как вы изволили меня заставить ходить взад и вперед меж четырех стен моей камеры, то я его вам обоим и поручаю. Поняли?

Он встал.

— Я разрешаю вам забавляться ведением моего

процесса, расследованием совершенных мною раньше преступлений, злодеяний и прочими пустяками при условии, что вы немедленно займетесь моим поручением.

— В чем же оно состоит? — насмешливо спросил Формери.

— В том, чтобы не мешкая заняться розысками германского подданного Штейнвега.

— Это что за история?

— Эту историю я берег для себя, когда я был… или, вернее, воображал себя Ленорманом. Часть этой истории произошла в моем кабинете, здесь, в здании суда, и Вебер должен помнить ее. Вот в чем дело: старик Штейнвег знает содержание таинственного проекта Кессельбаха, и Альтенгейм, занимавшийся также розысками по этому делу, похитил Штейнвега и спрятал его.

— Ну вот еще! Это не иголка, не спрячешь!

— Совершенно верно.

— Вы знаете где?

— Да.

— Было бы интересно…

— Он находится в доме номер двадцать девять на улице Дюпон.

Вебер пожал плечами:

— Это там, где жил Альтенгейм?

— Да.

— Вот это и доказывает, насколько можно верить всем этим глупостям. В кармане барона я нашел его адрес, и через час дом был занят агентами сыскной полиции.

Люпен с облегчением вздохнул:

— Приятная новость! Я боялся, что его неуловимый сообщник во второй раз похитит Штейнвега. Ну а слуги?

— Они исчезли.

— Другой предупредил их по телефону. Но все-таки Штейнвег там…

Вебер сказал нетерпеливо:

— Там никого нет, я вам повторяю, что дом занят агентами полиции.

— Господин помощник начальника сыскной полиции, я вам даю приказ: лично обыщите дом на улице Дюпон. Завтра представьте мне отчет о результатах обыска.

Вебер пожал плечами:

— У меня есть дела более спешные…

— Господин помощник начальника сыскной полиции, ничего не может быть более спешного. Если вы опоздаете, все мои планы погибнут. Старик Штейнвег никогда не расскажет, в чем состоит проект Кессельбаха.

— Почему?

— Потому что через день или два, если ему не дадут есть, он умрет от голода.

III

— Очень… очень серьезно, — проговорил Формери после минутного размышления. — К сожалению… — Он улыбнулся. — К сожалению, ваше открытие страдает одним очень большим недостатком.

— Каким же?

— Тем, что все это только одни фантазии… Не сердитесь, Люпен!

— Идиот! — выругался Люпен.

Формери встал:

— Ну-с, допрос окончен. Теперь, когда мы с вами готовы к сражению, нам необходим законный в таких случаях свидетель, то есть ваш адвокат.

— Ба! Да разве это необходимо?

— Необходимо.

— Заставить работать одного из выдающихся адвокатов в связи с процессом, который, скорее всего, не осуществится?

— Нет. Надо пригласить.

— Ну, в таком случае я выбираю господина Кэмбеля.

— Очень хорошо, вы поручаете свою защиту опытному лицу.

Этим закончился первый допрос Люпена.

Сходя с лестницы, он успел шепнуть братьям Дудевиль:

— Пусть следят за домом Женевьевы и госпожи Кессельбах. Им угрожает опасность. Будут обыскивать дом на улице Дюпон… постарайтесь присутствовать при этом. Если найдут Штейнвега, сделайте так, чтобы он молчал.

— Когда вы выйдете на свободу, начальник?

— Сейчас ничего нельзя сделать… Впрочем, я не очень спешу. Я отдыхаю.

По возвращении в камеру он написал несколько писем. Одно, очень большое, — с инструкциями для братьев Дудевиль и, кроме того, еще два, одно из них — Женевьеве.

Теперь Вы знаете, Женевьева, кто я. И Вам стало понятно, почему я скрывал от Вас имя человека, который два раза уносил Вас на руках, когда Вы были совсем маленькой. Я был другом Вашей матери, Женевьева, далеким другом, о двойной жизни которого она ничего не знала, но которому вполне доверяла. И поэтому,

умирая, она написала мне несколько слов, прося позаботиться о Вас.

Считаю себя недостойным Вашего уважения, но, несмотря на это, останусь верным желанию Вашей покойной матери.

Арсен Люпен

Другое письмо было адресовано Долорес Кессельбах.

Теперь, когда Вам стало известно, что князь Сернин и Арсен Люпен – одно лицо, я прошу Вас не отнимать у меня права заботиться о Вас издалека, как заботятся о людях, которых никогда не увидят.

На столе лежали конверты. Он взял один из них, потом другой, но когда брал третий, то заметил листок, на котором были наклеены буквы, очевидно вырезанные из газет:

Борьба с Альтенгеймом закончилась твоим поражением. Откажись от дела Кессельбаха – и я не буду мешать твоему побегу. Л. М.

— Опять он, — сказал Люпен, — и здесь он!

Этот невидимый враг совершенно сбивал его с толку. Будучи равным по силе, он располагал средствами, которые казались непонятными Люпену.

Сначала Люпен заподозрил своего сторожа, но каким образом можно было подкупить этого человека со строгим и твердым выражением лица?

— Ну что ж, тем лучше, в конце концов! — воскликнул он. — До сих пор мне приходилось иметь дело со щенками, и, чтобы победить самого себя, мне пришлось побыть начальником сыскной полиции. На этот раз у меня достойный противник. Он шутя справляется со мной… И если мне удастся, сидя в тюрьме, избегнуть его ударов, уничтожить его, освободить Штейнвега и узнать от него тайну проекта Кессельбаха, осуществить этот проект, защитить госпожу Кессельбах и доставить богатство и счастье Женевьеве, то, значит, Люпен… останется навсегда Люпеном. Ну а пока — спать!

Он проснулся в одиннадцать утра следующего дня. Ему сообщили, что господин Кэмбель дожидается в комнате для адвокатов.

— Скажите господину Кэмбелю, — ответил он, — что если ему нужны сведения о моих по-

ступках и делах, то пусть он просмотрит газеты за последние десять лет.

В двенадцать часов дня его с теми же предосторожностями, как и накануне, отвезли в здание суда. Там он увиделся со старшим из братьев Дудевиль, обменялся с ним несколькими словами, передал три письма, которые он приготовил, и вошел в кабинет следователя.

Кэмбель был уже там. Люпен сейчас же извинился:

— Я очень сожалею, господин Кэмбель, что не мог вас принять сегодня утром…

— Да-да, мы это отлично знаем, — прервал его Формери, — нам известно, что вашего процесса не будет, вы отправитесь путешествовать. Но пока займемся делом. Арсен Люпен, несмотря на все наши розыски, мы не знаем вашего настоящего имени.

— Вот странно! Я тоже не знаю.

— Мы даже не можем предположить, что вы тот самый Арсен Люпен, который был заключен в тюрьму Санте и который бежал оттуда в первый раз…

— Совершенно верно, в «первый раз»…

— Оказалось, что дело Арсена Люпена, находившееся с того времени в антропометрическом

бюро, содержит сведения, совершенно отличные от тех, которые были записаны ранее.

— Еще непонятнее.

— Совершенно различные цифры измерений, внешность… Две фотографии не имеют между собою никакого сходства… И я просил бы вас сообщить нам ваше настоящее имя.

— Именно об этом и я собирался спросить вас. Я жил под столькими именами, что в конце концов забыл свое настоящее.

— Вы отказываетесь отвечать?

— Да.

— Почему?

— Потому что…

— Это ваше окончательное решение?

— Да, ведь я же вам сказал, что ваше следствие для меня не существует. Я вам дал поручение, только оно одно меня интересует, и я ожидаю от вас ответа.

— А я, — воскликнул Формери, — вчера же вам ответил, что я ни одному вашему слову не верю в истории со Штейнвегом и не буду ею заниматься.

— Так зачем же тогда после допроса вы сами отправились с Вебером в дом номер двадцать девять по улице Дюпон и внимательно его обыс-

кали?

— А вы откуда это знаете? — смущенно спросил следователь.

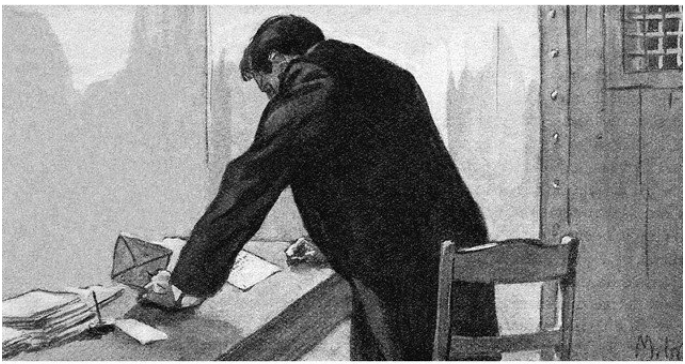
— Из газет…

— Ах, вы читаете газеты?

— Надо же быть в курсе дела.

— Действительно, я для очистки совести осмотрел этот дом в общем, не придавая особого значения…

— Наоборот, вы придаете очень большое значение этому и выполняете мое поручение с усердием, достойным похвалы, потому что в данный момент помощник начальника сыскной полиции занят обыском там же.



Формери был очень удивлен и сказал:

— Ну вот еще! Какие глупости! У нас с Вебером есть дела поважнее.

В это время вошел курьер и тихо сказал что-то следователю.

— Пускай он войдет сюда! — воскликнул тот.

— Ну что, Вебер? Что нового? Нашли этого человека? — обратился он к вошедшему Веберу, не думая вовсе скрывать той поспешности, с кото-

рой ему хотелось знать о результатах обыска.

Помощник начальника сыскной полиции ответил:

— Нет, ничего.

— Вы уверены в этом?

— Да, уверен, там нет Штейнвега, ни живого, ни мертвого.

— Однако…

— Нет, это так, господин судебный следователь.

Оба казались разочарованными.

— Видите, Люпен… — сказал Формери с сожалением. И прибавил, помолчав немного: — Все, что мы можем предположить, — это то, что он был там, а теперь его нет.

— Третьего дня утром он был еще там, — заявил Люпен.

— А в пять часов вечера дом был занят полицией, — сказал Вебер.

— Остается думать, что его похитили за этот промежуток времени, — добавил следователь.

— Нет, — сказал Люпен.

— Вы думаете?

— Я не только думаю, — сказал Люпен твердым голосом, — я знаю. Физически невозможно, чтобы Штейнвег был похищен за это время, следова-

тельно, он там.

Вебер воздел руки к потолку:

— Но это же безумие! Я только что оттуда… Я осмотрел самым внимательнейшим образом каждую комнату! Ведь человек не монета в сто су, не спрячешь!

— Что же делать? — простонал Формери.

— Что делать, господин судебный следователь? Все очень просто. Надо взять экипаж и отвезти меня туда со всеми предосторожностями, которые вам заблагорассудится принять. Сейчас около часа. В три часа Штейнвег будет освобожден.

Формери переглянулся с Вебером. А отчего бы не поехать? Что можно сказать против?

— Что вы думаете об этом, Вебер?

— Право… не знаю.

— Да, но ведь речь идет о спасении человека.

— Конечно… — сказал Вебер, начинавший сдаваться.

В это время открылась дверь, вошел курьер и передал Формери письмо, в котором тот прочел следующее:

Будьте осторожны! Если Люпен войдет в дом на улице Дюпон, он выйдет оттуда свободным. Все приготовлено для побега.

Л. М.

Формери побледнел. Опасность, которой он избежал, привела его в ужас. Еще раз Люпен едва не провел его… Он совсем забыл о Штейнвеге и читал про себя молитву. Если бы не это чудесное анонимное письмо, он был бы обречен на позор.

— Довольно на сегодня, — сказал он. — Мы возобновим допрос завтра. Отведите обвиняемого со всеми предосторожностями в тюрьму Санте.

Люпен не противоречил. Он знал, кто нанес ему этот удар. Он подумал, что если есть двадцать шансов против одного, что Штейнвег не может быть теперь освобожден, то все-таки один шанс на спасение Штейнвега остался, поэтому не надо отчаиваться, и просто сказал:

— Господин судебный следователь, я вам назначаю свидание завтра утром в десять часов в доме номер двадцать девять на улице Дюпон.

— Да вы с ума сошли! Я вовсе не хочу этого!

— Я хочу — и этого достаточно. До свидания! Завтра в десять. Будьте аккуратны.

IV

Вернувшись в свою камеру, Люпен лег в постель и проспал до следующего дня. Лязг засовов

и щелканье замка разбудили его.

— Одевайтесь, — сказал ему сторож, — скорее!

Вебер с агентами дожидались его в коридоре и повели к фиакру.

— Кучер! Двадцать девять, улица Дюпон, — сказал Люпен, садясь. — И скорее…

— Откуда вы знаете, куда мы едем? — спросил Вебер.

— Ну конечно знаю, потому что я вчера назначил свидание господину Формери в доме номер двадцать девять на улице Дюпон в десять часов. Когда Люпен говорит что-нибудь, это всегда исполняется. Вот вам и доказательство.

Начиная с улицы Перголези, стали попадаться полицейские отряды, что очень забавляло Люпена. По улице же Дюпон было совершенно прервано сообщение, и она была переполнена полицией.

— Осадное положение, — засмеялся Люпен. — Вебер, ты раздашь от моего имени по луидору каждому из этих типов, которых ты побеспокоил без всякой причины. Должно быть, ты боишься! Еще немного, и ты мне, пожалуй, свяжешь руки.

— Я только дожидался, когда ты выразишь это желание, — сказал Вебер.

— Вяжи, дружок, вяжи, — протянул руки Лю-

пен, — да побеспокойся, чтобы веревка была покрепче.

Со связанными руками Люпен вышел из экипажа, поднялся по ступенькам крыльца и прошел в комнату, где его дожидался Формери. Полицейские покинули комнату. Остался только Вебер.

— Извините меня, господин следователь, — сказал Люпен, — я опоздал на две минуты. Будьте уверены, что в следующий раз…

Формери был бледен. Он начал, заикаясь:

— У меня… Я… госпожа Формери…

— Как поживает милая госпожа Формери? — осведомился с участием Люпен. — Я имел удовольствие прошлой зимой танцевать с ней на балу в «Отель де Виль», и это воспоминание…

— Госпожа Формери, — продолжал следователь, — вчера вечером была спешно вызвана по телефону к матери. Она сейчас же поехала, к сожалению, без меня, я не мог, потому что изучал ваше дело…

— Ах, вы изучали мое дело, — заметил Люпен, — вот напрасный труд!

— В полночь, видя, что она не возвращается, и очень беспокоясь, я поехал к ее матери, но госпожи Формери там не было, а ее мать вовсе и не вызывала ее по телефону. Все это было обманом.

Госпожа Формери до сих пор не вернулась.

— Да что вы! — возмущенно воскликнул Люпен.

Немного подумав, он сказал:

— Насколько я помню, госпожа Формери очень красива, не так ли?

Следователь, казалось, не понимал его слов и продолжал прерывающимся голосом:

— А сегодня утром я был извещен этим письмом, что моя жена будет освобождена сейчас же после того, как разыщут Штейнвега. Письмо подписано Люпеном. Вот это письмо. Это вы писали?

Люпен посмотрел на письмо и сказал спокойно:

— Да, это я писал.

— Следовательно, вы хотите силой вынудить меня передать вам ведение розысков Штейнвега?

— Да, я требую этого.

— И моя жена будет сейчас же освобождена?

— Да.

— Даже в том случае, если ваши поиски будут бесплодны?

— Этот случай недопустим.

— Ну а если я откажусь?

— Это могло бы иметь серьезные последствия… госпожа Формери очень красива…

— Хорошо. Ищите… распоряжайтесь, — проскрежетал Формери.

Вебер не сказал ни слова, только бешено кусал свои усы.

— Пойдем наверх, — сказал Люпен.

Поднялись по лестнице.

— Откройте дверь этой комнаты.

Открыли двери.

— Развяжите мне руки.

Произошло минутное замешательство. Формери и Вебер переглядывались.

— Развяжите, — повторил Люпен.

— Хорошо. Я отвечаю за все, — сказал помощник начальника сыскной полиции и сделал знак всем полицейским, сопровождавшим его.

— Возьмите оружие. При первой команде — стрелять!

Полицейские вынули револьверы.

— Спрячьте оружие и руки в карманы, — приказал Люпен.

И, видя, что полицейские находятся в замешательстве, твердо сказал:

— Клянусь честью, что я пришел сюда спасти жизнь человеку, а вовсе не для того, чтобы бе-

жать.

— Ну, честь Люпена, — проворчал один из агентов и вдруг заревел от боли, получив сильный удар ногою. Все агенты со злобой бросились на Люпена.

— Стойте, — кричал Вебер. — Хорошо, Люпен, я даю тебе час времени… если через час…

— Я не хочу условий, — заявил Люпен.

— Делай, как хочешь, скотина! — заорал разозленный Вебер и отошел в сторону вместе с полицейскими.

— Чудесно, — сказал Люпен. — Вот так можно работать.

Он сел в удобное кресло, попросил папиросу, закурил ее и задумался, пуская кольца дыма в потолок. Присутствующие смотрели на него с любопытством, которое и не думали скрывать.

Через минуту он сказал:

— Вебер, прикажи отставить кровать.

Отставили кровать.

— Снимите занавеси с алькова.

Сняли занавеси.

— Здесь, — сказал Люпен.

— Как, уже?! — воскликнул Формери.

— Что же, вы полагаете, что я ни о чем не думаю в своей камере и заставил бы привести себя сюда,

если бы у меня не было точных данных?

— Ну, что же дальше? — спросил Вебер.

— Дальше? Пошли одного из своих полицейских к таблице электрических звонков, это где-нибудь около кухни.

Один из агентов направился вниз.

— Теперь нажми на пуговку электрического звонка в алькове на высоте кровати. Хорошо, так… Нажимай сильнее… не отпускай. Довольно. Теперь позови типа, которого ты послал вниз.

Через минуту полицейский пришел.

— Ну, милый, слышал ли ты звонок?

— Нет.

— Выскочил номер на таблице?

— Нет.

— Великолепно, я не ошибся, — сказал Люпен. — Вебер, будь любезен, отвинти этот звонок, как видишь, он оказался фальшивым. Вот так… отворачивай фарфоровую чашечку… Так, отлично… Что же ты там видишь?

— Нечто вроде воронки, — ответил Вебер, — как будто конец трубы.

— Наклонись… приложи рот к трубке, как к рупору.

— Сделано.

— Теперь зови: «Штейнвег… Штейнвег»… Не

кричи… Говори просто… Ну?

— Никакого ответа.

— Ты уверен? Прислушайся… что?

— Нет ничего.

— Тем хуже, значит, он умер или не в силах отозваться.

— В таком случае, все пропало? — воскликнул Формери.

— Ничего не пропало, но будет гораздо дольше. У этой трубы есть, конечно, другой конец, и надо разыскать его.

— Но ведь для этого придется разрушить весь дом?

— О нет, гораздо проще… вы это сейчас увидите.

Он сам принялся за дело, окруженный агентами, которые увлеклись и совсем забыли, что должны были стеречь его.

Он прошел в другую комнату и увидел свинцовую трубу, которая выходила из выступа стены, как будто труба водопровода.

— Ага, — сказал Люпен, — она поднимается… Неглупо. Обыкновенно ищут в подвалах.

Они поднялись на третий, четвертый этаж, потом в мансарды и увидели, что потолок в одной из них был сломан и через отверстие труба прохо-

дила на низкий чердак и уходила вверх. Наверху была крыша. По лестнице они пролезли через слуховое окно. Крыша была покрыта толем.

— След был неверен, — сказал Формери.

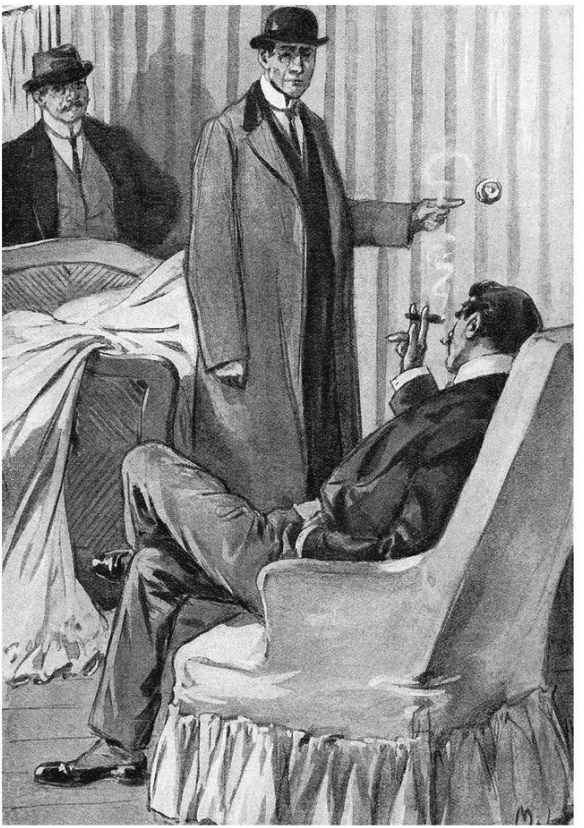
Люпен пожал плечами:

— Вовсе нет.

— Так как же? Труба оканчивается на крыше…

— Это только доказывает, что между крышей и верхней частью чердака есть пустое пространство, где мы и найдем…

— Это невозможно.



— Посмотрим. Пускай подымут толь. Нет, не здесь… Вот здесь должна выходить труба…

Трое полицейских принялись за дело. Один из них воскликнул:

— Верно… верно… здесь!

Нагнулись и увидали, что Люпен был прав. Под крышей было небольшое пустое пространство, вышиною немного больше метра. Первый агент, который спустился туда, проломил жидкие доски, изображавшие пол, и провалился на чердак. Приходилось действовать, осторожно разбирая крышу. Немного дальше показалась каменная кладка печной трубы. Люпен, шедший впереди и следивший за работой агентов, остановился и сказал:

— Здесь.

Человек, более похожий на труп, лежал без движения. Он был прикован железными цепями, вделанными в кирпич трубы.

— Он мертв, — сказал судебный следователь.

— Почем знать? — ответил Люпен.

Он поставил ногу на доски, оказавшиеся более прочными в этом месте, и подошел к лежавшему. Следователь и помощник начальника сыскной полиции последовали его примеру. Через минуту Люпен сказал:

— Он еще дышит.

— Да, — сказал Формери, — сердце хотя и слабо, но все-таки бьется. Как вы думаете, можно его спасти?

— Несомненно! Раз он не умер… — заявил Люпен и приказал: — Скорее молока, разбавленного виши[4]. Бегом! Я ручаюсь, что спасу его.

Через двадцать минут старик Штейнвег открыл глаза.

— Слушай, Штейнвег, не открывай никому тайны Пьера Ледюка, — прошептал, наклонившись к нему, Люпен. — Я — Арсен Люпен, покупаю ее у тебя за ту цену, которую ты назначишь. Предоставь ее мне.

Судебный следователь взял под руку Люпена и отвел его в сторону.

— А госпожа Формери?

— Госпожа Формери свободна и ждет вас с нетерпением.

— Но как вы успели, каким образом?

— Видите ли, господин судебный следователь, я отлично знал, что вы согласитесь на эту маленькую прогулку. Отказ с вашей стороны был недопустим.

---

[4] Notes: 4

Виши — минеральная вода, добываемая из источников, расположенных в одноименном французском городе.

— Почему?
— Госпожа Формери очень красива.

Глава вторая
Страница современной истории

I

Послышался звук отодвигаемых засовов и щелканье замка.

Люпен встал с постели:

— Ах, это вы, мой тюремщик!

— Вас вызывают, — не здороваясь, сказал сторож.

— На следствие?

— Нет, к вам посетитель.

«Наконец-то», — подумал Люпен.

На свидании присутствовал сам начальник тюремной стражи.

В то время как сторож запирал дверь, Люпен подошел к тюремной решетке и постарался разглядеть посетителя, стоявшего у другой решетки.

— А! — воскликнул он радостно. — Это вы, господин Стрипани! Какой счастливый случай!

— Да, это я, дорогой князь.

— Нет, пожалуйста, не называйте меня князем. Здесь я отказался от пустых знаков людского тщеславия. Называйте меня Люпеном, это более

подходит к обстановке.

— С удовольствием, но я был знаком с князем Серниным. От нищеты меня спас князь Сернин, и он же возвратил мне богатство и счастье, поэтому для меня вы всегда останетесь князем Серниным.

— Перейдем к делу, Стрипани. Время начальника тюремной стражи драгоценно, и мы не имеем права им злоупотреблять. В двух словах скажите мне, что вас привело сюда?

— Что меня привело сюда? Боже! Да это же очень просто! Мне казалось, что вы были бы недовольны, если бы я обратился к кому-нибудь другому, кроме вас, чтобы закончить дело, которое вы начали. И потом, материалы моего дела были только в ваших руках, что и позволило вам тогда восстановить истину и содействовать моему спасению. Поэтому только вы можете отразить удар, который мне угрожает, и префект полиции вошел в мое положение и разрешил мне…

— Я действительно удивляюсь, как это вам разрешили…

— Он не мог отказать мне. Ваше вмешательство в дело, в котором столько заинтересованных лиц, кроме меня и разных высокопоставленных особ, было необходимо и…

Люпен поглядел искоса на начальника стражи, тот, наклонившись, с интересом слушал, стараясь угадать тайный смысл непонятных слов.

— Итак? — спросил Люпен.

— Итак, дорогой князь, я прошу вас вспомнить все, что вы знаете об этом документе, который напечатан на четырех языках и появление которого…

Раз! Удар кулака — и начальник тюремной стражи без стона упал на руки Люпена.

— Чисто сделано, — заметил Люпен. — У вас есть хлороформ, Штейнвег?

— А вы уверены, что он без чувств?

— Конечно! Этого ему хватит на три-четыре минуты… но этого мало.

Немец вынул из кармана медную трубку, на конце которой был небольшой пузырек с хлороформом, раздвинул ее, как колена телескопа, и протянул через решетку Люпену. Тот взял флакон, налил несколько капель на платок и положил его на нос начальника стражи.

— Вот так… За это я просижу в карцере неделю или две… Но что делать, в любом деле есть издержки.

— А мне что будет?

— Вам? Что же вам сделают?

— Как? А удар кулаком?

— Вы здесь ни при чем.

— А разрешение увидеться с вами, оно же под-

дельное?

— И здесь вы не виноваты.

— Но ведь я пользуюсь им?

— Так что же? Вы подали три дня назад правильное прошение от имени Стрипани о свидании со мной. Сегодня утром вы получили официальный ответ. Остальное вас не касается. Могут бояться только мои друзья, которые сфабриковали этот ответ. Посмотрим, удастся ли их найти?

— Ну а если нам помешают разговаривать?

— Почему?

— Здесь так смутились, когда я показал разрешение на свидание с вами. Директор позвал меня, долго и внимательно рассматривал бумагу со всех сторон. Я не сомневаюсь, что он позвонит в префектуру.

— И я в этом уверен.

— Так как же?

— Все предусмотрено. Не волнуйся и давай разговаривать. Я полагаю, что раз ты пришел сюда, значит ты знаешь, в чем дело.

— Да, и ваши друзья мне передали…

— И ты согласен?

— Человек, который спас мне жизнь, может располагать мною, как ему угодно. Какие бы услуги я ни оказал ему, я всегда останусь его должником.

— Прежде чем открывать этот секрет, подумай, в каком положении я нахожусь… в тюрьме… бессильный.

Штейнвег рассмеялся:

— Нет, пожалуйста, не шутите. Я рассказал эту тайну Кессельбаху, потому что он был богат и мог лучше, чем кто-либо другой, воспользоваться ею; но, хотя вы сейчас и в тюрьме и, как вы говорите, бессильны, я считаю вас во сто раз могущественнее Кессельбаха и его миллионов.

— Ну вот…

— И вы это знаете. Ста миллионов мало, чтобы открыть ту дыру, в которой я умирал, или так быстро дать мне возможность проникнуть к вам, бессильному заключенному. Нет, здесь надо кое-что другое, и это другое у вас есть.

— В таком случае, говори. Начнем по порядку. Имя убийцы?

— Все, только не это…

— Но почему? Почему ты не хочешь назвать его?

— У меня нет доказательств… впрочем, скажу прямо: я не могу сказать.

— Ты боишься его?

— Да.

— Хорошо, — сказал Люпен, — это не смешно.

Остальное ты решился сказать?

— Да, все.

— Хорошо, отвечай. Как настоящее имя Пьера Ледюка?

— Герман Четвертый, великий герцог Депон-Вельденца, принц Бернкастеля, граф Фистингена, владетельный князь Висбадена и других мест.

Люпен с удовольствием узнал, что его протеже не был сыном колбасника.

— Черт возьми! — сказал он. — У него длинный титул. Насколько я помню, великое герцогство Депон-Вельденц находится в Пруссии?

— Да, на Мозеле. Герцогский дом Вельденца представляет ответвление дома Палатина-Депон. Великое герцогство было занято французами после Люневильского мира[5] и составляло часть департамента Монтонер. В тысяча восемьсот четырнадцатом году оно было восстановлено в пользу Германа Первого, предка Пьера Ледюка. Сын его, Герман Второй, очень бурно провел молодость, разорился, промотал финансы своей страны, стал настолько невыносим для своих

---

[5] Notes: 5

Люневильский мир — мирный договор между Францией и Австрией, заключенный 9 февраля 1801 г. во французском городе Люневиль после поражения, нанесенного армией Наполеона Бонапарта австрийским войскам.

подданных, что они в конце концов сожгли часть старого замка Вельденц и выгнали великого герцога из его владений. Тогда великое герцогство управлялось последовательно тремя регентами от имени Германа Второго, который не отрекся от престола и сохранил свой титул герцога. Он довольно бедно жил в Берлине и позднее участвовал в походе против Франции вместе с Бисмарком[6], другом которого он был. На войне он был убит разорвавшейся бомбой и, умирая, поручил Бисмарку заботы о своем сыне Германе Третьем.

— Это был отец нашего Пьера Ледюка?

— Да. Канцлер очень любил Германа Третьего и давал ему различные секретные поручения. После падения своего покровителя Герман Третий покинул Берлин, путешествовал некоторое время, а потом поселился в Дрездене. Когда Бисмарк умер, Герман Третий был еще там, но через два года и он умер. Вот факты, известные всем в Германии, история трех великих герцогов Депон-Вельденц в девятнадцатом веке.

— А четвертый? Герман Четвертый, которым мы интересуемся?

---

[6] Notes: 6

Отто фон Бисмарк (1815–1898) — первый рейхсканцлер (глава правительства) Германской империи в 1871–1890 гг.

— Мы сейчас не будем о нем говорить и перейдем пока к фактам, неизвестным публике.

— И которые только ты знаешь? — спросил Люпен.

— Я и еще некоторые другие.

— Кто же еще? Разве тайна не была сохранена?

— О, не беспокойтесь. Секрет очень хорошо охраняется теми, кому он известен, потому что они крайне заинтересованы, чтобы он не был открыт.

— Так откуда ты его знаешь?

— От бывшего слуги и близкого секретаря Германа Третьего. Он умер на моих глазах и сказал мне, что герцог был тайно женат в Париже и имел сына. Потом он мне открыл этот знаменитый секрет.

— Тот самый, который ты передал Кессельбаху?

— Да.

— Ну, рассказывай.

В это время в двери послышался звук ключа, вставляемого в замок.

II

— Ни слова! — сказал Люпен.

Он притаился у стены около двери. Как только

она открылась, он быстро закрыл ее и напал на сторожа, закричавшего от испуга.

— Молчи! Еще крикнешь — и ты погиб.

И он положил его на пол.

— Ты благоразумен? Понимаешь свое положение? Да? Великолепно… Где твой платок? Дай-ка руки… Хорошо… теперь я спокоен. Тебя послали из предосторожности, чтобы ты находился при начальнике стражи… Великолепная мера, только немного поздно спохватились… Ты видишь, начальник стражи мертв. Если ты двинешься, станешь кричать — с тобой будет то же.

Он взял у сторожа ключ и вставил его в замочную скважину.

— Так будет спокойнее — никто не войдет.

— С вашей стороны — да, а с моей?

— С какой стати им вздумается прийти?

— А вдруг они слышали крик?

— Нет, не думаю. На всякий случай тебе дали дубликат ключей?

— Да.

— Запри дверь. Так… Ну-с, теперь, по крайней мере, у нас есть еще десять минут. Рассказывай дальше. По-немецки. Не надо, чтобы этот субъект слышал государственные тайны. Рассказывай, рассказывай, мы здесь у себя дома.

Штейнвег продолжал:

— В тот же вечер, когда умер Бисмарк, великий герцог Герман Третий и его слуга — мой друг — сели в поезд, направлявшийся в Мюнхен, а оттуда на скором поехали в Вену. Из Вены они направились в Константинополь, потом в Каир, потом в Неаполь, потом в Тунис, Испанию, Париж, Лондон, Петербург… И ни в одном из городов они не останавливались, брали свои два чемодана и отправлялись на другой вокзал или пароход.

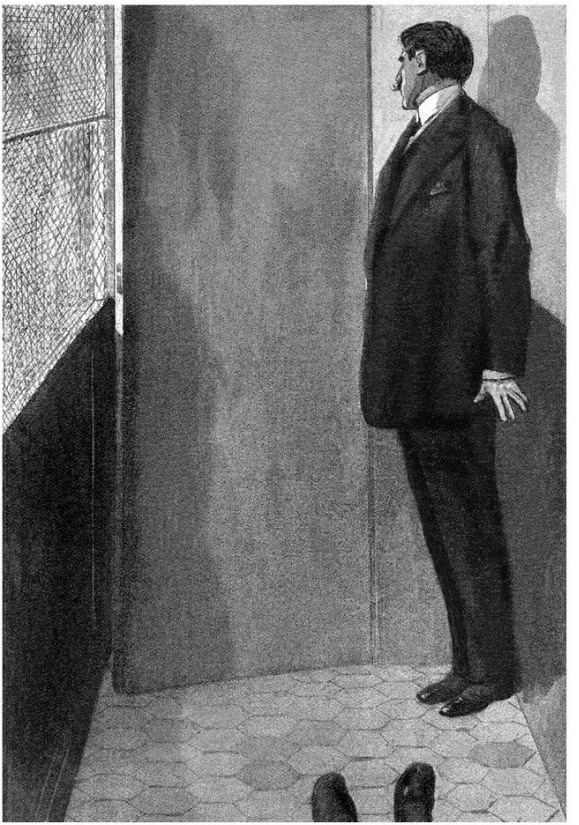
— Короче говоря, они старались скрыть свой след, — сделал заключение Люпен.

— Однажды вечером они вышли из города Треви, одетые в блузы и фуражки рабочих, с палками через плечо; к палкам были привязаны узелки. Они прошли пешком тридцать пять километров, отделявших их от Вельденца, где находится старый замок Дюпон или, вернее, развалины его.

— Не надо описаний.

— Весь день они прятались в соседнем лесу, и, только когда наступила ночь, они вышли оттуда и направились к старинной насыпи. Там Герман приказал слуге подождать его, а сам пролез сквозь брешь в стене, через так называемую волчью брешь. Через час он вернулся. Спустя неделю опять же обходным путем они вернулись

в Дрезден. Путешествие было закончено.



— Какова же была цель этого путешествия?

— Великий герцог ни слова не сказал об этом своему слуге. Но тот по некоторым мелким подробностям и совокупности фактов, последовавших за этим путешествием, смог угадать истину или, по крайней мере, часть ее.

— Скорей, скорей, Штейнвег, у нас мало времени.

— Через две недели после путешествия граф Вольдемар, офицер гвардии императора и его личный друг, заявился к великому герцогу в сопровождении шести человек. Он заперся с герцогом в кабинете и провел там почти целый день. Слуга, проходивший под окнами, услышал фразу: «Его величество уверен в том, что бумаги переданы вам. Если вы не желаете отдать их добровольно…» В тот же день дом Германа был обыскан сверху донизу.

— Но это же незаконно!

— Это было бы незаконным, если бы великий герцог противился обыску, а он, наоборот, сам помогал графу, сопровождая его.

— Что же они искали? Мемуары покойного канцлера?

— Нет, гораздо более важное. Тайные документы.

Люпен приник как можно ближе к решетке, его пальцы вцепились в проволочную сетку.

— Тайные документы… очень важные, конечно? — спросил он взволнованно.

— Крайне важные. Опубликование их повлекло бы за собой неизмеримые последствия, как во внутренней, так и во внешней политике.

— О-го-го, — проговорил Люпен, дрожа от волнения. — Неужели это возможно? Но какие же есть у тебя доказательства? Где они?

— Самое важное доказательство — это свидетельство жены великого герцога, рассказавшей об этих документах слуге после смерти своего мужа.

— Да… да… — повторял Люпен, — это все равно что свидетельство самого великого герцога.

— Но есть кое-что важнее этого!

— Что?

— Документ! Записка, написанная рукою герцога и за его подписью с перечнем и кратким содержанием этих тайных документов. В двух словах не расскажешь. Документ очень длинный, с разными заметками, примечаниями, иногда совершенно непонятными… Вот два заглавия, относящиеся, вероятнее всего, к двум пачкам документов: «Письма кронпринца к Бисмарку»…

числа показывают, что эти письма были написаны в продолжение трех месяцев царствования Фридриха Третьего[7]. Можно очень легко представить себе, что они заключают, если только вспомнить про болезнь Фридриха Третьего и его постоянные ссоры с сыном.

[7] Notes: 7

Фридрих III (1831–1888) — германский император (с 9 марта по 15 июня 1888 г.); отличился во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

— Да-да, я помню. Другое заглавие?

— «Фотография писем Фридриха Третьего и императрицы Виктории, королевы английской»[8].

— Там есть это?.. Там есть… — проговорил Люпен глухим от волнения голосом.

— Да, теперь послушайте. Ко второму заглавию сделаны герцогом примечания: «Текст договора Англии с Францией»… И довольно неясные заметки: «Эльзас-Лотарингия… Колонии… Ограничение морского флота».

— Там это написано, — бормотал, как в бреду, Люпен. — И тебе неясно? Да неужели же…

Около двери послышался шум. Кто-то стучал.

— Нельзя войти — я занят…

Стали стучать в дверь со стороны Штейнвега.

— Подождите немного. Я через пять минут кончу.

И он сказал старику повелительным тоном:

— Не беспокойся и продолжай… Итак, по-твоему, цель путешествия герцога вместе со слугой состояла в том, чтобы спрятать документы в замке Вельденц?

— В этом нет никакого сомнения.

— Положим. Но ведь герцог мог их вынуть

---

[8] Notes: 8
Виктория (1819–1901) — королева Великобритании с 1837 г.

оттуда.

— Нет, после поездки в Вельденц он не выезжал из Дрездена до самой своей смерти.

— Ну а те, в чьих интересах было достать документы и уничтожить, не взяли их оттуда?

— Да, они действительно доискались до того, что документы спрятаны в замке Вельденц.

— Откуда ты это знаешь?

— Вполне понятно, что, узнав эту тайну, я первым делом отправился в Вельденц, чтобы на месте в окрестных деревнях навести справки. Там мне рассказали, что уже два раза приезжали какие-то люди и, очевидно с разрешения регента, рылись в развалинах замка.

— И что же?

— И ничего не нашли, потому что с тех пор осмотр развалин замка запрещен.

— Но все-таки туда можно проникнуть?

— Нет, там помещен гарнизон из пятидесяти солдат и часовые стоят на страже замка днем и ночью.

— Солдаты великого герцогства?

— Нет, гвардейцы императора.

В коридоре голоса стали слышней, звали начальника тюремной стражи и стучали в дверь.

— Значит, ты не мог проникнуть в замок?

— Нет.

— Но сам-то ты уверен, что упомянутые документы там?

— Еще бы! Разве я вам не доказал этого самым неоспоримым образом? Вы еще не убеждены в этом?

— Да… да… — проговорил задумчиво Люпен, — они там спрятаны… нет никаких сомнений… именно, именно там.

Снаружи «работали» над замком.

Люпен спросил старика Штейнвега:

— От какой болезни умер великий герцог?

— От воспаления легких, продолжавшегося очень недолго, всего несколько дней. Почти все время он был без памяти, и, что ужаснее всего, окружающие видели, как в редкие минуты просветления он шевелил губами, пытаясь что-то произнести, — и не мог. Временами он зна́ком подзывал к себе жену и, беспомощно шевеля губами, старался ей что-то сказать.

— Покороче, пожалуйста! Сказал ли он что-нибудь перед смертью? — спросил Люпен.

— Нет, он так ничего и не сказал. Но в момент, когда ему было лучше, он, собрав всю свою силу, написал несколько слов на листке бумаги, который ему подала жена.

— Что там было написано?

— Бóльшая часть написанного совершенно неразборчива, а остальное… три цифры, ясно написанные: восемь, один, три…

— Знаю, восемьсот тринадцать, дальше?

— Дальше слово, в котором можно разобрать в середине три буквы и в конце две буквы, так что получалось…

— Апоон… знаю.

Замóк уже поддавался под усилиями работающих снаружи охранников. Люпен торопливо спросил, боясь быть прерванным:

— Следовательно, слово «Апоон» и восемьсот тринадцать — все, что можно было разобрать из написанного герцогом? Может, это указания, при помощи которых можно найти бумаги?

— Да.

Люпен вцепился обеими руками в замок, стараясь помешать его вынуть.

— Штейнвег, что стало с женой великого герцога?

— Она умерла вскоре после смерти мужа, говорят, с горя.

— А сын?

— У великого герцога не было ни сестер, ни братьев, и к тому же он был женат тайно, мор-

ганатическим браком. Ребенка взял старый друг герцога Германа Третьего и воспитал его под именем Пьера Ледюка. Это был мальчик с очень дурным характером, своевольный, со странными фантазиями, неспособный к жизни. В один прекрасный день он уехал, и его больше не видели.

— Он знал свое настоящее имя?

— Да, и ему показывали также листок бумаги, на котором герцог, его отец, написал число восемьсот тринадцать.

— А этот слуга никому не рассказывал об этом, кроме тебя?

— Никому.

— А ты — никому, кроме Кессельбаха?

— Да, только ему. Но из осторожности я, дав ему прочесть оба эти листа, оставил их у себя. И, как показало дальнейшее, я поступил очень правильно.

— А эти документы у тебя?

— Да.

— Они хорошо спрятаны?

— О да!

— В Париже?

— Нет.

— Тем лучше. Не забывай, за тобой следят и твоя жизнь в опасности.

— Я это отлично знаю. Малейшая ошибка — и я погиб.

— Верно. Поэтому будь осторожен и постарайся сбить с толку врага, чтобы он потерял твой след. Наше дело в шляпе. Через месяц, самое позднее, мы поедем с тобой в замок Вельденц.

— А если меня арестуют и упрячут в тюрьму?

— Я освобожу тебя.

— Удастся ли вам это?

— Будь спокоен. На следующий день, как выйду из тюрьмы. Или нет, я ошибаюсь: в тот же самый вечер, через час…

— Неужели вы сможете?

— Да, даже скорее, чем через час… наверняка. Ты все мне сказал?

— Все.

— Ну, тогда я открываю дверь.

Он отворил дверь и, вежливо кланяясь Борели, сказал:

— О, я не знаю, господин директор, как мне извиниться перед вами…

Он не успел закончить, как Борели и три тюремных сторожа ворвались в дверь.

Директор был в бешенстве. Он остолбенел, увидев двух своих подчиненных лежащими на полу.

— Убиты! — воскликнул он.

— О, вовсе нет, вовсе нет, — насмешливо проговорил Люпен, — вот он двигается. Ну, вставай!

— А другой? — спросил Борели, бросаясь к начальнику тюремной стражи.

— Он заснул немножко. Он так устал, господин директор, что я…

— Довольно говорить глупости! Молчать! — заорал Борели и, обращаясь к страже, приказал: — Отвести его в камеру!

Люпен радостно потирал руки. Наконец-то он узнал тайну проекта Кессельбаха!

Глава третья
План Люпена

I

К его большому удивлению, он не был посажен в карцер. Борели заявился к нему через несколько часов после посещения Штейнвега и заявил, что он находит это наказание бесполезным.

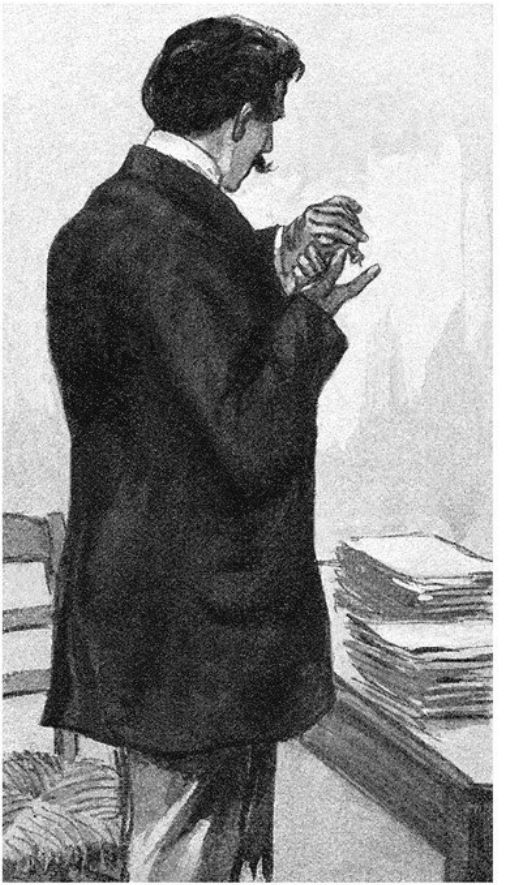
— Более чем бесполезным, господин директор, — возразил Люпен, — опасным… неудобным… может вас скомпрометировать…

— Каким образом? — спросил Борели, которого все более и более начинал беспокоить этот заключенный.

— Да вот каким, господин директор. Вы сейчас приехали из полицейской префектуры, где доложили о моем возмутительном поступке. Причем передали разрешение видеться со мной на имя синьора Стрипани. Вам было нетрудно оправдаться, потому что, когда Стрипани представил вам разрешение, вы из предосторожности позвонили в префектуру, чтобы проверить, и вам ответили оттуда, что все правильно.

— Вы это знаете?

— Конечно знаю, ведь из префектуры вам отвечал мой агент. Сейчас, когда вы были в префектуре, по вашей просьбе произвели немедленное расследование и установили, что никакого разрешения не было дано и то, которое у вас, — подделано… стали искать, кто это сделал… и, будьте покойны, не найдут.



Борели самоуверенно улыбнулся.

— Дальше допросили Стрипани, который, не запираясь, признался, что его настоящее имя — Штейнвег. Скандал! Заключенный Люпен проводит нужного ему человека в тюрьму Санте и разговаривает там с ним около часа. Что делать? Лучше всего сделать вид, что ничего не произошло. Поэтому отпускают Штейнвега и уговаривают заключенного Люпена молчать о случившемся. Верно ли я рассказал, господин директор?

— Совершенно верно, — смешавшись, сказал Борели. — Можно подумать, что у вас дар ясновидения. Итак, вы соглашаетесь на наши условия?

Люпен расхохотался:

— Вернее, уступаю вашим просьбам. Да, господин директор, вы можете успокоить кого следует в префектуре. Я обещаю молчать.

Почти целыми днями Люпен, как и другие заключенные, занимался склеиванием конвертов, материал для которых в пронумерованных пачках ему приносили каждое утро, а вечером забирали готовые конверты. Раздача пачек происходила ежедневно в одном и том же порядке, так что неизбежно Люпен каждый день получал пачку под одним и тем же номером. Это был

великолепный способ связи. Оставалось только подкупить служащего частной фирмы, которой сдавались готовые конверты. Это было сделано. И Люпен, уверенный в успехе, спокойно дожидался условного знака на верхнем листе пачки.

На пятый день Арсен Люпен заметил на принесенной ему пачке условный знак — черта ногтем на втором листке.

— Наконец-то, — сказал он, — добились.

Он достал спрятанный у него маленький флакончик, откупорил его, намочил указательный палец и провел им по третьему листу пачки. Через минуту на листе показались нажимы пера, потом штрихи, образуя буквы, слова и фразы. Он прочел:

> *Все идет хорошо. Штейнвег свободен. Женевьева Эрнемон здорова и часто навещает в отеле «Бристоль» больную госпожу Кессельбах. Там она каждый раз встречает Пьера Ледюка. Отвечайте таким же путем, никакой опасности.*

Связь работала прекрасно. Теперь Люпену оставалось только привести в исполнение свой план, пользуясь тайной, открытой ему Штейнвегом. Но прежде надо было возвратить себе свободу.

Через три дня в «Журналь» появилась заметка:

> Найден целый ряд ранее неизвестных писем Бисмарка конфиденциального содержания. Письма хранятся в надежном месте и скоро будут опубликованы.

Заметка вызвала сенсацию.

Кто ее автор? О каких письмах шла речь? Кто их писал? Что это — посмертная месть или просто нескромность, совершенная кем-нибудь из корреспондентов Бисмарка?

Вскоре появилась вторая заметка:

> *Санте, камера 14, 2-е отделение*
>
> Господин редактор!
>
> Письма, о которых вы недавно сообщили, несомненно, существуют. Их ценность чрезвычайно высока, и именно поэтому они являются, как мне известно, предметом постоянных и упорных розысков со стороны правительства. Но никто не знает, где они находятся, а также ни одного слова из того, что в них заключается.
>
> Я уверен, что публика не будет на меня в обиде, если ей придется немного подождать, прежде чем я смогу удовлетворить

ее любопытство. Поскольку мои текущие занятия не позволяют мне посвятить решению этого вопроса столько времени, сколько мне бы хотелось, все, что я могу сказать сейчас, – это то, что письма были доверены канцлером на смертном одре одному из самых верных его друзей, которому пришлось много претерпеть впоследствии за свою преданность.

Я отдал приказание двум своим лучшим агентам заняться изучением этого дела и нисколько не сомневаюсь, что дня через два я буду в состоянии пролить свет на эту загадочную тайну.

Арсен Люпен

Через три дня «Журналь» опубликовал новое письмо узника тюрьмы Санте:

Я узнал имя преданного друга, о котором говорил в прошлый раз. Это был великий герцог Герман III, владетельный принц (хотя и лишенный престола) великого герцогства Депон-Вельденц. Он был поверенным и близким другом покойного Бисмарка.

Обыск в его доме был произведен гра-

фом В... в сопровождении двенадцати человек. Результат обыска был отрицательный, но это нельзя считать доказательством того, что у великого герцога не было бумаг, которые они искали.

Где же он их спрятал? Это вопрос, который, вероятно, никто на свете не может разрешить в настоящее время.

Я прошу дать мне сутки на его решение.

Арсен Люпен

Прошли сутки. Арсен Люпен сдержал свое слово.

Знаменитые письма спрятаны в феодальном замке Вельденца, главного города знаменитого герцогства Депон; замок частично разрушился в течение XIX столетия.

В каком же месте? И что представляют собой эти письма? Вот две проблемы, разрешением которых я занят и ответ на которые дам через четыре дня.

Арсен Люпен

Но в назначенный день газета вышла без обе-

щанных ответов. На следующий и на третий день — тоже молчание.

Удалось узнать, что неизвестное лицо раскрыло директору тюрьмы Санте придуманный Люпеном способ связи посредством конвертов.

Люпена отстранили от работы с конвертами, на что он сказал:

— Если мне не дают заниматься делом, я займусь, пожалуй, процессом. Пригласите ко мне адвоката Кэмбеля.

II

На следующий день Кэмбель, очень довольный, вызвал Люпена в комнату, предназначенную для беседы адвокатов.

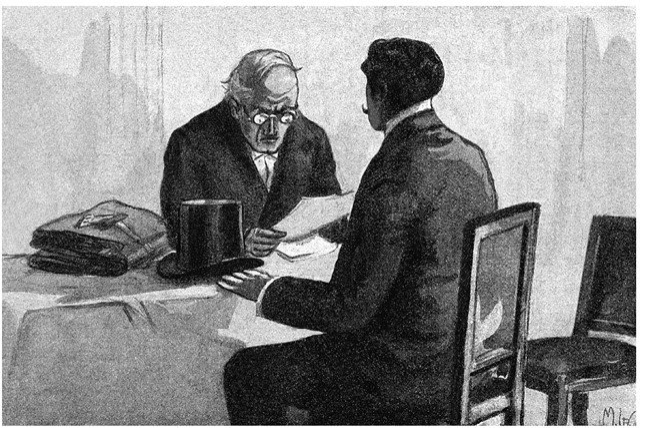
Это был пожилой, чуть подслеповатый человек. Он положил свою шляпу на стол, раскрыл портфель и обратился к Люпену с целым рядом заранее приготовленных вопросов.

Люпен отвечал ему охотно, вдаваясь в разные мелкие подробности, которые Кэмбель сейчас же заносил на четвертушку бумаги.

— Итак, вы говорите, что в это время… — спрашивал адвокат, наклоняясь над бумагой.

— Я говорю, что в то время, — продолжал Люпен…

Незаметно он просунул руку под шляпу Кэмбеля и осторожно вытащил белую полоску бумаги. Он развернул ее. Это было письмо от Дудевиля: «Я поступил лакеем к господину Кэмбелю, и вы можете, нисколько не опасаясь, отвечать мне тем же путем. Относительно конвертов нас выдал Л. М. К счастью, мы это предвидели».



Далее следовал подробный отчет о событиях и газетном шуме, вызванном разоблачением Люпена.

Люпен вынул из кармана полоску бумаги с инструкциями для братьев Дудевиль, свернул ее так же, как ту, которую он вынул, и осторожно всунул ее в шляпу.

На следующий день в «Журналь» появилось:

> Я извиняюсь перед публикой, что не мог исполнить свое обещание. Виною тому никудышное почтовое сообщение в тюрьме Санте. Впрочем, мы приближаемся к концу. Мое исследование окончено. Теперь я знаю все. Подумав, я угадал, в каком месте в замке Вельденц спрятаны письма и документы. Мои друзья отправятся в замок и, несмотря на все препятствия, проникнут туда через ход, который я им укажу.
>
> И тогда в газетах будут помещены фотографии писем, содержание которых я знаю, но желаю привести их подлинный текст.
>
> Это сообщение будет сделано мною через две недели, день в день, 22 августа.

До этого же времени я пока молчу и… дожидаюсь…

Действительно, письма Люпена перестали появляться в «Журналь», но он продолжал переписываться с друзьями с помощью шляпы ничего не подозревавшего адвоката.

Но в один прекрасный день директор тюрьмы Санте получил записку, подписанную Л. М., в которой Борели предупреждали, что Кэмбель, сам того не зная, служит, вероятнее всего, Люпену почтальоном.

Директор предупредил Кэмбеля, который решил с тех пор брать с собой своего секретаря.

И это случилось в самую критическую, важную для Люпена минуту. Невидимый враг и на этот раз обошел его.

Тринадцатого августа, когда он сидел, разговаривая с господином Кэмбелем, его внимание было привлечено газетой, в которую завернул свои бумаги адвокат. Жирным шрифтом было напечатано заглавие: «813». Потом подзаголовок: «Новое убийство. Волнение в Германии. Будет ли наконец открыта тайна Апоона?»

Люпен невольно побледнел, прочтя следующие слова:

В самый последний момент перед выпуском газеты мы получили две сенсационные телеграммы:

БЛИЗ АУГСБУРГА НАШЛИ ТРУП СТАРИКА С РАНОЮ В ГОРЛЕ. УДАЛОСЬ УСТАНОВИТЬ ЛИЧНОСТЬ УБИТОГО. ЭТО ШТЕЙНВЕГ, ЗАМЕШАННЫЙ В ДЕЛЕ КЕССЕЛЬБАХА.

ТАЙНУ АПООНА ВЗЯЛСЯ ОТКРЫТЬ ХЕРЛОК ШОЛМС. ЗНАМЕНИТЫЙ АНГЛИЙСКИЙ СЫЩИК УВЕРЕН В УСПЕХЕ.

III

Для Люпена наступили мучительные дни.

Херлок Шолмс, его непримиримый и давний противник, хитрый, умный и ловкий Шолмс ищет и, нет сомнения, найдет эти письма. Письма, в которых заинтересованы три великие нации Запада и от которых, быть может, зависит мир во всей Европе.

Заживо похороненный в тюрьме Санте, потерявший всякую связь с миром, Люпен упал духом. Бессильный что-либо изменить, он надеялся только на чудо.

— Надо, чтобы это случилось, — бормотал он, — надо не потому, что я этого хочу, а потому, что это логично.

Дни шли за днями, но ничего не менялось.

Семнадцатое августа, девятнадцатое, двадцатое, последний день… Время тянулось медленно и тоскливо, наконец наступил вечер, и мрачные сумерки постепенно окутывали тюрьму. Минуты следовали одна за другой… Девять вечера — ничего, десять — ничего…

Люпен с силой сжимал голову руками, напряженно думая об одном, будто хотел вызвать событие, с которым он связал свое счастье и свободу…

Щелкнул замок.

Люпен поднялся с постели.

Вошли трое.

Люпен нисколько не удивился.

Чудо, которое он предвидел, произошло.

— Прикажете зажечь электричество? — спросил один из троих вошедших, в котором Люпен узнал директора тюрьмы.

— Нет, — ответил самый высокий из них, — достаточно фонаря.

— Позволите мне уйти?

— Да, — сказал все тот же высокий незнакомец.

Борели вышел, оставив дверь полуоткрытой, и остановился на небольшом расстоянии. Двое оставшихся о чем-то тихо говорили между собой.

— Вы — Арсен Люпен? — начал, направив на него луч света, один из них, до сих пор молчавший, более низкого роста, чем его спутник.

Он улыбнулся:

— Да, я Арсен Люпен, заключенный тюрьмы Санте, камера четырнадцатая, второе отделение.

— Это вы, — продолжал посетитель, — опубликовали в «Журналь» целый ряд заметок, в которых говорилось о письмах…

— Виноват, милостивый государь, — прервал его Люпен, — но прежде, чем продолжать разговор, я хотел бы знать, с кем имею честь разговаривать.

— Совершенно излишне, — возразил незнакомец.

— Это необходимо.

— По каким причинам?

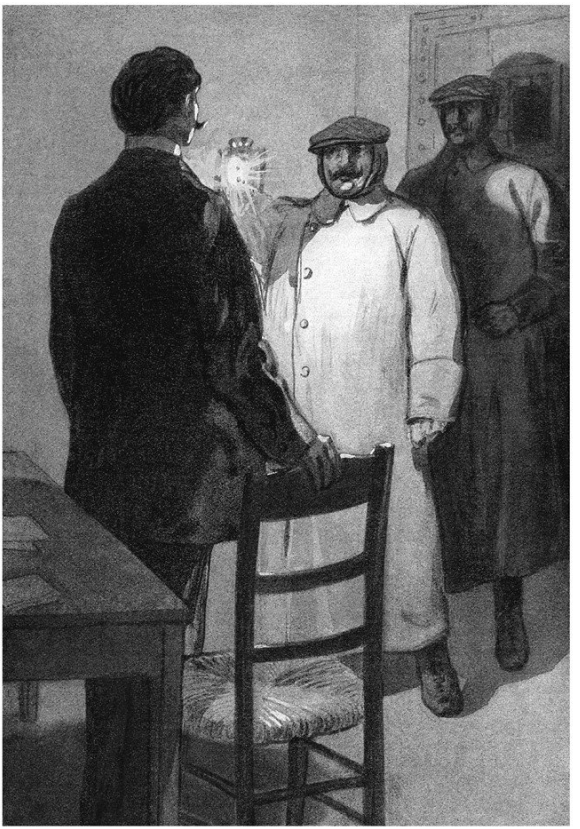
— По причинам вежливости, милостивый государь.

Незнакомец выразил нетерпение.

— Но, мне кажется, сам факт, что мы введены сюда к вам директором тюрьмы, доказывает…

— Что господин Борели не знает приличий! Борели должен был представить нас друг другу. Здесь мы совершенно равны, здесь нет высшего и низшего, а есть только заключенный и посети-

тель. Два человека — больше ничего…



— Вы меня выслушаете? — спросил незнакомец.

— Нет.

— Да!

— Нет.

Разговор принимал странный характер, и более высокий из посетителей, молчавший во время этого диалога, подошел и, положив руку на плечо своего товарища, сказал ему по-немецки:

— Предоставь все это мне.

— Как? Но ведь мы хотели…

— Замолчи и уходи.

— Как я вас оставлю одного…

— Да.

— А дверь?

— Ты ее закроешь и отойдешь…

— Но ведь этот человек — Арсен Люпен…

— Уходи.

Тот ушел с недовольным ворчанием.

— Закрой поплотнее дверь! — крикнул оставшийся. — Лучше совсем… Так.

После этого он повернулся и немного осветил фонарем свое лицо.

— Надо ли вам говорить, кто я? — спросил он.

— Нет, — ответил Люпен.

— Почему?

— Потому что я вас знаю. Вы тот, кого я дожидался.

— Меня?

— Да, вас, Ваше Императорское Величество[9].

[9] Notes: 9

Очевидно, имеется в виду Вильгельм II (1859–1941) — германский император.

Глава четвертая
Потомок Карла Великого

I

— Тише, — живо сказал незнакомец. — Не произносите этих слов.

— Но как же прикажете мне называть вас?

— Никак.

Они оба замолчали. Незнакомец ходил взад и вперед. Люпен дожидался с серьезным и почтительным выражением лица, но в глубине души он был безумно рад и горд: он, авантюрист, вор, заключенный, он — Люпен — заставил прийти к нему в камеру самого императора, наследника Цезаря и Карла Великого.

Незнакомец остановился.

— Завтра, двадцать второго августа, вы хотели опубликовать письма? — спросил он.

— Сегодня ночью, в два часа, мои друзья должны были передать редактору газеты не письма, а точный список с перечислением их и примечаниями великого герцога Германа, — ответил Люпен.

— Этот список не будет передан редактору.

— Да, он не будет передан.

— Вы вручите его мне.

— Он будет вручен Вашему… Вам.

— И все письма также.

— И все письма также.

— Ни одно из них не будет сфотографировано.

— И ни одно из них не будет сфотографировано.

Незнакомец говорил спокойным тоном, приказывая и не спрашивая, он просто указывал, как неизбежно должен поступить Арсен Люпен. Так должно быть. Так и будет. Каковы бы ни были требования Люпена, что бы он ни попросил за это. Его условия были заранее приняты.

Незнакомец продолжал:

— Вы читали эти письма?

— Нет.

— А кто-нибудь из ваших читал их?

— Нет.

— Что же тогда у вас есть?

— У меня есть список с примечаниями великого герцога, и, кроме того, я знаю место, где спрятаны эти письма.

— Почему же вы их не взяли до сих пор?

— Я узнал этот секрет в тюрьме, но мои друзья уже отправились туда.

— Замок охраняется двумястами самых верных моих слуг.

— И десяти тысяч человек было бы мало.

— Как же вы узнали, где спрятаны письма?

— Я это угадал.

— Но вы знаете еще что-нибудь, кроме того, что было в газетах?

— Нет.

— Но по моему приказу в продолжение четырех дней обыскивали замок…

— Херлок Шолмс плохо искал.

— Да? Странно… странно… И вы уверены в том, что не ошибаетесь?

— Совершенно уверен.

— Тем лучше, — сказал он, — потому что необходимо, чтобы эти письма были у меня в руках. — И, резко повернувшись к Люпену, он спросил: — Сколько?

— Что? — переспросил Люпен.

— Я говорю, сколько вы желаете за письма?

Он ожидал, что Люпен скажет ему цифру, и даже сам подсказал:

— Пятьдесят тысяч… сто тысяч?

И так как Люпен не отвечал ни слова, то он добавил:

— Мало? Ну двести тысяч? Я согласен…

Люпен улыбнулся и сказал тихо:

— Хорошая сумма. Но мне кажется, что английская королева даст за них около миллиона. Как вы думаете?

— Пожалуй.

— И что для императора эти письма вообще не имеют цены, что он заплатит за них два миллиона, так же как и три миллиона.

— Да, это верно.

— И что, если бы понадобилось, император заплатил бы эти три миллиона?

— Да.

— Ну, тогда нам будет легко достигнуть соглашения.

— На этой почве? — спросил с легким беспокойством незнакомец.

Люпен опять улыбнулся:

— О, вовсе нет… мне не надо денег. Мне нужна совершенно другая вещь, которая стоит для меня гораздо дороже миллионов.

— Что же именно?

— Свобода.

Незнакомец отступил:

— Что? Освободить вас? Но я ничего не могу сделать… это дело вашей страны, ее законов… правосудия… я совершенно не могу…

Люпен подошел к нему еще ближе и сказал тихо:

— Вы можете это сделать, государь. Мое освобождение — далеко не такое исключительное событие, чтобы вам отказали.

— Значит, мне пришлось бы просить?

— Да.

— Кого?

— Господина Валанглэ, председателя Совета министров.

— Но господин Валанглэ, я думаю, в этом случае может не более меня.

— Он может открыть мне дверь этой тюрьмы.

— Но это был бы скандал.

— Когда я говорю «открыть»… это значит — приотворить немного… для меня этого будет вполне достаточно…

— Так… так… Но Валанглэ никогда не согласится…

— Он согласится.

— Почему?

— Потому что вы пожелаете этого.

— Мое желание не закон для него.

— Но это даст ему возможность сделать приятное императору. А Валанглэ слишком хороший политик, чтобы…

— Что же вы думаете, французское правительство пойдет на превышение власти из-за простого удовольствия сделать мне что-нибудь приятное?

— О! Здесь не одно только удовольствие!

— Что же еще?

— Радость сознания оказать услугу Франции, принять предложение, которое будет сопровождать просьбу.

— Я сделаю предложение?

— Да, ваше величество.

— Какое же?

— Я не знаю… но мне кажется… я думаю, что есть благоприятная почва для соглашения… есть возможность…

Незнакомец смотрел на него, не понимая. Люпен задумался, как будто он искал слова для выражения своей неясной мысли.

— Мне кажется, что две соседние страны разделены в своей политике… очень незначительным вопросом… что у них разные точки зрения на второстепенные вопросы внешней политики, касающиеся колонии, где их самолюбие затронуто в большей степени, чем их реальные интересы… Разве нельзя предположить, что глава одного из этих государств приехал, чтобы лично уладить этот вопрос в духе нового соглашения, и желает

дать указания, необходимые для того… для того…

— Для того чтобы я предоставил Марокко Франции?[10] — сказал незнакомец, громко расхохотавшись.

Мысль, которую намечал Люпен, казалась ему очень забавной, и он от души смеялся. Было огромное несоответствие между целью и средствами, предложенными к достижению ее.

— Несомненно… несомненно… — повторял незнакомец, напрасно стараясь принять серьезный вид, — несомненно, мысль очень оригинальная… Всю современную политику придется перевернуть вверх дном, чтобы Арсен Люпен получил свободу… Планы Империи уничтожены, и только для того, чтобы Арсен Люпен мог продолжить свои благородные подвиги… Ха… ха… ха… Вы бы просили Эльзас-Лотарингию?[11]

— Я думал об этом.

Смех посетителя громкими раскатами раздавался в камере.

— И что же, пощадили меня?

---

[10] Notes: 10

В 1881–1882 гг. французские войска оккупировали ряд оазисов на юго-восточных границах Марокко.

[11] Notes: 11

Эльзас и *Лотарингия* — провинции на востоке Франции. В 1871 г. большая часть Эльзаса и Восточная Лотарингия были переданы Германии.

— На этот раз — да.

Люпен стоял скрестив руки. Ему тоже казалось забавным преувеличивать свою роль, и он сказал почтительно и серьезно:

— Может создаться ряд таких обстоятельств, что у меня будет возможность требовать возвращения Эльзас-Лотарингии и получить ее. Конечно, тогда я воспользуюсь случаем. Но в настоящее время средства, которыми я располагаю, вынуждают меня быть более скромным в своих требованиях, и я удовольствуюсь миром в Марокко.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Марокко за вашу свободу?

— Да, только… или, вернее, потому, что не надо терять из виду главный предмет нашего разговора… немного уступчивости со стороны одного из государств по марокканскому вопросу… в обмен на письма, которые находятся в моем распоряжении.

— А, эти письма! — вырвалось раздраженное восклицание у посетителя. — Быть может, они вовсе и не стоят этого…

— В числе их есть написанные рукою Вашего Величества, и вы их настолько цените, что пожа-

ловали сюда за ними.

— Ну?

— Но, кроме того, там есть еще другие письма, о которых вы, может быть, не знаете и содержание которых я могу вам рассказать.

— Говорите, — сказал посетитель с беспокойным видом.

Люпен колебался.

— Говорите, говорите все, что вы знаете, не скрывая, — сказал незнакомец.

Среди глубокого молчания Люпен начал торжественно:

— Двадцать лет тому назад существовал проект договора между Германией, Англией и Францией.

— Это вранье! Не может быть! Кто мог бы…

— Отец императора и английская королева, его бабушка, под влиянием императрицы.

— Этого не может быть! Я повторяю вам!

— Переписка по этому поводу спрятана в замке Вельденц, а где именно — знаю только я один.

Посетитель ходил взад и вперед по камере. Потом вдруг остановился и спросил:

— Текст договора входит в эту переписку?

— Да, и он даже написан рукою вашего отца.

— Что там сказано?

— По этому договору Англия и Франция обещали свое содействие Германии в достижении ею безраздельного колониального владычества, к чему, как показывает политика Германии последнего времени, она очень стремится.

— И что взамен требовала Англия?

— Ограничения германского флота.

— А Франция?

— Эльзас-Лотарингию.

Император умолк, оперся одной рукой о стол и задумался.

Люпен продолжал:

— Все было готово. Кабинеты Лондона и Парижа, предчувствуя соглашение, были благоприятно настроены. Было сделано почти все для заключения союза между тремя великими державами, и мир был бы обеспечен. Смерть вашего отца уничтожила эту прекрасную мечту. Теперь я позволю себе спросить у Вашего Императорского Величества, что подумают ваши подданные, что скажет весь мир, когда узнает, что Фридрих Третий, герой войны семидесятого года, германец телом и душой, уважаемый всеми, вызывавший восхищение благородством своего характера, находил вполне справедливым и соглашался отдать обратно Эльзас-Лотарингию?

Он помолчал с минуту, желая, чтобы император в полной мере осознал его вопрос. И закончил:

— Я предоставляю воле Вашего Величества разрешить вопрос, будет ли этот факт занесен на страницы истории или останется неизвестным.

Наступило долгое молчание. Люпен ждал с тоскливым беспокойством.

Император стоял в полумраке камеры и думал.

Что он скажет?

Он прошелся по камере молча, потом остановился перед Люпеном и спросил:

— Есть другие условия?

— Да, Ваше Величество, одно, очень незначительное.

— Какое?

— Я нашел сына великого герцога Депон-Вельденц. Великое герцогство будет ему возвращено.

— Дальше?

— Он любит красивую и добродетельную девушку, она его тоже любит, и он женится на ней.

— Что еще?

— Это все.

— Больше ничего?

— Ничего. Остается только Вашему Величеству распорядиться отослать мое письмо редактору «Журналь», чтобы он уничтожил, не читая, ста-

тью, которую он должен получить с минуты на минуту.

Люпен протянул письмо дрожащей рукой, со сжатым от волнения сердцем. Если император возьмет письмо, значит условия приняты.

Император одну минуту колебался, потом резким движением взял письмо, надвинул на глаза фуражку, повернулся и вышел, не говоря ни слова.

Люпен стоял в продолжение нескольких секунд, шатаясь, как оглушенный, потом повалился на кровать с криком радости.

II

— Господин судебный следователь, сегодня я, к сожалению, должен проститься с вами.

— Как? Вы намереваетесь покинуть нас?

— Да, скрепя сердце, господин Формери, будьте уверены в этом, потому что у нас с вами были самые сердечные отношения. Но всякому удовольствию приходит конец. Мое лечение в этой великолепной лечебнице закончено, к тому же меня призывают другие обязанности, и сегодня ночью я думаю уехать отсюда.

— Желаю вам успеха, господин Люпен.

— Благодарю вас!

Арсен Люпен терпеливо ожидал часа своего освобождения, очень интересуясь, каким образом оно осуществится и как Франция, соединившись с Германией для этой похвальной цели, организует его побег без особенно большого скандала.

После обеда сторож позвал его и отвел во двор, где директор тюрьмы передал Люпена Веберу, а тот попросил его сесть в автомобиль, в котором уже кто-то был.

Увидев Вебера, Люпен расхохотался:

— Как, это ты? Бедняжка Вебер! На тебя ляжет ответственность за мой побег. Да, милый друг, тебе не везет. Ты прославился моим арестом, а мой побег сделает тебя бессмертным.

Он посмотрел на другого, сидевшего в автомобиле:

— Ба! Господин префект полиции! И вы, оказывается, замешаны в этом деле. Плохой подарочек вам сделали, не правда ли? Знаете, я посоветовал бы вам остаться в тени. Пусть Вебер один пользуется этой честью, она принадлежит ему по праву. Он здоров, выдержит!

Они быстро миновали Сену и Булонский лес, пересекли Сен-Клу.

— Великолепно! — воскликнул Люпен. — Мы едем в Гарш. Меня везут, чтобы восстановить

картину убийства барона Альтенгейма. Мы спустимся в подземелье, и вы будете рассказывать, что я исчез там, воспользовавшись другим выходом, известным только мне одному. Боже, как это идиотски глупо! Глупее глупого! Да вы обратились бы ко мне! Я составил бы вам такой проект моего побега — просто чудо искусства!

Люпен не ошибся. Он и два его спутника вошли в павильон Гортензии, потом спустились в подземный ход и дошли почти до другого конца его, где помощник начальника сыскной полиции сказал Люпену:

— Вы свободны.

— Благодарю вас, господин Вебер, — сказал Люпен. — Мой поклон супруге, господин префект. До свидания.

Он поднялся по лестнице, которая выходила на виллу Глисин, поднял трап и прыгнул.

Чья-то рука схватила его за плечо. Перед ним стоял один из его вчерашних посетителей, спутник императора. С ним было четыре человека.

— Что это за шутки, — воскликнул Люпен, — разве я не свободен?

— Да-да, свободен, — проворчал немец грубым голосом, — свободен проехаться с нами… если это вам угодно…

Во дворе дожидался большой автомобиль. Двое сели впереди, двое других — внутри. Люпен и немец разместились на задней скамейке.

— В дорогу! — крикнул по-немецки Люпен. — В замок Вельденц.

— Тише, — сказал граф, — эти люди не должны знать ничего. Говорите по-французски. Они не понимают. Да и к чему нам говорить.

«В самом деле, — сказал себе Люпен, — о чем мне с ним разговаривать?»

Весь вечер и всю ночь они ехали без перерыва. Только два раза останавливались ненадолго среди спавших деревень. По очереди немцы сторожили Люпена, проспавшего до самого утра. Для завтрака в первый раз остановились в небольшой дорожной гостинице, стоявшей на холме, недалеко от которого виднелся верстовой столб. Люпен увидел, что они были на полпути между Мецом и Люксембургом. Оттуда отправились по дороге, сворачивавшей к северу, в сторону Треви.

Люпен сказал своему товарищу по путешествию:

— Кажется, я имею честь говорить с графом Вольдемаром, личным другом императора? Ведь это вы производили обыск в доме великого герцога Германа Третьего?

Немец молчал.

«Ну, мой милый, — подумал Люпен, — твое обращение со мной мне не нравится. Ты мне за это заплатишь при случае».

И он прибавил громко:

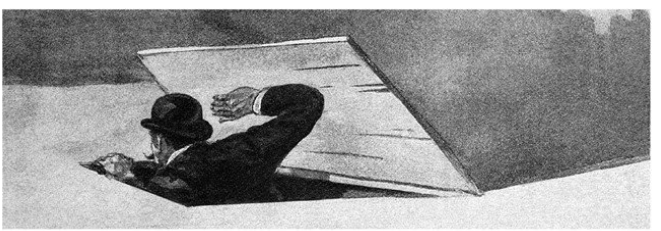
— Вы делаете ошибку, граф, отказываясь отвечать мне. Я говорю исключительно в ваших интересах. В тот момент, когда мы садились, я видел, как на горизонте показался автомобиль. Вы его видели?

— Нет. К чему вы это спрашиваете?

— Так.

— Но все-таки?

— Так, на всякий случай. Впрочем, мы идем минут на десять впереди… И наш автомобиль, кажется, имеет не менее сорока сил…



— Шестьдесят, — сказал немец, посматривая на Люпена с беспокойством.

— О, тогда можно быть спокойным.

Въехали на холм. Граф высунулся в окно и посмотрел назад.

— О, черт! — выругался он.

Потом обернулся к Люпену и сказал угрожающим тоном:

— Берегитесь! Если что-нибудь случится, вам придется плохо.

— Но чего же вы боитесь, дорогой граф? Это, наверное, просто путешественник или помощь, которую вам посылают.

Автомобиль догонял их. Он был на расстоянии всего двухсот-трехсот метров. Граф приказал своим людям, указывая на Люпена:

— Связать его. И если он будет сопротивляться… — Граф вынул револьвер.

— С какой стати я буду сопротивляться, любезный тевтон?[12] — сказал насмешливо Люпен и прибавил, в то время как ему связывали руки: — Ну что вам может сделать этот автомобиль? Что это, попытка освободить меня? Какая глупость!

---

[12] Notes: 12

Тевтоны — германские племена, которые во II в. до н. э. вторглись в римские владения. Позднее тевтонами иногда называли вообще всех германцев.

Не отвечая, граф отдавал распоряжения шоферу:

— Направо… Замедли ход… Пропусти… Если они поедут тише — остановись.

Но, к его большому удивлению, автомобиль, наоборот, удвоил скорость. Как буря, он пролетел в облаке пыли. В полуоткрытой карете автомобиля стоял человек, одетый в черное. Он поднял руку.

Раздались два выстрела.

Граф, закрывавший своей фигурой почти все окно, закачался и упал. Не обращая на него внимания, спутники графа бросились на Люпена и окончательно связали его.

— Дураки, — кричал Люпен, дрожа от бешенства. — Пустите меня! В погоню за ним, идиоты! Это черный человек… убийца!

Они завязали ему рот и только тогда занялись графом. Рана не была серьезной, и ее быстро перевязали.

Было восемь часов утра. Автомобиль стоял посреди поля, далеко от всякого жилья. Спутники графа не знали куда ехать. Что делать? Кого известить? Поставили автомобиль на опушке леса и стали ждать.

Так прошел весь день, и только вечером их нашел там отряд кавалерии, высланный из Треви

на розыски автомобиля.

Два часа спустя Люпен вышел из автомобиля, сопровождаемый двумя немцами, и при свете фонаря поднялся по лестнице в маленькую комнату, на окнах которой были железные решетки.

Здесь он провел ночь.

На следующее утро офицер повел его по двору, заполненному солдатами, к строениям, расположенным вокруг холма, на котором высились развалины замка.

Его ввели в большую комнату, скудно обставленную. За письменным столом сидел посетитель, бывший три дня назад у него в тюрьме, и читал газеты и доклады, размашисто делая пометки красным карандашом.

— Оставьте нас, — сказал он офицеру.

И, подойдя к Люпену, сказал:

— Документы.

Он говорил сдержанно, другим тоном. Теперь это был резкий и повелительный тон монарха.

— Документы, — повторил он.

Люпен нисколько не смутился и ответил спокойно:

— Они в замке Вельденц.

— Мы находимся в земельных владениях замка, около развалин Вельденца.

— Письма спрятаны в этих развалинах.

— Пойдем. Проведите меня.

Люпен не двигался.

— Ну?

— Да это не так просто, Ваше Величество. Нужно некоторое время…

— Сколько времени вам нужно?

— Двадцать четыре часа.

У императора вырвалось гневное движение, быстро подавленное.

— Между нами не было разговора об этом.

— Вы правы… Но и того маленького путешествия на машине, которое мне пришлось совершить, как преступнику, тоже не было в наших планах.

— Но вы получите свободу только тогда, когда передадите мне письма.

— Дело доверия, Ваше Величество. Если бы я был оставлен на свободе сейчас же по выходе из тюрьмы, Ваше Величество уже держали бы эти письма в своих руках. Ценой вашего недоверия стал потерянный день, а один день в этом деле — это очень много, очень…

Император смотрел на него с удивлением: этот авантюрист обижался на то, что ему не верят на слово!

Ничего не говоря, он позвонил.

— Дежурного офицера, — приказал он.

Вошел граф Вольдемар, очень бледный.

— Ах, это ты, Вольдемар? Ну что, ты оправился?

— К вашим услугам, государь.

— Возьми пять человек с собой… тех же самых, потому что ты уверен в них. И не отходи ни на

шаг от этого… господина до завтрашнего утра. — Он посмотрел на часы. — До десяти часов утра. Нет, я ему даю время до двенадцати часов. Ты будешь следовать за ним, куда бы ему ни вздумалось пойти, и делать все, что он тебе скажет. Одним словом, ты будешь в его распоряжении. Если до последнего удара двенадцати часов он не передаст мне связку писем, ты сядешь с ним в автомобиль и отвезешь его прямо в тюрьму Санте.

— А если он попытается бежать?

— Поступай как знаешь.

Он вышел.

Люпен взял со стола сигару и сел в кресло.

— Вот это хорошо. Очень мне нравится, когда так действуют, откровенно и решительно.

Граф позвал стражу и сказал Люпену:

— Пойдем.

— Нет.

— Как нет?

— Я думаю.

— О чем?

— О том, где могут быть спрятаны эти письма.

Граф отступил с удивленным выражением лица, а Люпен насмешливо продолжал:

— Самое интересное во всем этом приключении то, что у меня нет ни малейшего представления,

где могут быть спрятаны эти письма… Что вы скажете, дорогой граф? Не правда ли, забавно? Ни малейшего представления.

Глава пятая
Письма императора

I

Развалины замка Вельденц, хорошо известные всем путешественникам по Мозелю и Рейну, состоят из остатков старинного феодального замка, построенного еще в 1277 году архиепископом Фистингена, — огромной замковой башни, опустошенной набегами вражеских войск, и невредимых стен обширного дворца в стиле ренессанс, где жили великие герцоги Депон в течение трех столетий.

Этот дворец был разорен восставшими подданными великого герцога Германа Второго.

Пустые окна без стекол, как двести зияющих темных дыр, находятся в четырех стенах фасада. Вся внутренняя отделка деревом, обои и бóльшая часть мебели сгорели. Между полуобгоревшими балками разрушенного в некоторых местах потолка видно небо.

В два часа Люпен, сопровождаемый своей стражей, все осмотрел.

Его замешательство все более и более увеличи-

валось. Для того чтобы вырваться на свободу, он сделал вид, что знает, где спрятаны письма, на самом деле он и теперь не знал даже, с чего ему начать поиски.

«Дело плохо, — говорил он себе, — из рук вон плохо».

Вдобавок ко всему он не мог избавиться от мысли о своем преследователе. Как ему удалось напасть на след Люпена? Откуда он узнал о его освобождении из тюрьмы? О его поездке в Германию? Что это, чудесная способность угадывать? Или результат точного наблюдения? Но тогда, кто ему сообщает сведения о Люпене?

Все эти вопросы не оставляли его ни на минуту.

Около четырех часов, после вторичного осмотра развалин замка, в течение которого он исследовал стены, измерил их толщину, подробно и внимательно осмотрел каждую комнату, он спросил графа:

— Никого не осталось в живых из слуг последнего герцога?

— Все они разошлись, потеряны из виду. Только один из них продолжал жить в деревне недалеко от замка, но он умер два года назад.

— Детей у него не осталось?

— У него был сын, женатый. Его пришлось удалить вместе с женой по причине невозможного поведения обоих. Уехав, они оставили меньшую из своих дочерей, маленькую девочку Изильду.

— Где она живет?

— Она живет здесь, около служб замка. Ее дедушка показывал замок туристам, когда его еще можно было осматривать. Маленькая Изильда с тех пор живет здесь. Ее теперь держат из жалости, это невинное существо, лишенное рассудка: она очень мало говорит и едва ли сама понимает, что говорит.

— Давно это с ней?

— Кажется, нет. Начиная с десяти лет она постепенно начала терять рассудок.

— Почему? С горя? От испуга?

— Нет, говорят, что без причины. Должно быть, наследственное. Отец был алкоголиком, а мать

лишила себя жизни в припадке безумия.

Люпен подумал и сказал:

— Я хотел бы ее видеть.

Граф как-то странно улыбнулся:

— Почему нет? Конечно, вы можете ее увидеть.

Они нашли ее дома. К удивлению Люпена, это была миловидная девушка, очень худая и бледная, со светлыми волосами и нежным лицом. У нее были глаза с зеленоватым отливом и мечтательным, как у слепых, выражением.

Он задал ей несколько вопросов, на которые она ничего не ответила или бормотала бессвязные фразы, и казалось, что она не понимала ни смысла того, что ей говорили, ни смысла тех слов, которые сама произносила.

Люпен ласково взял ее руки в свои и мягким голосом начал расспрашивать ее о дедушке и о том времени, когда она была здорова. Она молчала, бессмысленно устремив глаза в пустоту. Люпен попросил карандаш и бумагу и написал на белом листе число 813.

Граф опять улыбнулся.

Девушка посмотрела на лист, который перед ней держали, и рассеянно отвернулась.

Люпен написал тогда: «Апоон».

Изильда также не обратила внимания.

Но Люпен не отказывался и продолжал попытки. Он несколько раз писал это слово, оставляя различные промежутки между буквами, и каждый раз внимательно вглядывался в лицо девушки. Она сидела неподвижно и смотрела на бумагу с таким равнодушием, которое, казалось, ничто не могло смутить. Но вдруг она схватила карандаш, вырвала из руки Люпена лист бумаги и написала два Л в промежутке, оставленном Люпеном.

Последний невольно вздрогнул.

Перед ним было слово «Аполлон».

Но Изильда не выпустила из рук ни карандаша, ни бумаги и продолжала судорожно сжимать пальцы.

Люпен с нетерпением ждал.

Она быстро, как будто во сне, написала другое слово: «Диана».

— Еще слово… еще слово! — воскликнул Люпен.

Но ее пальцы вдруг разжались, и она бросила карандаш.

— Другое слово, я этого хочу! — приказал Люпен.

Ее потухшие глаза ничего не выражали.

— Пойдемте отсюда, — сказал он.

Они уже уходили, когда она бросилась за ними и встала, преграждая ему дорогу. Он остановился:

— Чего тебе?

Она протянула руку.

— Что? Денег? Разве она имеет привычку нищенствовать? — спросил он, обращаясь к графу.

— Нет, — ответил тот, — и я в первый раз вижу, что…

Изильда вынула из кармана две золотые монеты и радостно подкидывала их на ладони. Люпен посмотрел на деньги. Это были французские монеты, совершенно новенькие, чеканки текущего года.

— Откуда ты взяла их? — воскликнул Люпен с волнением. — Французские деньги!.. Кто тебе их дал? Когда? Сегодня? Ну, отвечай!

Он пожал плечами.

— Фу, как я глуп, разве может она мне ответить?.. Дорогой граф, будьте добры одолжить мне сорок марок… Благодарю. Получай, Изильда, вот тебе.

Она взяла монеты и, побрякивая ими, протянув руку, показала на развалины замка эпохи Ренессанс или, вернее, на левое крыло замка и его верхнюю часть. Было ли это машиналь-

ным движением? Или этим жестом она хотела поблагодарить за две золотые монеты? Люпен посмотрел на графа. Тот продолжал улыбаться.

«Что это толстяк все время смеется? — подумал Люпен. — Можно подумать, он насмехается надо мной».

На всякий случай он направился к развалинам дворца, сопровождаемый своей стражей.

Внизу, на первом этаже дворца, были огромные приемные залы, следовавшие один за другим, в которых стояла мебель, уцелевшая от пожара. В бельэтаже с северной стороны была длинная галерея, в которую выходили двери двенадцати красивых залов, совершенно похожих один на другой.

Такая же галерея была и на третьем этаже, с той только разницей, что в нее выходили двери из двадцати четырех комнат, опять-таки совершенно одинаковых. Все это было в запустении и разрушено. Наверху ничего. Мансарды сгорели.

В течение часа Люпен без устали ходил по дворцу, напряженно искал. К вечеру он направился в один из двенадцати залов второго этажа.

К его удивлению, там сидел император в кресле, которое принесли по его приказанию, и курил.

Не обращая внимания на его присутствие,

Люпен приступил к осмотру зала, по своему обыкновению в таких случаях разделяя комнату на части и осматривая внимательно каждую часть.

Через двадцать минут он сказал:

— Я осмелюсь немного побеспокоить Ваше Императорское Величество, мне надо осмотреть здесь камин.

Император покачал головой.

— Нужно ли это?

— Да, государь, этот камин…

— Этот камин такой же, как и остальные камины. И этот зал такой же, как и другие залы.

Люпен смотрел на императора, ничего не понимая.

— Мне кажется, господин Люпен, что вы немного посмеялись надо мною.

— Каким образом, Ваше Величество?

— Ну да! Это, конечно, пустяки! Вы получили свободу с условием передать нужные мне письма, а оказывается, вы не имеете ни малейшего представления, где они могут находиться! Выходит, что вы меня великолепнейшим образом провели.

— Вы думаете, государь?

— Да конечно же! Если бы вы знали — вы бы не искали. А вы в продолжение целых десяти

часов ищете. Не лучше ли будет вам немедленно отправиться обратно в тюрьму?

— Ваше Величество изволило определить крайний срок для передачи писем завтра, в двенадцать часов? — изумился Люпен.

— Для чего ждать?

— Чтобы я мог окончить розыски.

— Ваши розыски вы и не начинали! Впрочем, докажите, и я подожду до завтра.

— Если Вашему Величеству нужны доказательства, то я скажу вот что: каждый из двенадцати залов, выходящих в эту галерею, носит свое имя, начальная буква которого помечена над дверью. Одна из этих букв, менее других тронутая пламенем, обратила мое внимание. Я осмотрел остальные двери, и оказалось, что над каждой с трудом, но можно разобрать буквы. Так, одна дверь помечена буквой Д — начальная буква слова «Диана», другая — буквой А — «Аполлон», над третьей — Ю — «Юпитер» и так далее. Я подумал, что каждый зал носит имя мифологического божества, и слово «Апоон», поправленное Изильдой, означает зал Аполлона. Это тот самый зал, где мы находимся, быть может, я сейчас найду письма…

— Да, через несколько минут… или лет, —

сказал император смеясь, — господин Люпен, то самое расследование, которое вы с таким блестящим успехом ведете, мною уже сделано. Две недели тому назад вместе с вашим другом Херлоком Шолмсом. Мы расспросили Изильду, применили тот же метод, что и вы, вместе открыли инициалы над дверями залов и пришли сюда, в зал Аполлона.

Люпен покраснел и пробормотал:

— Херлок Шолмс был в этом зале?

— Да, после четырех дней поисков. Правда, от этого мы ненамного продвинулись вперед, мы ничего не нашли, но зато я точно знаю, что здесь писем нет.

Сдерживая себя, Люпен сказал:

— Херлоку Шолмсу понадобилось четыре дня на то, что я сделал в течение нескольких часов. И я употребил еще бы меньше времени, если бы мне не мешали…

— Кто же? Уж не мой ли верный граф?

— О нет, Ваше Величество, мой самый страшный враг — это адское чудовище, убившее своего сообщника Альтенгейма.

— Как, он здесь? — воскликнул император.

— Он всюду следует за мной. Он мучает меня своей упорной ненавистью. Это он угадал, что я

был Ленорманом, начальником сыскной полиции, это он упрятал меня в тюрьму, и, наконец, он опять преследует меня с того момента, как я вышел из тюрьмы. Вчера, думая попасть в меня, он стрелял и ранил графа Вольдемара.

— Но почему вы думаете, что он здесь, в Вельденце? Кто вам сказал это?

— Изильда получила две золотые монеты, французские деньги.

— Зачем он приехал сюда? Какая у него может быть цель?

— Я не знаю, но это сам злой дух. Пусть Ваше Величество опасается! Он способен на все.

— Не может быть! Здесь двести человек, в этих развалинах. Его бы увидел кто-нибудь.

— Его и видели.

— Кто?

— Изильда.

— Расспросить ее! Вольдемар, отведи своего пленника к этой девушке.

Люпен показал на свои связанные руки:

— Мне неудобно бороться в таком положении.

Император сказал графу:

— Развяжи его!

Люпен спокойно вздохнул. Призрак страшного убийцы, витавший над старым замком, помог

ему выиграть время. Люпен снова брал инициативу в свои руки.

«Еще шестнадцать часов, — подумал он. — Это даже больше, чем мне нужно».

Они направились к комнате Изильды, которая находилась в конце бывших служб замка, теперь занятых под казармы, причем все левое крыло было предоставлено офицерам.

Изильды там не было.

Граф послал за ней двух человек. Они вернулись. Никто не видел молодой девушки, и в то же время она не могла выйти за ограду замка. В само́м же замке было около ста человек солдат, и никто не мог туда войти.

Наконец жена одного офицера, жившая в соседней квартире, заявила, что она не отходила от окна и не видела, как проходила молодая девушка.

— Если бы она выходила, — сказал Вольдемар, — то она была бы здесь, а ее здесь нет.

Люпен спросил:

— Над нами есть еще этаж?

— Да, но из этой комнаты нет лестницы наверх.

— Нет, есть, — сказал Люпен, показывая на маленькую дверь, открывавшуюся в полутемный

коридор, где виднелись ступени лестницы, круто подымавшейся вверх.

— Виноват, дорогой граф, я вас попрошу предоставить эту честь мне, — сказал Люпен Вольдемару, собиравшемуся подняться по лестнице.

— Почему?

— Здесь может быть опасно.

Он быстро взобрался наверх и очутился на низких тесных антресолях.

Невольный крик вырвался у него.

— Что случилось? — спросил граф, последовавший за ним.

— Здесь… на полу… Изильда.

Он встал на колени около нее и сейчас же убедился, что девушка была только оглушена: при наружном осмотре не было видно ни ран, ни повреждений, только царапины на руках. Рот у нее был заткнут носовым платком.

— Все понятно, — сказал он. — Убийца был здесь и разговаривал с ней. Когда мы пришли, он оглушил ее ударом кулака и заткнул ей рот, чтобы мы не слыхали стонов.

— Но как же он убежал?

— Да вот так... здесь... через этот коридор, соединяющий мансарды бельэтажа.

— А оттуда?

— Оттуда спустился по лестнице в одну из квартир.

— Но его бы видели?!

— Ба! Почем знать, может быть, он невидим. На всякий случай пошлите кого-нибудь обыскать

квартиры бельэтажа, первого этажа и мансарды.

Люпен стоял в нерешительности, не зная, направиться ли ему также на розыски убийцы. Но легкий шум около него привлек его внимание. Молодая девушка пришла в себя, встала, и из ее руки выпало штук десять золотых монет. Он осмотрел их. Это были французские деньги.

— Да, я не ошибся, — сказал он, — только за что так много денег?

Вдруг он увидел на полу книгу и нагнулся, чтобы поднять ее, но молодая девушка предупредила его, быстро схватила книгу, прижала ее к себе с такой силой, точно готова была защищать ее во что бы то ни стало.

«Да, это так, — подумал он, — деньги были предложены за книгу, но девушка не пожелала с ней расстаться. Поэтому и царапины на руках. Все-таки интересно было бы узнать, зачем убийце понадобилась книга и удалось ли ему сначала просмотреть ее».

И он сказал, обращаясь к Вольдемару:

— Дорогой граф, распорядитесь, пожалуйста.

Вольдемар сделал знак. Трое набросились на девушку, и после ожесточенной борьбы, во время которой Изильда бешено сопротивлялась и извивалась, кусаясь и крича, удалось вырвать у

нее книгу.

— Тише, тише, — говорил Люпен, — успокойся, милая. Это делается с хорошими целями. Не выпускайте ее, а я просмотрю пока книгу.

Это был старинный растрепанный томик Монтескье, которому было по крайней мере около ста лет. Но едва Люпен открыл его, как он громко воскликнул:

— Та-та-та, это странно. На обратной стороне каждой страницы приклеен пергаментный листок, покрытый мелким сжатым почерком. Он прочел вначале: «Дневник дворянина Жиля де Мальреш, французского слуги Его Королевского Высочества принца Депон-Вельден, начатый в лето от Рождества Христова, тысяча семьсот девяносто четвертого».

— Как, там написано это? — спросил граф.

— Что это вас так удивляет?

— Дедушка Изильды, старик, умерший два года тому назад, назывался Мальрейхом, это та же самая фамилия — переделанная по-немецки.

— Да, совершенно верно. Дедушка Изильды был сыном или внуком французского слуги, писавшего дневник, и таким образом он попал в руки Изильды.

Он стал перелистывать книгу.

«*15 сентября 1796 г.* Герцог ездил верхом. Подавали Купидона».

«*20 сентября 1796 г.* Его Высочество герцог охотился».

— Черт возьми, — пробормотал Люпен, — пока не очень увлекательно.

Он читал дальше.

«*12 марта 1803 г.* Я послал десять экю Герману. Он сейчас поваром в Лондоне».

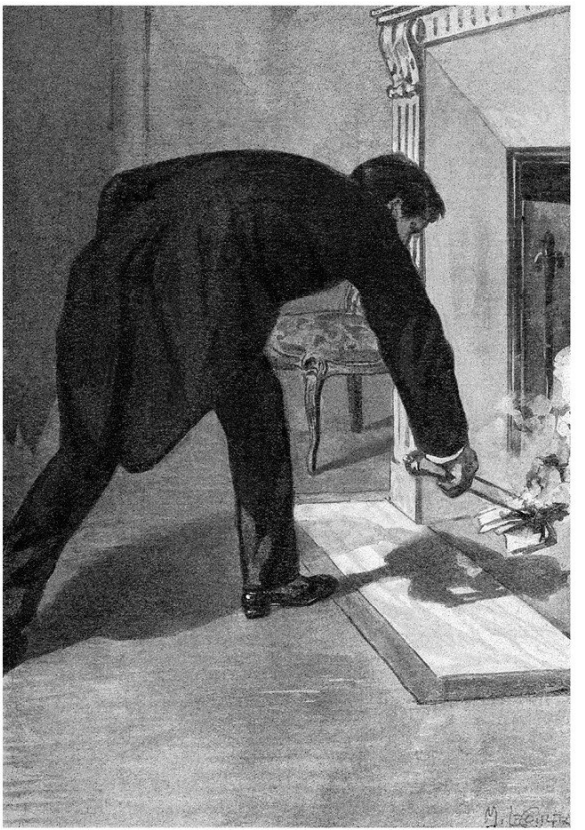
Люпен расхохотался:

— Ого, Герман лишен трона, и почтительность слуги исчезла.

— Действительно, великий герцог, — заметил Вольдемар, — был изгнан из своих владений французскими войсками.

Люпен продолжал:

«*1809 г.* Сегодня, во вторник, Наполеон ночевал в Вельденце. Я готовил постель Его Величеству и утром убирал после него комнату».



— А, — сказал Люпен, — Наполеон останавливался в Вельденце?

— Да-да, по пути к своей армии, во время австрийского похода, закончившегося Ваграмом[13]. Этой честью герцогская фамилия впоследствии очень гордилась.

Люпен читал дальше:

«*28 октября 1814 г.* Его Королевское Высочество возвратились в свои владения.

29 октября 1814 г. Сегодня ночью я провел Его Высочество к тайнику и был очень счастлив показать ему, что никто не догадался о существовании тайника. Впрочем, кому может прийти в голову, что он сделан в…»

Люпен с криком остановился: Изильда вырвалась из рук державшей ее стражи, выхватила у Люпена книгу и бросилась бежать.

— Бегите за ней вниз… я пойду по коридору…

Но она заперла за собою дверь на замок и задвижку. Пришлось идти по коридору мансард в поисках лестницы, чтобы спуститься в бельэтаж. Одна из квартир была пустой и оказалась открытой, но наружная дверь была заперта, пришлось стучать, ломать замки, в то время как Вольдемар

---

[13] Notes: 13

Ваграм — селение в Австрии, где в июле 1809 г., во время австро-французской войны, войска Наполеона I разбили австрийскую армию.

с саблей в руках старательно обыскивал комнаты, поднимал занавеси и переставлял мебель.

Вдруг послышались крики на первом этаже, и все бросились туда. Звала жена одного из офицеров, утверждая, что Изильда у нее в квартире.

— Как вы это узнали? — спросил Люпен.

— Я возвращалась к себе, но нашла дверь запертой, и изнутри слышались звуки шагов.

Действительно, дверь была заперта.

— Скорее… через окно… в какое-нибудь из окон! — закричал Люпен. Выбежав наружу, он выхватил саблю из рук Вольдемара и одним ударом разбил стекло.

Поддерживаемый двумя солдатами, он вскарабкался, отворил окно и прыгнул внутрь комнаты. Около камина в отблеске пламени он увидел Изильду.

— О, безумная! — воскликнул он. — Она бросила книгу в огонь.

Грубо оттолкнув ее, он хотел вытащить книгу, но только обжег себе руки. Тогда при помощи щипцов он все-таки вытащил ее из камина и стал тушить, заворачивая в ковер. Но было слишком поздно. Листы старинной книги истлели и обратились в пепел.

II

Люпен долго смотрел на Изильду.

— Можно подумать, будто она знает, что делает, — сказал граф.

— Нет-нет, она не понимает. Вернее всего, дедушка завещал ей беречь эту книгу как драгоценность, которую никто не должен видеть, и инстинктивно она предпочла лучше бросить ее в огонь, чем отдать кому-нибудь.

— Ну а теперь?

— Что «теперь»?

— Да вы не найдете, где спрятаны письма.

— Ах, дорогой граф, вы только что видели, что я почти достиг цели. И конечно, не считали меня обманщиком. А теперь? Будьте спокойны, Вольдемар. Люпен никогда не теряется. Я найду письма.

— До двенадцати часов завтрашнего дня?

— До двенадцати часов ночи сегодня, а сейчас я умираю от голода, и вы были бы очень добры, дорогой граф…

Его провели в большую комнату, столовую унтер-офицеров, и подали сытный обед, а граф в это время отправился с докладом к императору.

Через двадцать минут Вольдемар вернулся, и

они оба сидели друг против друга молча и задумавшись.

— Вольдемар, нельзя ли хорошую сигару? Благодарю…

Он закурил сигару и через две минуты сказал:

— Вы можете курить, граф, это меня не беспокоит.

Прошел час. Вольдемар дремал и время от времени, чтобы разогнать сон, выпивал рюмку коньяку.

Часовые расхаживали взад и вперед.

— Кофе, — приказал Люпен.

Ему принесли кофе.

— Фу, какой скверный! — проворчал он. — Неужели это пьет император? Еще чашку, пожалуйста. Вольдемар, придется посидеть сегодня ночь. А! Какой скверный кофе.

Он закурил сигару и замолчал.

Время шло, он не двигался и не говорил ни слова.

Вдруг Вольдемар вскочил и закричал с возмущенным видом:

— Эй! Встать!

Люпен в это время насвистывал что-то и продолжал насвистывать.

— Встать! Вам говорят!

Люпен обернулся. В комнату входил император. Он встал.

— Ну как?..

— Я думаю, Ваше Величество, еще немного времени — и письма будут у вас.

— Что? Вы знаете, где спрятаны письма?

— Теперь почти. Еще некоторые подробности от меня ускользают… Но на месте все выяснится.

— Нам оставаться здесь?

— Нет, я осмелюсь попросить Ваше Величество пройти со мной в замок. Но еще есть время, и, если Ваше Величество позволит мне, я обдумаю два-три пункта.

Не ожидая ответа, к великому ужасу Вольдемара, он сел.

Через несколько минут император, отошедший в сторону и разговаривавший с Вольдемаром, подошел и спросил:

— Господин Люпен, вы готовы теперь?

Люпен молчал. Он повторил вопрос и нагнулся:

— Но он спит…

Вольдемар схватил Люпена за плечи и стал его бешено трясти. Люпен свалился со стула и неподвижно лежал на полу.

— Что с ним? — воскликнул император. — На-

деюсь, он не умер?

— Как он бледен… лицо как воск. Посмотри, Вольдемар… пощупай сердце… Что, он жив?

— Да, государь, — сказал граф через минуту. — Сердце бьется правильно.

— Что же тогда с ним? Я ничего не понимаю…

— Может быть, позвать доктора…

— Иди скорей…

Доктор нашел Люпена в том же положении, неподвижно лежавшим на полу. Он велел перенести его на кровать, внимательно осмотрел его и спросил, что он ел.

— Вы думаете, что он отравлен?

— Нет, государь, признаков отравления нет. Но я предполагаю… Что здесь, на подносе, в чашке?

— Кофе, — ответил граф.

— Для вас?

— Нет, для него. Я не пил.

Доктор налил несколько капель кофе, попробовал и сказал:

— Да, я не ошибся: он усыплен наркотическим средством.

— Но кем? — гневно воскликнул император. — Это возмутительно! Вольдемар, что здесь происходит?

— Ваше Величество…

— А… довольно! Я начинаю думать, что этот человек прав: действительно, кто-то есть в замке. Золотые монеты… наркотическое средство…

— Ваше Величество, если бы кто-нибудь пробрался за ограду, то его давно бы нашли. Целых три часа ищут…

— И все-таки это не я приготовил этот кофе, уверяю тебя… И думаю, что не ты… Так что ищи! В твоем распоряжении двести человек, и казармы не так велики. Быть может, убийца бродит вокруг них… около кухни… почем я знаю? Ну, иди!

Всю ночь толстый граф добросовестно искал. Но поиски оказались бесполезны.

Всю ночь Люпен провел в постели, не шевелясь. Утром доктор, не покидавший больного всю ночь, послал сказать императору, что Люпен все еще спит.

В девять часов Люпен сделал первое движение, усилие проснуться… Через полчаса он чуть слышно спросил:

— Который час?

— Тридцать пять минут десятого.

Видно было, как он делал усилия, чтобы стряхнуть с себя действие наркотика и проснуться. Часы пробили десять. Он вздрогнул и сказал:

— Отнесите меня… отнесите меня в замок.

С разрешения доктора Вольдемар позвал солдат, а также послал известить императора. Люпена положили на носилки и понесли в замок.

— На второй этаж, — сказал он слабым голосом.

Поднялись на второй этаж.

— Конец коридора, последняя комната налево.

Его принесли в последнюю, двенадцатую комнату и дали ему стул, на который он сел, совершенно изможденный. Пришел император. Люпен не двигался и сидел с бессознательным видом. Через несколько минут, казалось, он проснулся, обвел глазами комнату, потолок, окружавших его людей и спросил:

— Наркотическое средство?

— Да, — ответил доктор.

— Нашли… того?

— Нет.

Казалось, он задумался, покачал головой, скоро заметили, что он спит. Император подошел к Вольдемару:

— Распорядись, чтобы приготовили твой автомобиль.

— Но, государь…

— Я начинаю думать, что он насмехается над нами…

— Может быть, действительно… — согласился Вольдемар.

— Он ничего не знает! Его история с золотыми монетами и наркотическим средством… все это им подстроено. Если мы и дальше будем продолжать эту забаву, он выскочит у нас из рук. Автомобиль, Вольдемар!

Граф отправился распорядиться, чтобы подали автомобиль, и вернулся. Люпен все еще не просыпался. Император, осматривавший зал, спросил у Вольдемара:

— Это зал Минервы, так?

— Да, Ваше Величество.

— Зачем же здесь буква Н в двух местах?

Действительно, одна буква Н находилась над камином, а другая — над старинными часами, вделанными в стену, сложный механизм которых и неподвижно висевшие гири были видны, потому что весь футляр был почти сломан.

— Да, это два Н, — ответил граф.

Император не слыхал ответа, он смотрел на Люпена, который задвигался, открыл глаза и пробормотал что-то бессвязное. Он встал, сделал несколько шагов по залу и упал на стул без сил.

Это было тяжелое, удручающее зрелище.

— Он страдает, — тихо сказал Вольдемар.

— Или, по крайней мере, изображает страдание, — заявил император, — мастерски играет. Какой комедиант!

Люпен простонал:

— Укол, доктор… укол кофеином… сейчас же. Сколько минут осталось до двенадцати?

— Сорок, — ответили ему.

— Сорок… О, я найду, непременно… необходимо…

Он сжал себе голову руками.

— Ах, если бы у меня была, как всегда, ясная светлая голова. Это было бы дело одной секунды… Нет, я не могу уловить… один пункт… это ужасно…

Его плечи вздрагивали, точно он плакал. Было слышно, как он тихо повторял:

— Восемьсот тринадцать… Восемьсот тринадцать… — И еще тише: — Восемь, один, три… но почему? Нет, это неясно.

Император вполголоса сказал Вольдемару:

— Он производит сильное впечатление. Неужели так можно притворяться?

Половина двенадцатого… три четверти…

Люпен сидел неподвижно, прижав руки к вискам.

Император ждал и смотрел на хронометр в ру-

ках Вольдемара. Осталось десять минут… пять…

— Вольдемар, автомобиль подан? Стража готова?

— Да, государь.

— Твой хронометр с боем?

— Да, государь.

— При последнем ударе двенадцати часов ты…

— Но…

— При последнем ударе двенадцати часов, Вольдемар…

Император не скрывал своего волнения. Этот странный авантюрист, называвший себя Арсеном Люпеном, жизнь которого, полная приключений, была ему известна, этот человек смущал его… и, хотя он решил покончить с этой двусмысленной историей, он все-таки не мог удержаться, чтобы не ждать и не надеяться.

Две минуты… одна минута…

Люпен, казалось, заснул.

— Собирайся, — сказал император графу.

Тот подошел и положил руку на плечо Люпена. Серебряный звонок хронометра дрогнул… раз, два, три, четыре, пять…

— Вольдемар, подыми гири у старых часов.

Минута общего изумления. Это говорил Люпен совершенно спокойно. Граф пожал плечами,

обиженный тем, что Люпен обращался к нему на «ты».

— Слушайся, Вольдемар, — сказал император.

— Слушайся, слушайся, Вольдемар, — продолжал Люпен, к которому вернулась его обычная ирония. — Ты на это способен. Подыми гири… одну… другую… Великолепно. Вот как в старину заводили часы.

Действительно, маятник стал качаться и послышались мерные звуки: тик-так, тик-так…

— Теперь стрелки, поставь их около двенадцати… Так… довольно, я сам.

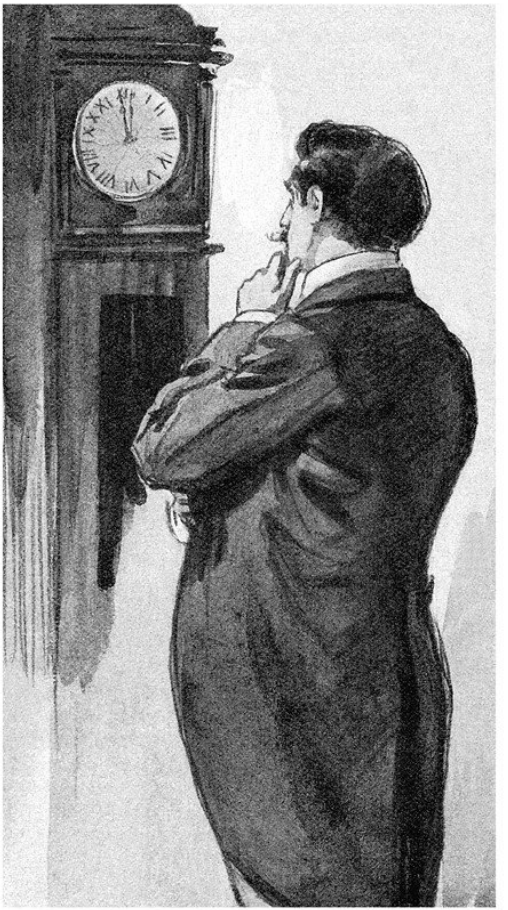
Он встал и остановился около часов, внимательно глядя на циферблат. Раздались двенадцать гулких и медленных ударов.

Долгое молчание. Ничего не произошло. Император ждал, точно он был уверен, что нечто должно было произойти. Вольдемар тоже не двигался, вытаращив глаза. Люпен нагнулся близко к циферблату и через минуту тихо сказал:

— Верно, нашел.

Он вернулся, сел на стул и сказал:

— Вольдемар, поставь стрелки без двух минут двенадцать. Нет-нет, не назад… вперед, нормальным ходом… Немножко долго, но что делать…



Часы стали бить, отсчитывая час за часом, до половины двенадцатого.

— Послушай, Вольдемар, — сказал Люпен серьезно, без всякой насмешки, взволнованным голосом, — послушай, Вольдемар, ты видишь цифру один на циферблате? Она движется, не так ли? Нажми на нее указательным пальцем левой руки. Хорошо. Теперь большим пальцем левой руки нажми на цифру три. Так. А правой рукой нажми на цифру восемь. Так. Благодарю. Садись.

Через минуту большая стрелка встала на двенадцать и раздался вновь бой часов.

Люпен молчал, бледный, с горящими глазами. Вокруг была мертвая тишина. При двенадцатом ударе что-то щелкнуло, часы остановились, и маятник замер. Вдруг бронзовое украшение, изображавшее голову барана, отскочило, и показалось маленькое углубление, выдолбленное в камне стены. Там стоял серебряный ящик с резной крышкой.

— Да, вы правы, — сказал император.

— А вы сомневались, Ваше Величество? — спросил Люпен. Он взял ящик и подал его императору. — Откройте сами, Ваше Величество. Письма, которые вы мне поручили найти, находятся там.

Император поднял крышку и отступил в удивлении — ящик был пуст.

III

Ящик был пуст!

Люпен вытер капли пота со лба, потом быстро взял ящик, перевернул его, осмотрел, точно надеялся найти двойное дно.

— Кто мог это сделать? — спросил император.

— Все он же, Ваше Величество. Тот, кто преследует меня, следит за мной, убийца Кессельбаха.

— Когда?

— Сегодня ночью. Ах, Ваше Величество! Если бы вы оставили меня на свободе после выхода из тюрьмы! Я отправился бы сюда, не теряя ни минуты. Я приехал бы раньше его! Раньше его я дал бы деньги Изильде и прочел бы дневник Мальрейха!

— Вы думаете, что он узнал все от Изильды?

— Конечно, он успел прочесть, и, осведомленный о каждом нашем движении — я не знаю кем, — он усыпил меня в эту ночь, чтобы я не помешал ему.

— Но замок охраняли!

— Охраняли солдаты Вашего Величества. Разве это остановит такого человека, как он? Да, я уве-

рен, что Вольдемар сосредоточил все розыски на казармах и, наверное, оставил замок без охраны.

— Но бой часов? Двенадцать ударов ночью?

— Надо было чем-нибудь отвлечь внимание и помешать часам звонить.

— Все это кажется мне невероятным.

— Для меня, Ваше Величество, наоборот, все очень ясно. Если бы можно было обыскать карманы ваших солдат или узнать все расходы, которые они сделают в течение года, то, поверьте, нашли бы у двоих-троих банковые билеты, французские конечно.

— О нет, — запротестовал Вольдемар.

Император не слушал, погруженный в свои размышления. Он прошелся по комнате, потом сделал знак одному из офицеров, находившихся в галерее, и сказал:

— Автомобиль… и собирайтесь, мы уезжаем.

Он остановился, посмотрел на Люпена и подошел к графу:

— Ты, Вольдемар, тоже отправляйся… прямо в Париж… одним перегоном.

Люпен прислушивался. Он слышал, как Вольдемар ответил:

— Лучше взять человек двенадцать с собой… с этим чертом…

— Возьми их и отправляйся скорее. Надо, чтобы ты вернулся сегодня ночью.

Люпен с силой топнул ногой:

— Нет-нет! Всё, но только не это, Ваше Величество. Этого не будет, клянусь вам, никогда!

— Как не будет?

— А письма? Украденные письма?

— Ну…

— Итак, — воскликнул Люпен, скрестив руки, — Ваше Величество признает себя побежденным, отказывается от борьбы! Но только не я. Я начал — и я кончу!

Император улыбнулся его горячности:

— Я не отказываюсь от борьбы, но моя полиция займется ею.

Люпен нервно расхохотался:

— Пусть Ваше Величество извинит меня. Но это так смешно! Полиция Вашего Величества! Но она стоит столько же, сколько и вся полиция в мире, то есть ровно ничего. Нет, Ваше Величество, я не вернусь в Санте. Я не боюсь тюрьмы, это пустяки! Но потеряно слишком много времени. Мне нужна свобода для борьбы с этим человеком, и я оставляю ее себе.

Император пожал плечами:

— Но ведь вы даже не знаете, кто этот человек!

— Я это узнаю, Ваше Величество. И только я один могу это узнать. Я единственный его враг. Только на меня одного он нападает. Меня он хотел убить на следующий же день после моего выхода из тюрьмы. Ему было достаточно усыпить меня сегодня ночью, чтобы действовать свободно и не бояться никого. Дуэль между нами. Никто не может помочь ни мне, ни ему. Нас двое, и это не касается больше никого в целом мире. До сих пор успех был на его стороне. Но в конце концов неизбежно перейдет на мою.

— Почему?

— Потому что я сильнее.

— А если он вас убьет?

— Он не убьет меня. Я вырву ему когти, я сделаю безвредным это чудовище. И вы получите письма, Ваше Величество. Они принадлежат вам. И нет в мире силы, которая могла бы помешать мне возвратить их вам.

Он говорил с такой силой и так убедительно, что невольно казалось, что все, пока только обещанное им, уже исполнилось.

Император не мог подавить в себе странного чувства, в котором была и некоторая доля восхищения, и много доверия, которого так властно требовал по отношению к себе Люпен. И его оста-

навливало только нежелание воспользоваться для своих целей таким человеком, как Арсен Люпен, сделать из него как бы своего союзника. Он колебался и, не зная, на что решиться, прошелся по галерее. Наконец он спросил:

— А кто нам может поручиться, что письма украдены сегодня ночью?

— Там поставлено число, Ваше Величество.

— Где?

— Посмотрите на внутреннюю сторону украшения, скрывавшего углубление, там написано мелом: полночь, двадцать четвертое августа.

— Да… в самом деле, — сказал император. — Как же я раньше не заметил?

И он добавил, желая удовлетворить свое любопытство:

— Еще вот эти две буквы Н на стене… я совсем не понимаю их значения. Ведь это же зал Минервы.

— В этом зале спал Наполеон, император Франции, — сказал Люпен.

— Откуда вы знаете?

— Спросите Вольдемара, Ваше Величество. Когда я просматривал дневник старого слуги, то это открытие блеснуло у меня в голове. Я сразу понял, что мы с Шолмсом шли по неверному пути. «Апоон» — часть слова, написанного в пред-

смертной агонии великим герцогом Германом, и оно значило не Аполлон, а Наполеон.

— Это верно… вы правы, — сказал император, — те же самые буквы в одинаковом порядке повторяются и в одном, и в другом слове. Без сомнения, великий герцог хотел написать «Наполеон». А что же значит «восемьсот тринадцать»?

— Решение этого вопроса потребовало больше всего усилий. Я всегда полагал, что надо складывать эти цифры — восемь, один и три, и получающееся число двенадцать означает этот двенадцатый зал. Но этого было мало. Тут было еще что-то другое, чего я не мог отгадать. Вид этих часов, находившихся в зале Наполеона, помог мне разрешить этот вопрос. Число двенадцать, очевидно, обозначало двенадцать часов. Полдень, полночь! Это самый торжественный момент, и его чаще всего выбирают для решительных поступков. Но почему именно восемь, один и три, а не другие цифры, сумма которых дала бы двенадцать? Для этого я заставил завести часы, чтобы они пробили двенадцать. И в то время, как они били, я заметил, что цифры, обозначающие первый, третий и восьмой часы, — движутся, а другие цифры неподвижны. Следовательно, я получил цифры один, три, восемь, расположенные в

более ясном порядке, вместе они дают восемьсот тринадцать. Вольдемар нажал на эти три цифры, и тайник открылся. Вот объяснение таинственного слова и числа восемьсот тринадцать, которые были написаны умирающим герцогом в надежде, что его сын, руководствуясь этими признаками, откроет секрет и достанет знаменитые письма.

Император слушал его внимательно, все более и более удивляясь той тонкости ума, сообразительности и разумной воле, которую обнаруживал этот человек.

— Вольдемар, — сказал он.

— К услугам Вашего Величества.

Но в тот момент, когда он хотел говорить, послышался шум и голоса в коридоре. Вольдемар пошел справиться и вернулся.

— Это Изильда, государь. Она хочет войти сюда, но ее не впускают.

— Пустите ее, — воскликнул Люпен с живостью. — Надо, чтобы ее впустили, Ваше Величество.

По знаку императора Вольдемар отправился за Изильдой.

Когда девушка вошла, все присутствующие крайне изумились. Ее лицо, обычно такое бледное, было покрыто черными пятнами. Она тяжело

дышала, судорожно прижимая руки к груди.

— О! — воскликнул Люпен, отступая в ужасе.

— Что такое? — спросил император.

— Вашего доктора, государь, нельзя терять ни минуты!

И, подойдя к ней, Люпен сказал:

— Ну, говори, Изильда… Ты видела что-то… Ты хочешь сказать…

Девушка стояла неподвижно. Что-то блистело в ее взоре, она пыталась говорить, но у нее вырывались лишь бессвязные звуки.

— Послушай, — сказал Люпен, — отвечай: да или нет… наклоном головы… Ты его видела? Ты знаешь, кто он? Слушай, Изильда, если ты не будешь отвечать… — Он подавил гневное движение. Но вдруг, вспомнив, каким путем ему удалось получить от нее признание вчера, он написал на стене две большие буквы: Л и М.

Она протянула руку, указывая на буквы и кивая утвердительно головой.

— Ну а дальше? — сказал Люпен. — Дальше… Напиши…

Но она упала на землю с резким, пронзительным криком и лежала, корчась в конвульсиях. Через минуту ее лицо стало синюшным, судороги прекратились, и она замерла.

— Умерла? — спросил император.

— Отравлена, — сказал Люпен.

— Бедная! Кем же?

— Все тем же, государь. Она, должно быть, знала его раньше, и он боялся, что она может навести на след.

Пришел доктор. Император показал ему на девушку и сказал, подходя к Вольдемару:

— Отправить всех на розыски! Обыскать все! Послать телеграммы на вокзалы около границы! — И, обращаясь к Люпену, спросил: — Сколько времени вам нужно, чтобы достать письма?

— Месяц, Ваше Императорское Величество.

— Хорошо. Вольдемар будет ждать вас здесь. Он удовлетворит все ваши требования.

— Мне ничего не нужно, Ваше Величество, кроме свободы.

— Вы свободны.

И, глядя ему вслед, Люпен сказал себе:

— Да, сначала свободу… а потом, когда я возвращу письма, легкое пожатие руки… Больше ничего, Ваше Величество.

Глава шестая
Семь разбойников

I

— Прикажете принять?

Долорес Кессельбах взяла карточку, поданную ей лакеем, и прочла: «Андре Бони».

— Нет, я не знаю этого господина.

— Он очень настаивает, говорит, что госпожа его ждет.

— А… может быть… действительно… Проведите его сюда.

После страшных событий в «Палас-отеле» Долорес Кессельбах, прожив немного в отеле «Бристоль», переехала в скромный домик на улице Девинь, в глубине Пасси. За домом был красивый сад, примыкавший изгородью к тенистым садам соседних домов.

Когда нервные припадки прекращались, она приказывала отнести себя в сад и оставалась там в грустном одиночестве до самого вечера.

Снова послышался скрип песка. На дорожке в сопровождении слуги показался молодой человек, очень изящный с виду, одетый так, как

когда-то одевались художники: с отложным воротничком и галстуком с белыми помпонами на голубом фоне цвета морской волны.

Слуга удалился.

— Андре Бони?

— К вашим услугам.

— Простите, но я не имею чести…

— Вы знали, что я являюсь другом госпожи Эрнемон, бабушки Женевьевы, и написали ей в Гарш, что желали бы переговорить со мною. Вот я и пришел.

Долорес приподнялась, очень взволнованная:

— Как! Это вы?

— Да.

Она проговорила тихо:

— Неужели это вы… Я не узнаю вас.

— Вы не узнаете князя Сернина?

— Нет… ничего нет похожего… ни лоб… ни глаза… И также не похожи на…

— Заключенного тюрьмы Санте, портрет которого был помещен в газетах, — сказал он, улыбаясь. — И все-таки это я.

Последовало долгое молчание, во время которого они чувствовали себя очень неловко.

Наконец он произнес:

— Быть может, вы будете любезны сказать…

— А разве Женевьева вам ничего не говорила?

— Нет, я ее не видел. Но ее бабушка передала мне, что, по ее мнению, вы нуждаетесь в моих услугах.

— Да… это верно…

— И в чем же именно?.. Я был бы так счастлив…

Она колебалась одну минуту, потом тихо сказала:

— Я боюсь!

— Вы боитесь?! — воскликнул он.

— Да, боюсь, — продолжала она шепотом, — боюсь всего, боюсь того, что меня окружает, боюсь того, что может случиться завтра, послезавтра, боюсь жизни. Я столько перенесла, так страдала, у меня больше нет сил.

Он смотрел на нее, и острое чувство жалости подымалось в его душе. И еще — он это ясно почувствовал — готовность пожертвовать собой. Ради нее. Всецело, безо всякой надежды на взаимность.

Она продолжала:

— Я одна… совершенно одна, со мною нет никого, кроме слуг, нанятых случайно, и я боюсь… я чувствую, что вокруг меня что-то происходит, что-то готовится…

— Но что именно, с какой целью?

— Я не знаю, но чувствую, что враг бродит вокруг меня, — ответила она еле слышно.

— Вы что-нибудь заметили? Кого-нибудь видели?

— На днях я видела, как двое неоднократно ходили мимо, останавливаясь перед домом.

— Как они выглядели?

— Одного из них я разглядела как следует. Это высокий мужчина, тщательно выбритый, одет в черную, очень короткую куртку.

— Лакей из кафе?

— Да, метрдотель. Я послала одного из моих слуг последить за ним. Он пошел на улицу Де-ля-Помп и вошел в дом, очень подозрительный с виду, на первом этаже которого размещалась торговля вином, первый дом налево по этой улице. Потом, на следующую ночь…

— Ночью?

— Да, я заметила из окна моей комнаты какую-то тень, бродившую по саду.

— Больше ничего?

— Нет, ничего.

Он подумал немного и предложил:

— Может быть, вы позволите двум моим агентам пожить у вас в какой-либо из комнат первого

этажа?

— Вашим агентам?

— О, не беспокойтесь… Это очень хорошие люди, Шарель и его сын с виду совсем не похожи на то, что они представляют собой на самом деле… Если они будут жить у вас, вы сможете быть совершенно спокойны. Что же касается меня…

Он остановился в нерешительности, ожидая, что она пригласит его бывать у нее, но она молчала.

— Что же касается меня, то, я думаю, будет лучше, если меня здесь не будут видеть… Да… так лучше… для вас.

Он хотел продолжить разговор, сесть рядом с ней, ободрить, успокоить ее. Но казалось, что все, что они могли сказать друг другу, было сказано.

Он понял это, почтительно раскланялся и ушел.

Быстро идя по саду, он постарался скорее выйти на улицу, чтобы отделаться от охватившего его волнения. В передней его дожидался слуга, и в тот момент, когда Люпен выходил на улицу, кто-то позвонил, и он увидел молодую девушку.

Он невольно вздрогнул.

Это была Женевьева.

Несмотря на то что он изменил свою внешность

и казался очень молодым, она все-таки узнала его, и это так взволновало и смутило ее, что она пошатнулась и должна была прислониться к стене.

Он снял шляпу и смотрел на нее, не смея протянуть ей руку. Поздоровается ли она с ним? Он не был больше князем Серниным. Теперь он всего только Арсен Люпен. И она знала, что он был Арсеном Люпеном и только что вышел из тюрьмы.

На улице шел дождик. Она отдала зонтик лакею и сказала дрожащим голосом:

— Откройте его и поставьте в сторону.

И прошла прямо в комнаты.

— Э-эх, старина, — говорил себе Люпен дорогой. — Следи, брат, за своим сердцем… Вот и глаза у тебя стали влажными… Дурной признак, Люпен, дурной… ты стареешь.

Он хлопнул по плечу молодого человека, переходившего улицу Мюэтт по направлению к улице Девинь. Тот остановился в изумлении и через несколько секунд сказал:

— Виноват, но я не имею чести знать вас, кажется…

— Плохо вам кажется, дорогой Ледюк. Слабая у вас память. Вспомните Версаль, отель «Три императора»… маленькая комната…

— Это вы! — Молодой человек в ужасе отскочил назад.

— Господи, да, конечно, я — князь Сернин или, вернее, Люпен, потому что теперь вы знаете мое настоящее имя. А вы думали, что Люпен погиб… ага, понимаю — он в тюрьме… И вы надеялись… Эх, юноша!..

Он ласково потрепал его по плечу и сказал:

— Вот что, молодой человек, выясним положение. У вас есть еще несколько дней, в течение которых вы можете продолжить заниматься стихами. Время еще не пришло — пока вы, поэт, пишите стихи. Но, — продолжал Люпен, с силой сдавив руку Ледюка, — твой час приближается, не забывай, что ты мне принадлежишь весь — телом и душой. Приготовься к своей роли. Она будет трудна и великолепна. И право, мне кажется, что ты подходишь для нее.

Он рассмеялся, сделал пируэт на одной ноге и оставил изумленного Ледюка.

Недалеко, на углу улицы Де-ля-Помп, шла торговля вином, о которой ему говорила Долорес Кессельбах. Он вошел туда и долго разговаривал с хозяином. Потом взял автомобиль и отправился в «Гранд-отель», где он проживал под именем Андре Бони.

Там его дожидались братья Дудевиль.

Они смотрели на Люпена с восхищением.

— Все-таки объясните нам, что случилось. Хотя вы нас и приучили к чудесам… Но всему бывают пределы… Каким образом вы оказались на свободе… И теперь приехали в Париж и почти не скрываетесь?

— Хочешь сигару? — предложил Люпен.

— Нет, благодарствуйте.

— Напрасно, Дудевиль. Такие сигары стоит курить… Я получил их от одного очень тонкого знатока, моего друга, между прочим…

— Можно узнать, кто это?

— Кайзер… Не падай в обморок от удивления, а расскажи мне лучше, что пишут в газетах. Какой эффект произвело мое исчезновение из тюрьмы?

— Поразительный.

— Ну а как объясняет это полиция?

— Что вы исчезли в Гарше, куда вас привезли, чтобы восстановить картину убийства барона Альтенгейма. Но, к несчастью, газеты доказали, что это невозможно.

— И что же тогда?

— Полнейшее недоумение. Ищут, смеются и, в общем, ничего не понимают.

— А Вебер?

— Вебер сильно скомпрометирован.

— А кроме этого, ничего нового в сыскной полиции? Не напали на след таинственного убийцы? Или, может быть, удалось установить личность Альтенгейма?

— Пока еще нет.

— Ну не дураки ли? И подумать только, что мы платим миллионы в год таким людям! Если это будет продолжаться, я откажусь платить свою часть налогов. Ну-с, а пока возьми стул, бумагу и перо, садись и пиши. Ты отнесешь это письмо вечером в редакцию «Журналь». Пиши:

Господин редактор!

Я должен извиниться перед публикой, что не могу удовлетворить ее любопытства. Я убежал из тюрьмы, и мне невозможно объяснить, каким образом я это сделал. Так же обстоит дело с письмами: я открыл их тайну, но тоже лишен возможности сообщить, в чем она состоит.

Пока же у меня есть дело более серьезное. Возмущенный тем, что дело Кессельбаха-Альтенгейма остановилось на одной точке, я смещаю Вебера и принимаю на себя ответственный пост, который я занимал с таким блеском под именем Ленормана.

Арсен Люпен, начальник сыскной полиции

II

В восемь часов вечера Арсен Люпен и один из братьев Дудевиль входили в модный ресторан Гайяра: Люпен — во фраке, но в панталонах более широких, чем принято, и со свободно завязанным галстуком; Дудевиль — в строгом рединготе, с серьезным видом и походкой чиновника из суда.

Они выбрали уединенную часть ресторана, в углублении большого зала, отделенного от него двумя колоннами.

Корректный метрдотель с пренебрежительной миной и записной книжкой в руках дожидался приказаний. Люпен подробно, с видом знатока, заказал изысканный обед.

— Конечно, и в тюрьме можно было обедать, —

сказал он, — но все-таки приятно съесть хороший обед.

Он ел с аппетитом, молча, удовлетворяясь время от времени короткими фразами:

— Без сомнения, это все устроится... но будет нелегко... Вот это противник!.. Что меня поражает, так это то, что после шести месяцев ожесточенной борьбы я все-таки не знаю, чего он хочет... Его главный сообщник мертв, борьба приближается к концу, и до сих пор мне неясна его игра... К чему стремится это чудовище? Мой план прост и ясен: прибрать к рукам великое герцогство, посадить на трон герцога своего человека, выдать за него замуж Женевьеву... и царствовать... Ясно, законно и честно... Но он, чего он хочет достигнуть?

Он позвал:

— Человек!

Подошел метрдотель.

— Подайте сигары.

Метрдотель ушел и вернулся с несколькими коробками.

— Какую вы мне посоветуете выбрать?

— Вот упмановские великолепные сигары.

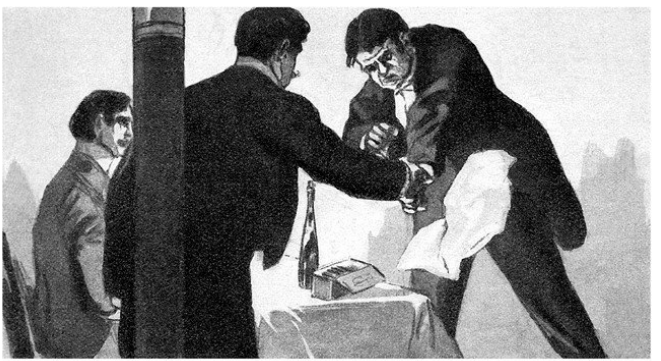
Люпен предложил одну Дудевилю, другую взял для себя и обрезал.

Метрдотель зажег спичку и подал закурить.

Быстрым движением Люпен схватил его за руку:

— Ни звука! Я тебя знаю. Твое настоящее имя — Доминик Лека.

Метрдотель, полный, сильный человек, пытался высвободить руку, но напрасно.



— Твое имя Доминик, ты живешь на улице Деля-Помп, на четвертом этаже, где ты поселился,

приобретя небольшое состояние на службе, — да слушай же, дурак, а то я тебе сломаю кость, — на службе у барона Альтенгейма, у которого ты был метрдотелем.

Слуга стоял неподвижно с бледным от страха лицом.

В маленьком зале, где они сидели, не было никого. Рядом, в большом зале, курили три господина и две парочки болтали за ликерами.

— Ты видишь, нам никто не мешает… можно спокойно разговаривать.

— Кто вы… кто вы такой?

— А ты меня не узнаешь? Вспомни знаменитый завтрак на вилле Дюпон. Это ты, старый шут, подал мне тарелку с пирожками, и с какими пирожками!

— Князь… князь… — пробормотал метрдотель.

— Да, мой милый, князь Арсен, князь Люпен, лично… Ага, ты вздохнул свободно… ты думаешь, что нечего бояться Люпена, не так ли? Ошибаешься, старина, тебе надо бояться меня.

Он вынул из кармана карточку и показал ему:

— Видишь, я теперь поступил в полицию. Что делать, мы всегда так кончаем, короли воров и преступников…

— Что же тогда… — начал метрдотель с беспо-

койством.

— А то же… вон поди к посетителю, который тебя зовет, сделай, что нужно, и приходи обратно. Да смотри, не делай глупостей, не пытайся удрать. Внизу, у ворот, стоят на страже десять агентов, которые сцапают тебя. Ну, иди скорей.

Метрдотель повиновался. Через пять минут он вернулся и спросил:

— Что же вам от меня нужно?

Люпен положил на стол несколько билетов по сто франков и сказал:

— На сколько вопросов ты мне точно ответишь — столько билетов и получишь.

— Идет.

— Отлично, начинаю. Сколько вас было у барона Альтенгейма?

— Семеро, не считая меня… да один раз привозили рабочих из Италии, чтобы сделать подземный ход из виллы Глисин в Гарш.

— Было два подземных хода?

— Да, один, главный, выходил из павильона Гортензии, другой сообщался с первым и оканчивался в домике госпожи Кессельбах.

— Зачем он был сделан?

— Чтобы похитить госпожу Кессельбах.

— Горничные Сюзанна и Гертруда были сообщ-

ницами?

— Да.

— Где они?

— За границей.

— Ну а твои семь товарищей из шайки Альтенгейма?

— Я давно не с ними.

— Где их можно найти?

Доминик колебался. Люпен развернул два билета по тысяче франков и сказал:

— Твои колебания делают тебе честь, Доминик, но тебе не остается ничего другого, как ответить.

— Они живут в доме номер три по улице Де-ля-Револьт в Нёйи. Одного из них зовут Старьевщиком.

— Великолепно. Теперь — как настоящее имя барона Альтенгейма?

— Рибейра.

— Плохая шутка, Доминик. Рибейра — псевдоним. А я у тебя спрашиваю настоящее его имя.

— Парбери.

— И это псевдоним.

Люпен положил перед метрдотелем три билета по сто франков.

— А, не все ли равно! — воскликнул тот. — Ведь барон умер…

— Его имя? — спросил Люпен.

— Имя? Дворянин Мальрейх.

— Что ты говоришь! Повтори!

— Рауль Мальрейх, дворянин.

Наступила долгая пауза. Люпен вспомнил сумасшедшую в Вельденце, умершую от яда. У Изильды тоже была фамилия Мальрейх…

— Откуда был этот Мальрейх?

— Предки его были французы, но он родился в Германии… Я видел как-то раз его документы… случайно… если бы он узнал это — задушил бы меня…

Люпен подумал и спросил:

— Он распоряжался вами?

— Да.

— Но у него был сообщник?

— Молчите… молчите… не говорите о нем… о нем нельзя говорить.

— Кто он, я тебя спрашиваю?

— Это глава, начальник… его никто не знает.

— Ты его видел? Отвечай! Видел?

— В полумраке… или ночью. Никогда днем. Он присылал свои приказы на клочках бумаги или по телефону…

— Его имя?

— Я не знаю. Разговоры о нем приносят несча-

стье…

— Он одевается в черное?

— Да, в черное. Невысокий, стройный… блондин…

— И убивает?

— Да, ему убить легче, чем другому стащить кусок хлеба.

Голос метрдотеля дрожал. Он упрашивал Люпена:

— Пожалуйста, не спрашивайте меня о нем… это приносит несчастье…

Люпен замолчал, чувствуя, как ему невольно сообщался страх, испытываемый метрдотелем. Некоторое время он сидел, задумавшись, потом встал и сказал:

— Получай, вот твои деньги, но, если хочешь жить спокойно, будь благоразумен, никому не говори о нашей встрече.

Он вышел из ресторана с Дудевилем, дошел до Порт-Сен-Дени, не говоря ни слова, обдумывая все, что только что узнал.

Потом он схватил за руку своего спутника и сказал:

— Слушай, Дудевиль, ты отправишься на Северный вокзал, куда попадешь как раз вовремя, чтобы сесть в экспресс, идущий в Люксембург.

Ты поедешь в Вельденц, главный город великого герцогства Депон. В ратуше ты легко достанешь метрическую запись дворянина Мальрейха и сведения о его семействе. Послезавтра, в субботу, ты вернешься.

— Извещать ли мне сыскную полицию о моем отъезде?

— Я беру это на себя. Позвоню по телефону, скажу, что ты болен. Да, погоди, одно слово. Мы с тобой встретимся в субботу в двенадцать дня в ресторане «Буффало» на улице Де-ля-Револьт. Оденься рабочим.

На следующий день Люпен, одетый мастеровым, пошел по направлению к Нёйи и начал розыски на улице Де-ля-Револьт в доме номер три.

Здесь он обнаружил огромный рабочий квартал с десятками мастерских, цехов, лавочек и сотнями рабочих.

Все послеобеденное время этого дня и утро субботы он продолжал поиски и пришел к твердому убеждению, что все семь сообщников Альтенгейма жили здесь среди рабочих.

Он познакомился с дворником, завоевал его доверие, болтая с ним битый час о самых различных вещах и наблюдая в то же время за проходившими по двору. Он приметил всех семерых:

четверо открыто занимались продажей платья, двое других торговали газетами, а седьмой был старьевщиком, так его и звали.

Они приходили один за другим, делая вид, что незнакомы друг с другом. Но Люпен убедился, что поздним вечером они собирались в одном из сараев, где Старьевщик складывал свой товар: старое железо, сломанные фигурные водосточные трубы, ржавые печные трубы…

«Дело подвигается, — думал Люпен, — я назначил моему германскому другу месяц сроку, но, пожалуй, справлюсь за две недели. И что мне более всего нравится, так это то, что приходится начинать с этих ребят, которые вы́купали меня в Сене. Ах, бедный Гурель, наконец-то я отомщу за тебя. Пока не поздно».

Около двенадцати часов он вошел в ресторан «Буффало», в маленькую низкую комнату, где обедали каменщики и извозчики.

Кто-то подошел и сел рядом с ним.

— Всё сделано, начальник.

— Ах, это ты, Дудевиль. Ну вот и хорошо. Говори скорее, что узнал о метрической записи, ну, живо!

— Я узнал следующее: отец и мать Альтенгейма умерли за границей.

— Далее.

— У них осталось трое детей.

— Трое?

— Да, старшему теперь было бы тридцать лет, его звали Рауль Мальрейх.

— Это покойный барон Альтенгейм. Дальше.

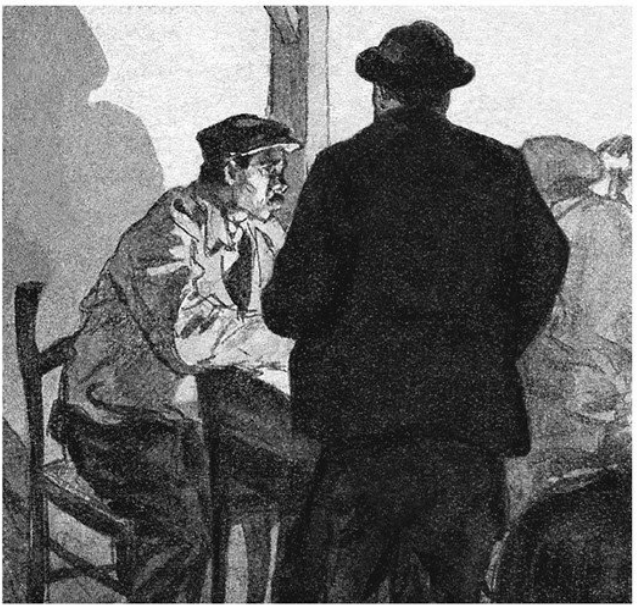
— Младшую дочь звали Изильдой. В списке напротив ее имени написано свежими чернилами: «Скончалась».

— Изильда… Изильда… — повторил Люпен. — Значит, я верно предполагал, что она была сестрой Альтенгейма. Действительно, мне почему-то показалось знакомым выражение ее лица… Теперь это объясняется. Ну а третий или, вернее, второй ребенок?

— Сын, ему теперь было бы двадцать шесть лет.

— Имя?

— Луи Мальрейх.



Люпен невольно вздрогнул:
— Да, это он… Луи Мальрейх… Начальные бук-

вы Л… М… Ужасная, страшная подпись. Да, убийцу зовут Мальрейхом. Он — брат Альтенгейма, брат Изильды и убил и того и другую, опасаясь, что они его выдадут.

Люпен долгое время молчал.

— Но чего же бы он стал бояться со стороны Изильды? — прервал молчание Дудевиль. — Ведь она была сумасшедшей.

— У безумных бывают минуты просветления, и в одну из таких минут она могла вспомнить о своем детстве и узнать брата, вместе с которым воспитывалась. За это воспоминание она и заплатила жизнью.

И, помолчав немного, он сказал:

— Сумасшедшая! Да они все сумасшедшие… Мать безумная… Отец алкоголик… Альтенгейм — зверь, дегенерат. И этот тоже чудовищный убийца — маньяк и идиот.

— Вы думаете?

— Конечно идиот! С проблесками гениальной хитрости, но все-таки — выродок и сумасшедший, как вся семья Мальрейхов. Слушай, только безумцы убивают… и в особенности такие… Да, наконец…

Его речь внезапно оборвалась, и черты лица так изменились, что Дудевиль спросил:

— Что с вами, начальник?

— Посмотри туда.

III

Вошел человек и, повесив свою черную мягкую фетровую шляпу на розетку занавеси, стал изучать меню. Сделав заказ, он положил обе руки на стол и застыл в одной позе.

Люпен пристально рассматривал его.

У незнакомца было худое лицо, совершенно гладкое, без усов и бороды, глубокие глазные впадины и серые, стального цвета глаза. Волосы не росли на его остром черепе, кожа которого казалась похожей на грубый пергамент.

Угрюмое лицо его было бесстрастным, а неподвижные веки без ресниц придавали лицу мертвый вид.

Люпен подозвал одного из лакеев и спросил:

— Кто этот человек?

— Кто? Вон тот?

— Да.

— Один из посетителей ресторана. Он обедает здесь два-три раза в неделю.

— Вы не знаете, как зовут его?

— Леон Масье…

«О, — пробормотал Люпен, — Л, М».

— Чем занимается этот господин? — спросил он у лакея.

— Не могу сказать… Какой-то чудак… Всегда один. Ни с кем не говорит. Мы никогда не слыхали даже звука его голоса… На выбранные блюда он указывает пальцем, быстро обедает, платит и уходит…

— И как часто он приходит?

— Каждые четыре-пять дней, промежуток меняется.

— Это он… он, — повторял Люпен, — это Мальрейх… О, чудовище, вампир… А может, я ошибаюсь? Неужели этот спокойный человек за соседним столиком — кровавое чудовище? Вот эти обыкновенные руки, что отсчитывают сейчас деньги за обед, вонзают стилет в горло очередной жертвы?.. Возможно ли это? Пойдем, Дудевиль.

— Что с вами, начальник, вы так бледны?

— Мне не хватает воздуха, выйдем.

На улице Люпен глубоко вздохнул, вытер вспотевший лоб и сказал:

— Ну, теперь лучше… Чуть не задохнулся…

Овладев собой и успокоившись, он серьезно сказал:

— Приближается развязка, Дудевиль. Уже месяцы прошли, как я ощупью борюсь с невидимым

врагом… И вот случай ставит его на моем пути. Теперь партии равны.

— Не разойтись ли нам, начальник? А то этот субъект заметит нас. Порознь мы привлечем меньше внимания.

— Видел ли он нас? — сказал задумчиво Люпен. — У него такой вид, будто он ничего не видит, ничего не слышит, ни на что не смотрит…

И действительно, через десять минут показался Леон Масье, он закурил папиросу и, заложив одну руку за спину, пошел с видом человека, нисколько не подозревавшего, что кто-нибудь может следить за ним.

Он прошел к заставе, пошел вдоль вала и снова через ворота Шанкаре вернулся на улицу Де-ля-Револьт.

Войдет ли он в дом номер три? Если войдет, это будет доказательством причастности к шайке Альтенгейма… Но незнакомец повернул на улицу Делезман, где стоял уединенный домик, вынул связку ключей и, открыв калитку сада, а потом дверь домика, скрылся.

Люпен осторожно подошел к ограде. Он тотчас заметил, что строения дома номер три на улице Де-ля-Револьт задами выходили к стене сада, окружавшего дом Масье.

Подойдя ближе, они увидели, что стена была очень высока и около нее находился сарай, а по расположению построек Люпен убедился, что этот сарай стоит рядом с тем сараем, в котором устроен склад Старьевщика.

— Да, я не ошибся, — сказал Люпен, — Леон Масье и Луи Мальрейх — одно и то же лицо. Задача упрощается.

— Да, и очень, — согласился с ним Дудевиль, — в несколько дней все будет кончено.

— Кто знает? У меня всегда было предчувствие, что это чудовище принесет мне несчастье.

Если верить соседям, которых расспросил Дудевиль, жизнь Леона Масье носила странный характер. Этот тип поселился здесь несколько месяцев назад. Жил один. Никого не принимал. Слуг у него также не было. Окна были всегда открыты, даже ночью, но никто никогда не видел, чтобы в них блеснул свет.

Чаще всего Леон Масье выходил из дому по вечерам и возвращался очень поздно, иногда — на заре.

Чем он занимается, никто из соседей не знал.

— Отлично, мы это узнаем очень скоро, — сказал Дудевилю Люпен.

Но Люпен ошибся. Прошла неделя, но они не

продвинулись ни на шаг. Иногда Масье, за которым Люпен неотступно следовал, исчезал самым невероятным способом. Будто проваливался сквозь землю. Тогда Люпен бежал на улицу Делезман и караулил его там. Время долго тянулось, минута за минутой, час за часом. Проходила бóльшая часть ночи, пока не появлялся этот таинственный человек.

Где он был, что он делал?

Люпен не знал.

IV

— Вам телеграмма, начальник, — сказал Дудевиль Люпену однажды вечером около восьми часов, подойдя к нему на улице Делезман.

Люпен разорвал обертку. Госпожа Кессельбах умоляла его прийти ей на помощь. Сегодня после полудня двое остановились у нее под окном, и один из них сказал: «Нам везет… никого нет… так, решено, сегодня ночью мы нападем». Она спустилась и увидела, что ставни в кухне легко открываются снаружи.

— А Леон Масье дома? — спросил Дудевиль.

— Нет, он сыграл со мной в Париже обыкновенную шутку. А теперь я его познакомлю с теми, какие я умею устраивать. Но сначала выслушай

меня внимательно, Дудевиль. Возьми Марко, курьера Жерома и еще десяток крепких ребят и иди с ними на улицу Девинь. Шароле с сыном должны уже быть на карауле. Переговоришь с ними, и в половине двенадцатого я тебя буду дожидаться на углу улиц Девинь и Рейняар. Оттуда мы будем следить за домом госпожи Кессельбах.

Дудевиль ушел. Люпен подождал еще около часа, пока улица Делезман не опустела совершенно, и тогда, видя, что Леон Масье не возвращается, он перелез через ограду и пошел к дому.

Он собирался взломать двери и обыскать комнаты, чтобы найти письма императора, похищенные Мальрейхом в Вельденце. Но подумал, что было бы гораздо важнее осмотреть сначала сарай.

Люпен был очень удивлен, увидав, что сарай не заперт, и при свете фонаря убедился, что он был совершенно пуст и не было никакой двери, через которую можно было бы проникнуть в соседний двор.

Он долго искал без всякого успеха, пока не увидел снаружи лестницу наверх, на чердак, сделанный под черепичной крышей сарая. Он поднялся туда и увидел старые бочонки, связки соломы, рамы для парников. Раздвинув весь этот

хлам, он легко нашел ход к стене. У стены он наткнулся на раму и попытался ее отодвинуть. Но так как это ему не удалось, он стал осматривать ее и увидел, что она вделана в стену и одно из стекол отсутствует. Он просунул руку — пустое пространство. Быстро направив туда свет электрического фонаря, он увидел еще один сарай, более вместительный, чем тот, в котором он находился, заваленный ржавым железом и всяким старьем.

— Так, нашел, — сказал Люпен, — это слуховое окно в сарай Старьевщика и отсюда сверху Луи Мальрейх слышит и следит за своей шайкой так, что они этого и не подозревают. Теперь мне понятно, почему они никогда не видят своего начальника.

Узнав, что было нужно, Люпен потушил фонарь и собрался уходить, когда внизу, в соседнем сарае, открылась дверь и кто-то вошел. При свете зажженной лампы он узнал Старьевщика.

Старьевщик вынул из кармана два револьвера, проверил, как они действуют, и переменил заряды. Прошло около часа, и Люпен начал беспокоиться. Прошел еще час, и Старьевщик наконец громко сказал:

— Входи.

Один из разбойников осторожно вошел в сарай, потом, немного погодя, второй, третий и, наконец, четвертый…

— Ну, мы все в сборе, — сказал Старьевщик. — Найденыш и Толстяк, пошли вперед. Не будем терять время… Вы вооружены?

— С ног до головы.

— То-то, дело будет жаркое…

— А ты почем знаешь?

— Я видел главного… хотя я его и не видел… но он разговаривал со мною.

— Да, — сказал один из них, — наверное, когда уже стемнело, где-нибудь на углу улицы. Нет, мне больше нравилось, как действовал Альтенгейм. С ним, по крайней мере, было известно, на что идешь.

— А теперь ты не знаешь? — перебил Старьевщик. — Мы идем, чтобы ворваться в дом Кессельбах.

— А как же стража, два человека, поставленные Люпеном?

— Тем хуже для них, нас будет семеро.

— А Кессельбах?

— Заткнуть ей рот, связать веревкой и принести сюда… вот на этот старый диван. Здесь подождем приказаний.

— Хорошо ли нам заплатят?

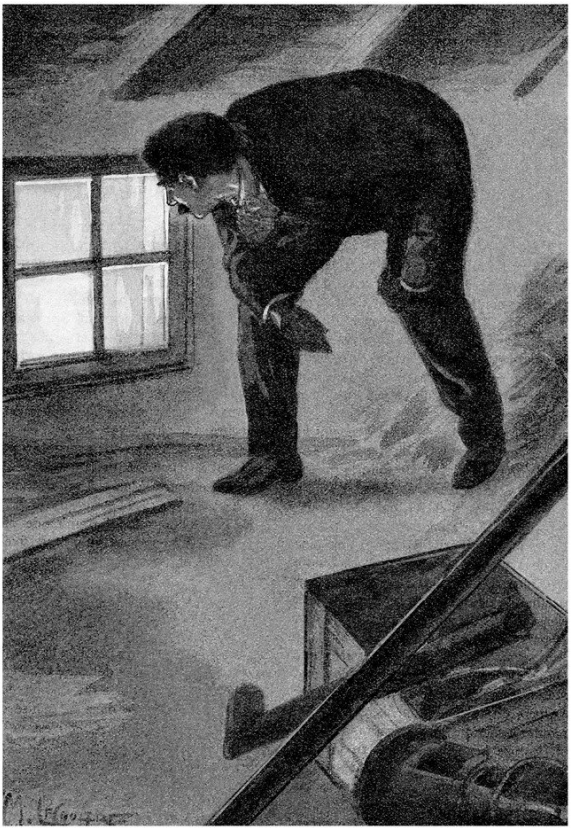
— Бриллианты Кессельбах.

— Их еще нужно найти. А если мы их не найдем?

— По триста франков каждому из нас вперед и потом в двойном размере.

— Деньги у тебя?

— Да.



— Это хорошо… Можно говорить что угодно, но что касается платы, то другого такого, как наш, не найдешь.

И шепотом, так, что Люпен с трудом мог разобрать, он спросил:

— А что, если придется пустить в дело нож, заплатят нам за это?

— Как всегда — по две тысячи.

— А если Люпена?

— Три тысячи.

— Вот до кого бы нам добраться…

По одному они стали выходить из сарая, и Люпен услышал еще, как говорил Старьевщик:

— План нападения такой: мы разделимся на три группы и по свистку идем вперед…

Поспешно Люпен спустился с чердака, прошел, не останавливаясь, мимо дома и перелез через решетку.

— Старьевщик прав, дело будет жаркое… До моей шкуры добираются… Премию за Люпена… Ах, канальи!

Он подошел к заставе и сел в автомобиль.

— Улица Рейняар.

Выйдя из автомобиля за триста шагов до улицы Девинь, он отправился на угол, образуемый этими двумя улицами.

К его большому удивлению, Дудевиля там не было.

— Странно… странно, — проговорил Люпен, — сейчас уже больше двенадцати… это кажется подозрительным…

Он подождал десять минут, двадцать… Наконец половина первого, а никого нет. Ждать дальше было бы опасно. Тем более что если Дудевиль с остальными почему-либо не мог прийти, то все-таки в его распоряжении были Шароле с сыном, не считая прислуги госпожи Кессельбах. Он осторожно пошел вперед и почти тотчас же увидел две тени, кравшиеся вдоль заборов.

— Скверно, — сказал Люпен. — Это Найденыш и Толстяк. Они обогнали меня.

Вдруг вблизи дома, в стороне, послышался резкий звук свистка.

Неужели это остальные? И откуда они будут нападать — из сада или со двора?

Услышав сигнал, двое влезли в окно и исчезли.

Люпен подпрыгнул, поднялся на балкон и вошел в комнату. По звуку шагов он догадался, что нападавшие прошли в сад.

— Слава богу, там Шароле с сыном, можно быть спокойным!

Он поднялся по лестнице и быстро вошел в

комнату госпожи Кессельбах. При свете ночника он увидел Долорес, лежавшую на диване в состоянии, близком к обмороку. Он бросился к ней, приподнял и заставил ее отвечать:

— Послушайте, Шароле?.. Его сын?.. Где они?

— Как где? Ушли.

— Как ушли?

— Вы мне прислали телеграмму час тому назад… по телефону…

Люпен схватил голубой листок, лежавший рядом с ней, и прочел:

> ОТОШЛИТЕ НЕМЕДЛЕННО ШАРОЛЕ С СЫНОМ… И ВСЕХ МОИХ ПОМОЩНИКОВ, Я ИХ ОЖИДАЮ В «ГРАНД-ОТЕЛЕ». НЕ БОЙТЕСЬ НИЧЕГО.

— Проклятие! И вы этому поверили? А ваши слуги?

— Ушли.

Он подошел к окну и увидал, что трое из шайки Мальрейха шли по саду. Из окна соседней комнаты, выходившего на улицу, он заметил двух других.

Он вспомнил еще про Найденыша, Толстяка и Луи Мальрейха. Последний, самый страшный, несомненно, бродит здесь, около дома.

— Однако, — пробормотал он, — дело плохо. Кажется, я пропал.

Глава седьмая
Человек в черном

I

Арсен Люпен был уверен, что его заманили в ловушку. Все было очень ловко подстроено: и удаление его помощников, и исчезновение прислуги, и, наконец, даже то, что сам он очутился в доме госпожи Кессельбах. Но против него ли одного была устроена ловушка, или Мальрейх предвидел также, что в общей свалке могут погибнуть и его сообщники, которые превращались для него теперь в обузу?

Все это быстро мелькнуло в голове Люпена, но раздумывать было некогда. Надо было защитить Долорес.

Он вернулся в комнату, где лежала Долорес. Внизу был слышен шум. Быстро заперев дверь двойным поворотом ключа, он подошел к Долорес, которая плакала, вся дрожа от страха.

— У вас хватит сил? Мы сейчас на втором этаже… Я могу помочь вам спуститься на простынях из окна.

— О, нет, нет, не покидайте меня… я боюсь… я

совсем ослабела… они убьют меня… защитите…

Он взял ее на руки, отнес в соседнюю комнату и, наклонившись к ней, сказал:

— Лежите тихо и будьте спокойны. Обещаю вам, что, пока я жив, ни один из них не дотронется до вас.

Дверь первой комнаты трещала под натиском нападавших.

Долорес вскрикнула, цепляясь за него:

— Вот они… вот… они убьют вас… вы один…

Он горячо возразил ей:

— Я не один… вы здесь… вы!

Она сказала еще что-то неясным шепотом и, ослабев окончательно, упала без чувств. Он нагнулся к ней и смотрел на нее, потом нежно поцеловал ее волосы, вернулся в первую комнату, плотно закрыл за собою дверь и зажег электричество.

— Одну минуту, ребята! — закричал он. — Вы, должно быть, очень спешите умереть? Разве вы не знаете, что Люпен здесь? Осторожно!

Говоря это, он раздвинул ширму, поставил ее около софы, где только что лежала Долорес, и положил там несколько платьев и плед.

Дверь готова была сломаться под усилиями нападавших.

— Ну вот! Сейчас! Вы готовы? Ну, первому из вас...

Он быстро повернул ключ, отодвинул задвижку и открыл дверь.

Они ворвались в комнату и остановились.

Посреди освещенной комнаты стоял Люпен. В руках он держал толстую пачку денег.

— Три тысячи франков премии каждому из вас, если отправите Люпена к праотцам. Так вам обещали? Ну вот, здесь по шесть тысяч каждому.

Он разложил на столе около входа семь пачек по шесть тысяч франков.

— Рассказывай сказки! — проговорил Старьевщик. — Он хочет выиграть время. Стреляйте в него!

Он поднял руку, но товарищи его остановили.

Люпен продолжал:

— Ведь это не меняет ваших намерений. Вы пришли сюда, чтобы похитить госпожу Кессельбах и завладеть ее драгоценностями. Да я буду считать себя самым последним из людей, если помешаю вашим планам!

— Так что же ты хочешь? — грубо спросил Старьевщик.

— А, Старьевщик, я вижу, ты начинаешь прислушиваться к тому, что я говорю! Подойди

ближе, мой милый… Да входите все… Чего вы боитесь? Я совершенно один. Будьте, деточки, похрабрее…

Они вошли в комнату, растерянные и сбитые с толку.

— Закрой дверь, Старьевщик… вот так удобнее… Спасибо, милый… Ага, я вижу, деньги исчезли. Значит, вы согласны. Так ведь делается между порядочными людьми?

— А что потом?

— Потом, раз мы теперь товарищи…

— Товарищи?

— Да конечно же! Ведь вы взяли мои деньги, значит мы работаем вместе, вместе похитим госпожу Кессельбах и вместе возьмем ее бриллианты.

— Без тебя обойдемся!

— Нет, не обойдетесь.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, где спрятаны бриллианты, а я знаю.

— Найдем.

— Завтра, а не сегодня ночью.

— Так скажи, что тебе надо?

— Разделить бриллианты.

— Так отчего же ты их не взял, раз ты знаешь,

где они?

— Одному никак не открыть. Есть какой-то секрет… Вы здесь, и я воспользуюсь вашей помощью.

Старьевщик стоял в нерешительности.

— Делить… делить… А что делить-то, несколько камушков да немного золота?

— Чудак! Их там больше чем на миллион!

Цифра произвела наилучшее впечатление, глаза разбойников разгорелись.

— Хорошо, — сказал Старьевщик. — А если Кессельбах удерет? Она ведь в той комнате?

— Нет, она здесь.

Люпен приоткрыл немного ширму и показал платья, покрытые пледом на софе.

— Она в обмороке. Но я отдам вам ее после того, как разделим бриллианты.

— Нам бы надо…

— Мало ли что вам надо? Хотите — соглашайтесь на мои условия, я их не изменю! Мне приятнее было бы действовать самому. Вы отлично знаете, чего я стою…

Они стали советоваться, и немного погодя Старьевщик сказал:

— Хорошо, где спрятаны бриллианты?

— Под очагом камина. Но так как мы не знаем

секрета, то придется разломать весь камин, снять зеркало, мрамор, кирпич. Работа нелегкая…

— А, ничего, мы справимся! Ты увидишь, в пять минут!

Люпен распределил работу между ними, и они тотчас принялись за дело в полном порядке. Двое влезли на стул и снимали зеркало, четверо ломали камин, а Старьевщик, стоя на коленях, ломал решетку очага и командовал:

— Дружней, ребята! Вместе, разом… Слушай… раз… два… Ага, подается…

Люпен неподвижно стоял позади них, держа руки в карманах и улыбаясь. Потом вынул из карманов два больших револьвера и, вытянув руки, спокойно прицелился. Он выбрал сначала двоих, работавших у камина и наметил двоих следующих, проделывая все это с полным хладнокровием, точно стреляя в тире.

Раздались два выстрела и тотчас же — еще два.

Четверо, покачнувшись, свалились как подкошенные.

— Четыре вычесть из семи останется три, — сказал Люпен. — Прикажете продолжать?

Он стоял, направив револьверы на Старьевщика и двух его товарищей.

— А, сволочь! — заревел Старьевщик, ища ре-

вольвер.

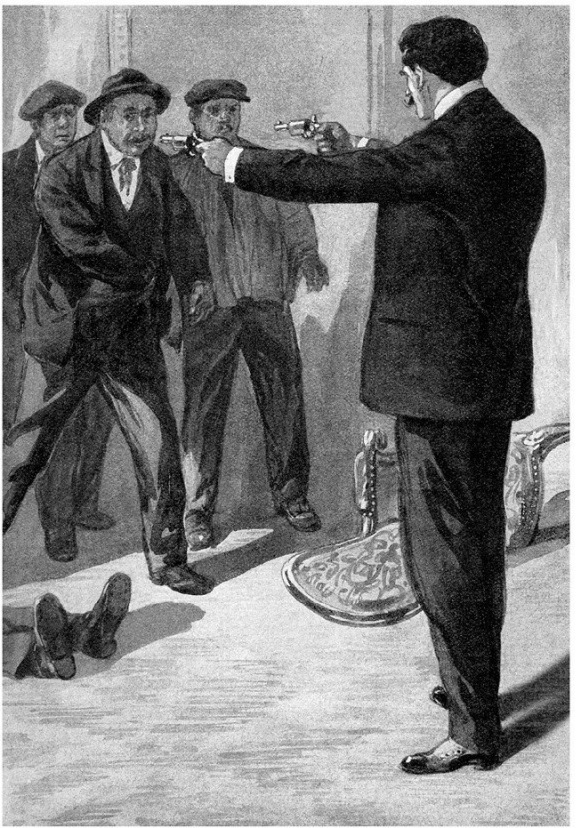
— Руки вверх! — закричал Люпен. — А то я стреляю! Великолепно… Теперь вы!.. обезоружить его… Ну!

Оба разбойника, обезумев от страха, бросились на своего начальника, принуждая его повиноваться.

— Связать его! Связать… Не все ли равно, я уйду — и вы свободны… Так… так… Руки сначала… возьмите пояса… теперь ноги…

Растерявшись, побежденный Старьевщик не сопротивлялся более. В то время как товарищи разбойника связывали его, Люпен нагнулся и с силой нанес им два удара рукояткой револьвера по головам. Оба упали без чувств.

— Вот как это у нас делается, — сказал он, вздохнув свободно. Жаль, что их не было больше… — Что ты об этом думаешь, Старьевщик?



Тот выругался. Люпен продолжал:

— Не печалься, мой милый. Утешайся тем, что помогаешь хорошему делу, спасению госпожи Кессельбах. Она сама поблагодарит тебя за твою любезность.

Он направился к двери, ведущей в соседнюю комнату, открыл ее и остановился в изумлении на пороге.

Комната была пуста.

Он подошел к окну и увидел у балкона стальную разборную лестницу.

— Похищена… Похищена… — пробормотал он. — Луи Мальрейх… Ах, мерзавец!..

II

Люпен связал разбойников, потом, не запирая за собой дверь, спустился вниз, разыскал нанятый им автомобиль и приказал подать другой. Быстро перенес связанных и посадил их в автомобиль. Раненые стонали.

— Дом номер тридцать шесть, набережная Орфевр, сыскная полиция, — сказал Люпен.

Застучали моторы, и автомобили тронулись, подымаясь по склонам Трокадеро. Навстречу им попадались тележки с зеленью и овощами. Фонарщики, вооруженные длинными палками,

тушили фонари. Ночь была звездная, дул свежий ветер. Люпен напевал.

Пляс-де-ля-Конкорд… Лувр… Вдали виднелась темная громада Нотр-Дама…

Вот наконец здание суда и вход в сыскную полицию.

— Подождите здесь, — приказал Люпен шоферам, — и последите за связанными.

Он прошел по двору и, войдя в коридор, направился к комнатам главного управления. Встречалось много агентов сыскной полиции.

— Добыча, господа, и хорошая, — сказал он, входя в канцелярию. — Вебер здесь? Я новый полицейский комиссар из Отея.

— Вебер у себя дома. Известить его?

— Одну минуту, я очень спешу. Я оставлю ему два слова.

Он сел за стол и написал:

Дорогой Вебер! Я привез тебе семь разбойников, составлявших шайку Альтенгейма, убивших Гуреля… многих других и меня также под именем Ленормана. Остается только их начальник. Я еду арестовывать его в Нёйи на улицу Делезман, где он живет под именем Леона Масье.

Приезжай туда немедленно.
Сердечный привет.

Арсен Люпен,
начальник сыскной полиции

Он запечатал письмо.

— Вот это передадите Веберу, очень спешно. Теперь мне надо семь человек, чтобы перенести багаж. Я их оставил в автомобилях на набережной.

Около автомобиля стоял главный инспектор.

— Ах, это ты, Лебеф. Здравствуйте… Удачное дело… Вся шайка Альтенгейма… Там, в автомобилях…

— Где вы их поймали?

— В доме госпожи Кессельбах, в тот момент, когда они собирались похитить ее.

Главный инспектор отвел его в сторону и спросил удивленно:

— Виноват, видите ли, я знаю комиссара из Отея… и, мне кажется… С кем имею честь разговаривать?

— С человеком, подарившим вам семерку отъявленных бандитов.

— Но все-таки мне хотелось бы знать…

— Мое имя?

— Да.

— Арсен Люпен.

Он сбил с ног полицейского и, вскочив в проходивший мимо автомобиль, приказал ехать к заставе Терн.

Дом номер три на улице Де-ля-Револьт был близко оттуда, и Люпен направился к нему.

Несмотря на все свое хладнокровие и умение владеть собой, Люпен не мог подавить волнения, охватывавшего его при мысли, найдет ли он госпожу Кессельбах. Куда отвел ее Луи Мальрейх: к себе или в сарай к Старьевщику?

Люпен взял у Старьевщика ключ от этого сарая, и ему было легко теперь, пройдя через несколько дверей дома, открыть сарай.

Он зажег фонарь и огляделся. Направо было пустое пространство, где сегодня вечером они совещались.

На диване, о котором говорил Старьевщик, виднелось что-то черное.

Закутанная в одеяло, с завязанным ртом там лежала Долорес.

Он освободил ей рот.

— Ах, это вы… наконец… — проговорила она слабым голосом. — Они вам ничего не сделали?

И, вдруг сев и показывая на стену, она сказала:

— Он там… я слышала, он ушел туда… Идите, идите, прошу вас…

— А вы… — начал он.

— Нет, его, убейте его… убейте…

Страх, казалось, придал ей сил, и она упорно повторяла свою просьбу.

— Я не могу больше жить. Спасите меня от него… это необходимо… Я не могу больше…

Он развязал ее, заботливо уложил на диван и сказал:

— Вы правы… К тому же вам нечего бояться, и я сейчас вернусь.

Когда он собирался уходить, она живо схватила его за руку:

— А вы?

— Что я?

— Если этот человек…

Казалось, что, сама направив Люпена на эту борьбу, она в последний момент была бы счастлива удержать его.

Он тихо ответил:

— Благодарю. Будьте покойны. Мне нечего бояться… Он один.

И, оставив ее, он направился вглубь сарая, к стене, где, как он это и ожидал, стояла лестница, ведшая к слуховому окну в соседний сарай. Этой

дорогой вернулся Мальрейх к себе домой на улицу Делезман.

Люпен пролез через окно в другой сарай и спустился в сад позади дома, в котором жил Мальрейх.

Странная вещь: Люпен ни на минуту не сомневался в том, что он найдет там Мальрейха! Он был уверен, что неизбежно встретится с ним и наконец-то закончится эта ужасная борьба, которую они ведут друг против друга в течение нескольких месяцев. Еще несколько минут — и все будет кончено.

Он был смущен и взволнован до глубины души. Схватив за ручку двери, он повернул ее, и дверь свободно открылась. Дом даже не был заперт.

Он прошел на кухню, в переднюю и стал подниматься по лестнице, нисколько не стараясь заглушить шум своих шагов.

На площадке он остановился. Пот выступил у него на лбу, и кровь стучала в висках.

Он вынул из карманов револьверы и положил их на ступеньку.

— Не надо оружия, — сказал он, — только мои руки, больше ничего…

Перед ним находились три двери. Он выбрал среднюю и свободно, без всякого затруднения,

открыл ее.

В комнате не было огня, но через большое открытое окно брезжил свет, и он увидел занавеси алькова. И кто-то там двигался. Он быстро направил туда луч своего фонаря:

— Мальрейх!

Он! Он! Его бледное лицо, стальные глаза, впалые щеки и худая жилистая шея.

В пяти шагах от Люпена был Мальрейх!

Люпен медленно приближался к нему.

Тот не двигался.

Видел ли он что-нибудь? Сознавал ли, что происходит?

Еще шаг…

«Он будет защищаться, — подумал Люпен. — Необходимо, чтобы он защищался».

И Люпен протянул руки по направлению к нему.

Мальрейх не двинулся, не подался назад, казалось даже, что он не моргал глазами.

Наконец Люпен дотронулся до него.

И вдруг Люпен потерял голову. Он отбросил Мальрейха на кровать, подмял его под себя, закатал его в простыни, связал и держал на руках, как дикий зверь свою добычу. Мальрейх не сопротивлялся.

— А! — воскликнул Люпен. — Наконец-то я поймал тебя!

Снаружи, с улицы, послышались шум и удары в ворота. Он бросился к окну и закричал:

— Это ты, Вебер. Уже? Молодец, ты образцовый помощник. Ломай ворота и беги сюда. Как раз вовремя!

В несколько мгновений он обыскал платье Мальрейха, вынул бумажник, из ящиков письменного стола вытащил бумаги и быстро стал просматривать их. Невольный крик радости вырвался у него. Связка знаменитых писем, которые он обещал вернуть императору, была там!

Он положил остальные бумаги на место и подбежал к окну.

— Готово, Вебер! Ты можешь входить. Убийца Кессельбаха лежит в постели связанный. Прощай, дружок!

Быстро сбежав по лестнице, Люпен направился к сараю, и в то время, как Вебер, взломав ворота, входил в дом, он был уже около Долорес Кессельбах.

Он один арестовал семерых сообщников Альтенгейма и передал в руки правосудия их таинственного начальника, чудовищного убийцу — Луи Мальрейха.

III

На широкой деревянной террасе перед столом сидел молодой человек и писал стихи.

— Недурно, — послышался голос сзади. — Амабль Тастю писала не лучше[14]. Конечно, не всякий может быть Ламартином…

— Вы!.. Вы!.. — воскликнул молодой человек смущенно.

— Да, поэт, это я. Арсен Люпен пришел навестить своего дорогого друга Пьера Ледюка.

Пьер Ледюк дрожал, как в лихорадке.

— Час наступил? — спросил он.

— Да, мой милый, мы подходим к пятому акту, к развязке, и ты, Пьер Ледюк, оказываешься героем пьесы. Какая честь!

Молодой человек встал:

— А что, если я откажусь?

— Дурак!

— Очень просто, возьму и откажусь! Кто может меня заставить принять роль, которую я не выбирал и не знаю, но которая мне заранее внушает чувства отвращения и стыда.

— Идиот! — повторил Люпен.

---

[14] Notes: 14

Амабль Тастю (1798–1885) — французская писательница.

И, заставив Пьера сесть, он стал рядом с ним и продолжал очень ласковым голосом:

— Ты, конечно, не забыл, что тебя зовут не Пьер Ледюк, а Жерар Бопре. Если же ты носишь громкое имя Пьера Ледюка, то это значит, что ты, Жерар Бопре, убил Ледюка и взял себе его фамилию.

Молодой человек отскочил, возмущенный:

— Вы с ума сошли, вы отлично знаете, что вы сами все это подстроили!

— Да, конечно, я это знаю, но полиция этого не знает, и что же скажет прокурорский надзор, если я ему представлю доказательства, что настоящий Пьер Ледюк умер насильственной смертью, а ты

занял его место?

Побледнев, Ледюк пролепетал:

— Этому не поверят… Зачем мне это делать? С какой целью?

— Дурак. Цель так очевидна, что даже Вебер бы заметил это. Довольно одной фамилии: Ледюк — герцог. Ты лжешь, утверждая, что ты не хочешь брать на себя роль, которую ты не знаешь. Эту роль ты отлично знаешь. Та самая, которую исполнял бы Пьер Ледюк, если бы не умер.

— Но Пьер Ледюк для меня, как и для всех, только звук пустой. Кто он был? Кто такой я?

— Да не все ли равно? Ведь ты же отказываешься?

— Я хочу знать все, хочу идти с открытыми глазами.

— А если я тебе скажу, ты согласишься?

— Будьте уверены, что, каково бы ни было мое положение, я буду его вполне достоин. Но я хочу знать наконец, кто я.

Арсен Люпен снял шляпу, поклонился и сказал:

— Герман Четвертый, великий герцог Депон-Вельденца, граф Фистингена, владетельный князь Висбадена, курфюрст Треви и прочее и прочее.

Три дня спустя Люпен увозил в автомобиле госпожу Кессельбах. Путешествие проходило в молчании.

К вечеру они приехали в небольшой замок среди листьев и цветов, под огромной черепичной крышей, среди большого сада с вековыми деревьями.

Они застали там Женевьеву, вернувшуюся из соседнего города, куда она ездила нанимать прислугу.

— Вот место нашего пребывания, — сказал Люпен. — Это замок Брёгген. Вы можете в полном спокойствии здесь ожидать конца событий. Здесь безопасно, а с завтрашнего дня Пьер Ледюк, которого я уже известил, будет вашим гостем.

Люпен оставил их, а сам отправился в Вельденц, где передал графу Вольдемару знаменитые письма, отнятые им у Мальрейха.

— Вы знаете мои условия, дорогой Вольдемар, — сказал Люпен. — Восстановить герцогский дом Депон-Вельденц и возвратить великое герцогство великому герцогу Герману Четвертому.

— С сегодняшнего дня я начну переговоры со своим регентством. По моим сведениям, это нетрудно будет устроить. Ну а великий герцог Герман…

— Его Высочество живет в настоящее время под именем Пьера Ледюка в замке Брёгген.

И в тот же вечер Люпен отправился обратно в Париж, чтобы руководить процессом Мальрейха и семи разбойников.

Странный это был процесс.

Много было вопросов, неточностей, противоречий, но Люпен все разъяснил.

Странным было поведение Луи Мальрейха, который безучастно следил за происходящим и лишь время от времени произносил одну-единственную фразу:

— Я — Леон Масье.

Странной показалась судьям очная ставка Мальрейха с сообщниками. Они все в один голос заявили, что не знают его и никогда его не видели. Они получали от него распоряжения по телефону, или в сумерках он передавал свои записки, не говоря ни слова.

Долорес Кессельбах долгое время смотрела на Мальрейха и просто сказала:

— Да, это он. Этот самый человек ворвался ко мне в дом на улице Девинь, похитил меня и запер в сарае Старьевщика. Я узнаю его.

На следующий день Луи Мальрейх, называющий себя Леоном Масье, был приговорен к

смертной казни.

Один вопрос оставался неясным для Арсена Люпена.

Почему Мальрейх совершил столько преступлений? Какую цель он преследовал?

Но новые события заставили его забыть о Мальрейхе.

Ему принесли телеграмму из Германии. Это была ожидаемая им развязка. Высокие инстанции поручили графу Вольдемару и троим выборным от дворянства, армии и магистратуры отправиться в замок Брёгген, установить личность великого герцога Германа Четвертого и обсудить с его Высочеством приготовления и церемониал его торжественного въезда в столицу герцогства, причем означенный въезд должен был иметь место в начале следующего месяца.

— На этот раз все готово, — сказал себе Люпен. — Великий проект Кессельбаха осуществляется. Теперь ничего не остается, как показать Пьера Ледюка графу Вольдемару, но это детская игра. Завтра будет объявлено о браке Пьера и Женевьевы, и Вольдемару она будет представлена как невеста великого герцога.

Счастливый и радостный, ехал он на автомобиле в замок Брёгген.

Он остановил автомобиль за полверсты до замка и пошел дальше пешком.

При первом же повороте аллеи он увидел замок в конце темной аллеи из лип. Ему было видно, как по террасе прошла Женевьева.

Ее вид взволновал его.

— Женевьева… Женевьева… — повторял он нежно. — Еще немного, и ты станешь герцогиней. Обещание, данное твоей матери, я исполню…

Он громко засмеялся и свернул с аллеи, идя рядом с вековыми деревьями, чтобы его не могли заметить из замка.

Сейчас он увидит Долорес, милую его сердцу Долорес.

Он осторожно прошел по коридору и вошел в столовую, откуда в отражении зеркал он мог видеть часть гостиной.

Долорес лежала на кушетке. Пьер Ледюк стоял на коленях и восторженно смотрел на нее.

Глава восьмая
Карта Европы

I

Пьер Ледюк любил Долорес.

Это открытие вызвало в Люпене сильную боль, и он ясно наконец понял, чем для него постепенно стала Долорес.

Пьер Ледюк не двигался, но его губы тихо шевелились, и казалось, что Долорес просыпалась. Тихо и медленно подняла она ресницы, повернула голову и взглянула на молодого человека. И Люпен увидел ее взгляд — полный покорной страсти и нежной любви.

Люпен ворвался в гостиную, не владея собой, оттолкнул Пьера Ледюка и закричал:

— И вы не знаете? Он не говорил вам, этот негодяй? А вы любите его?.. Он — великий герцог! Великий курфюрст![15] Да он всего только Бопре, Жерар Бопре… Бродяга… Нищий, которого я подобрал в грязи!

---

[15] Notes: 15

Курфюрсты — буквально «князья-избиратели», за которыми в Священной Римской империи с XIII в. было закреплено право избрания короля (императора).

Он схватил Пьера, поднял и выкинул за окно.

Когда он обернулся к Долорес, в ее глазах сверкала такая ненависть, какой он никогда не видал. Неужели это была Долорес?

Она, с трудом сдерживая гнев, проговорила:

— Что вы делаете? Как вы смеете?.. Так это правда? Он солгал мне?

— Солгал ли он? — воскликнул Люпен. — Он великий герцог! Так, картонный паяц, которого я дергал за ниточку… Но я бы сделал его великим герцогом, если бы…

Он подошел к Долорес, с трудом сдерживая волнение, сказал:

— Налево — Эльзас-Лотарингия… направо — Вюртемберг-Баден, Бавария… Южная Германия… все эти государства придавлены сапогом пруссака и всегда готовы свергнуть его господство… Понимаете ли вы, что может сделать в этой ситуации такой человек, как я?

Еще тише он продолжал:

— Налево — Эльзас-Лотарингия… понимаете ли вы? Это не мечта, нет, самая очевидная реальность, которая осуществится на днях, быть может, завтра… Да, я так хочу… хочу. О, все, что я собираюсь сделать и сделаю, — это поразительно. Нет, вы подумайте только: в двух шагах от Эльзас-

Лотарингии… в сердце Германии, близ старого Рейна. Немного интриги, немного ума — и можно перевернуть весь мир. У меня все это есть! И я стану властелином! Для другого, для Пьера — титул и почести… А мне власть! Я останусь в тени. Никакой должности! Быть может, я соглашусь стать садовником… Какая чудная жизнь! Ухаживать за цветами и изменять по своему желанию карту Европы.

Он положил руки на плечи молодой женщине и сказал:

— Вот мой план. Каким бы он ни казался грандиозным, действительность превзойдет мечту. Император уже видел, что я за человек… В один прекрасный день мы еще встретимся с ним лицом к лицу. И все шансы будут в моих руках… Валанглэ пойдет за мной… Англия тоже… и игра будет окончена… Вот моя мечта… Есть другое…

Он вдруг замолчал. Долорес не спускала с него глаз. Она восхищалась им, и он видел в ее взгляде нечто большее, чем простой восторг. Он подумал, какую бы чудесную жизнь они могли бы вести вместе, где-нибудь недалеко от Вельденца, никому не известные, но всесильные…

Долорес встала и сказала ласково:

— Уходите, я вас умоляю. Пьер женится на Женевьеве, я вам обещаю это, но лучше — если бы вы уехали… Уходите… Пьер женится ка Женевьеве.

Он был счастлив. Хотелось бы услышать что-нибудь более определенное, но она и так сказала ему слишком много.

По дороге к двери его нога наступила на что-то твердое. Он нагнулся и увидел маленькое карманное зеркало в оправе из черного дерева с золотыми инициалами.

Он вздрогнул и поднял вещь.

Монограмма состояла из двух переплетающихся букв: Л и М.

— Л и М! Луи Мальрейх? — спросил он, быстро оборачиваясь к Долорес. — Откуда у вас это зеркало? Чье оно?

Она схватила вещь и стала рассматривать ее.

— Право, я не знаю, я никогда не видела этого зеркала…

В этот момент вошла Женевьева и, не видя Люпена, который стоял за ширмой, воскликнула:

— Ах, ваше зеркало, Долорес! Вы опять нашли его… Мы его столько искали… Где оно было?

И молодая девушка ушла, говоря:

— Тем лучше. Я скажу прислуге, чтобы не искали.

Люпен не двигался, крайне смущенный и тщетно пытаясь себе объяснить, почему Долорес не сказала правды.

Странная мысль пришла ему в голову, и он спросил:

— Вы были знакомы с Луи Мальрейхом?

— Да, — ответила она, пристально глядя на него.

Он бросился к ней, крайне взволнованный:

— Вы его знали? Кто он? Почему вы раньше

ничего не сказали? Отвечайте… я вас прошу.

— Нет, — сказала она.

— Ведь это же необходимо!.. Подумайте только! Луи Мальрейх — убийца! Чудовище! Почему вы ничего не сказали?

В свою очередь, она положила ему на плечи руки и сказала твердым голосом:

— Не спрашивайте меня никогда об этом, потому что я никогда не скажу. Что бы ни случилось, никто от меня не услышит об этом, никто на свете, клянусь вам…

II

Не говоря ни слова, он покинул комнату. Свежий воздух немного успокоил его. Он вышел за ограду парка и долго бродил по окрестностям замка, громко разговаривая сам с собой.

— Что случилось? Что происходит? — говорил он себе. — Долорес знакома с Мальрейхом и ничего не сказала. Почему? Быть может, она боялась его? Быть может, она и сейчас боится, что он убежит из тюрьмы и отомстит ей, если она что-нибудь откроет?

Была уже полночь, когда он вернулся на дачу, которую он оставил для себя. Он сел обедать в очень дурном настроении и постоянно приди-

рался к Октаву:

— Оставь меня одного… ты сегодня не можешь ничего подать как следует… Что это за кофе? Какая гадость!

После обеда, едва отхлебнув кофе, он долго ходил по парку, обдумывая историю с зеркалом. Наконец он решил, что Мальрейх убежал из тюрьмы, навел ужас на госпожу Кессельбах и, наверное, уже знает от нее историю с зеркалом.

Люпен пожал плечами:

— И сегодня ночью он придет и зарежет меня. Да нет, я, кажется, начинаю сходить с ума.

Он вернулся к себе, лег в постель и тотчас же забылся тяжелым сном. Его терзали ужасные кошмары. Он ясно слышал, как в его комнате открылось окно, и ясно увидел черную тень, медленно и осторожно приближавшуюся к нему.

И эта тень наклонилась над ним. Он сделал невероятное усилие и открыл глаза… Проснулся ли он?

Легкий шум.

Кто-то брал коробок спичек со столика.

«Я сейчас увижу», — подумал он.

Чирканье спички, свеча загорелась.

Убийца стоял около него.

— Я не хочу… не хочу… — пробормотал Люпен.

Убийца стоял напротив него, весь в черном, с маской на лице и в мягкой шляпе на светлых волосах.

И вдруг он вспомнил: кофе сегодня за обедом имел вкус кофе, который он пил в Вельденце.

Он сделал усилие, закричал, приподнялся немного и упал без сил.

Но даже сквозь глубокое забытье он почувствовал, как черный человек расстегнул ему ворот рубашки и поднял руку. Блеснул стальной стилет, тот самый, которым были убиты Кессельбах, Чепман, Альтенгейм и многие другие…

III

Через несколько часов Люпен проснулся точно избитый, с привкусом горечи во рту.

Несколько минут он лежал неподвижно, стараясь вспомнить, что такое с ним было.

— Как это глупо! — воскликнул он, вскакивая с постели. — Это был кошмар. Дурной сон. Если бы это действительно был ОН, то неужели, подняв надо мною руку со стилетом, он не зарезал бы меня, как цыпленка? ЭТОТ не стал бы колебаться…

Ни на полу, ни на окне не было никаких следов. Его комната находилась на первом этаже, спал он с открытым окном, и было очевидно, что на-

падавший влез в окно.

Но он не нашел ничего ни на наружной стене, ни на песке дорожки.

— И все-таки не может быть... — бормотал он сквозь зубы.

Он позвал Октава.

— Где ты готовил кофе, который подавал мне вчера за обедом?

— В замке, начальник, как и остальное кушанье. Здесь нет печи.

— Ты пил этот кофе?

— Нет.

— А то, что было в кофейнике, выбросил?

— Да, конечно. Ведь вы нашли, что это очень скверный кофе. Вы выпили всего два глотка...

— Хорошо. Приготовь автомобиль, мы поедем.

Люпен приказал ехать без остановок в великое герцогство и приехал туда к двум часам. Он увиделся с графом Вольдемаром и попросил его под каким-нибудь предлогом задержать поездку в замок Брёгген делегатов регентства. Потом он встретился с Жаном Дудевилем в одном из кабачков Вельденца. Тот повел его в другой кабачок и представил ему маленького господина, бедно одетого — господина Штокли, чиновника гражданского архива. Они долго разговаривали,

потом все втроем направились в ратушу.

В десять часов он приехал в замок Брёгген и сейчас же послал за Женевьевой, чтобы отправиться вместе с ней к госпоже Кессельбах. Ему сказали, что Женевьева уехала в Париж, получив телеграмму от своей бабушки.

— Хорошо, — сказал он, — но госпожу Кессельбах можно видеть?

— Барыня сразу после обеда ушла к себе и, должно быть, уже спит.

— Нет, я видел свет в ее комнате. Она примет меня.

Не дожидаясь ответа горничной, он вошел в будуар и, отпустив горничную, сказал Долорес:

— Мне надо с вами переговорить, и очень спешно. Я надеюсь, вы извините меня и, выслушав, согласитесь со мной.

Он был очень возбужден и ни за что не хотел откладывать объяснения с госпожой Кессельбах, тем более что перед тем, как войти в комнату, он слышал там какой-то странный шум.

Но Долорес была одна и лежала на кушетке.

Она сказала ему слабым голосом:

— Быть может, отложим до завтра…

Он не отвечал, крайне изумленный запахом табачного дыма в ее будуаре. Совершенно оче-

видно, что здесь, в комнате, был мужчина, даже еще в тот самый момент, когда он входил… Пьер Ледюк? Нет. Пьер Ледюк не курит. Так кто же?

Долорес тихо сказала:

— Давайте скорее…

— Хорошо… сейчас… сейчас… но только, может быть, вы мне сначала скажете…

Он не окончил фразы. К чему спрашивать? Если здесь скрывается мужчина, разве она выдаст его?

Тогда он решился и, стесняемый присутствием кого-то постороннего, начал совсем тихо, чтобы его слова могла слышать только Долорес:

— Послушайте… я узнал одну вещь… и совершенно не понимаю… меня это очень смущает. Вы мне ответите, не правда ли, Долорес?

— Что же это такое? — спросила она.

— В ратуше Вельденца, в гражданских списках, есть три имени последних представителей рода Мальрейх, французского дворянина, поселившегося в Германии…

— Да, вы мне рассказывали это…

— Вспомните, сначала Рауль Мальрейх, более известный под именем барона Альтенгейма, теперь… убитый.

— Да.

— Потом Луи Мальрейх, чудовищный убийца, который через несколько дней будет казнен.

— Да.

— И наконец, безумная Изильда…

— Да.

— И вот, — сказал Люпен, наклоняясь к ней, — из расследования, которое я только что закончил, выяснилось, что второе имя Луи или, вернее, вся строка, на которой оно вписано, подчищена, а потом уже покрыта новой надписью. Но, несмотря на это, старые буквы не стерлись окончательно, так что…

— Так что?

— Так что при помощи хорошей лупы и особых приемов, известных мне, я восстановил старую надпись и с полной уверенностью могу сказать, что там было написано не Луи Мальрейх, а…

— Молчите… молчите… — Она тихо заплакала.

— Зачем эта подделка? — продолжал он.

— Это мой муж… — сказала она, — он хотел этого. Перед нашей свадьбой он подкупил чиновника архива, чтобы тот уничтожил в книгах имя второго ребенка.

— Имя и пол, — поправил Люпен.

— Да.

— Следовательно, я не ошибся, настоящее имя

второго ребенка было Долорес?

— Да.

— А при чем тут ваш муж?

Она подняла на него глаза, вся красная от стыда, со щеками, мокрыми от слез, и сказала:

— Неужели вы не понимаете?

— Нет.

— Но подумайте только, — говорила она дрожа, — я была сестрой безумной Изильды и бандита Альтенгейма. Мой муж, тогда еще бывший женихом, не пожелал, чтобы это осталось так. Он любил меня. Я тоже любила его и согласилась. В книгах в ратуше Вельденца было уничтожено имя Долорес Мальрейх, а он купил мне другие документы, и я вышла замуж за него в Голландии под именем молодой девушки Долорес Амонти.

Люпен подумал с минуту и сказал:

— Да-да, понимаю… Но, значит, убийца вашего мужа, вашей сестры и вашего брата носит другое имя… его имя…

Она перебила его:

— Его имя Луи Мальрейх… Л и М. Это он виновный, уверяю вас. Разве он пытался защищаться, когда я на суде обвиняла его? Вспомните стилет… стальной стилет. Ах, если бы можно было все сказать… Луи Мальрейх… Если только можно…

С ней началась истерика, ее руки судорожно цеплялись за руку Люпена.

— Защитите меня… помогите мне… Только вы один можете… Нет, не бросайте, я так несчастна… А… какая пытка… какая пытка… адские муки…

Свободной рукой он тихо гладил ей лоб и волосы. Она медленно успокоилась и стихла.

Он долго-долго смотрел на нее. Она тоже боялась. Но кого? От кого она просила защитить ее?

И опять образ человека в черном, Луи Мальрейха, встал перед ним.

Леон Масье… Может, он и не Мальрейх вовсе? Он мог быть сообщником или даже жертвой Мальрейха, в то время как сам Мальрейх бродил вокруг замка Брёггена, скрываясь в тени, невидимый, как призрак, он мог проникнуть на дачу, где спал Люпен, и сделать попытку убить его…

«Но почему же он не убил меня сегодня ночью? — думал Люпен. — Ему стоило только захотеть, а он не захотел… Одно движение — и я был бы мертв. И это движение он не сделал… Почему?»

Долорес открыла глаза, увидела его и слабо улыбнулась.

— Оставьте меня, — тихо сказала она.

Выйдя наружу, Люпен остановился за деревья-

ми перед фасадом замка и стал наблюдать. Свет в будуаре Долорес погас, и весь замок погрузился во мрак.

Он подходил уже к своей даче, когда увидел тень. Тень, казалось, удалялась.

Он остановился как вкопанный, боясь наделать шуму.

Тень шла по аллее. При мгновенном свете электрического фонаря ему показалось, что он узнал черный силуэт Мальрейха.

Он бросился за ней.

Тень побежала и исчезла.

— Хорошо, — сказал он, — это произойдет завтра. И уж на этот раз…

IV

Люпен вошел в комнату Октава, разбудил его и сказал:

— Возьми автомобиль. Ты будешь в Париже в шесть часов утра. Разыщи Жака Дудевиля и скажи ему, чтобы он сообщил мне, в тюрьме ли приговоренный к смерти, и пусть, как только откроется почта, он пошлет мне следующую телеграмму. — Он набросал несколько слов на клочке бумаги и продолжал: — Сделав это, ты возвратишься сюда. Но въезжай не прямо, а

обходным путем, огибая стены парка. Не надо, чтобы кто-нибудь мог догадаться, что ты уезжал.

После этого Люпен вошел в свою комнату, зажег огонь и начал детальный осмотр.

— Да, это так, — сказал он через минуту, — в то время как я стоял около замка, здесь кто-то был. А раз здесь были, то трудно сомневаться, зачем приходили... Да, я не ошибаюсь, он спешит... Первый раз он почему-то отказался от своего намерения... Но сегодня ночью он наверняка постарается убить меня.

Из осторожности он взял одеяло, выбрал в парке уединенное место и заснул там под открытым небом.

К одиннадцати часам утра вернулся Октав.

— Все сделано, начальник, телеграмма послана.

— Хорошо. А Луи Мальрейх в тюрьме?

— Да. Мальрейх все такой же, нем как рыба. Дожидается.

— Чего?

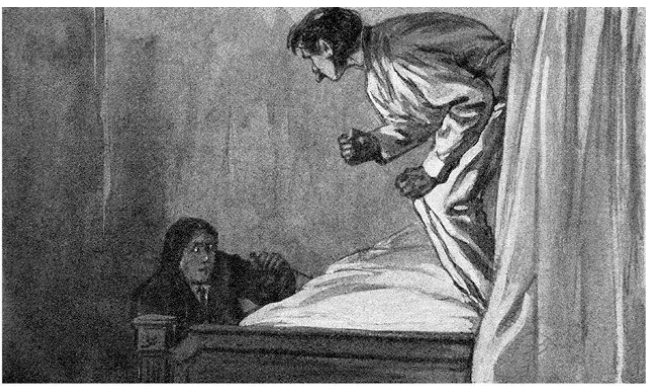
— Как чего? Казни! В префектуре говорят, что послезавтра приговор будет приведен в исполнение.

— Тем лучше, тем лучше, — сказал Люпен. — Теперь, по крайней мере, ясно, что он не удрал

из тюрьмы.

Люпен отказался от всяких попыток разгадать эту непонятную загадку, так как был уверен, что этой ночью узнает всю правду. Ему оставалось только привести в исполнение свой план, чтобы противник попался в западню.

Из замка слуга принес ему телеграмму от Дудевиля. Люпен распечатал ее и положил в карман. Около двенадцати часов он встретил в парке Пьера Ледюка и без всяких предисловий обратился к нему:



— Отвечай мне откровенно. С тех пор как ты находишься в замке, видел ли ты кого-нибудь, кроме слуг, поставленных мною?

— Нет. Никого… А разве вы?..

— Да, кто-то скрывается здесь и бродит вокруг. Кто? С какой целью? Я этого не знаю… надеюсь скоро узнать. Ты со своей стороны тоже смотри в оба, и, главное, ни слова госпоже Кессельбах. Не нужно ее волновать.

Он ушел.

Пьер Ледюк, обеспокоенный словами Люпена, направился к замку.

По дороге на зеленом дерне лужайки он увидел четвертушку голубой бумаги. Он поднял ее. Это была телеграмма, адресованная господину Мони, под этим именем Люпен жил в Брёггене. Она не была измята и брошена, а, аккуратно сложенная вчетверо, наверное, была потеряна им.

В ней было написано: «УЗНАЛ ВСЮ ПРАВДУ. ПИСЬМОМ СООБЩИТЬ НЕВОЗМОЖНО. ВЫЕЗЖАЮ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ. ДОЖИДАЙТЕСЬ В ВОСЕМЬ ЧАСОВ УТРА ЗАВТРА НА ВОКЗАЛЕ БРЁГГЕН».

— Великолепно, — подумал Люпен, следивший за Пьером Ледюком из кустов. — Через две минуты этот франт покажет телеграмму Долорес, передаст ей мои опасения. Они будут разгова-

ривать об этом весь день, и другой услышит и узнает про это, потому что он знает все и живет где-нибудь около Долорес, которую он, как добычу, держит в своих когтях. И сегодня вечером он, боясь, что мне откроют тайну, произведет нападение.

Войдя в свою комнату, он позвал Октава, бросился на кровать и сказал:

— Отправляйся обедать в замок вместе с прислугой. За столом расскажешь, что ты сегодня ночью едешь в Париж.

— Вместе с вами?

— Нет, один. И как только обед кончится, ты готовь автомобиль и поезжай.

— В Париж?

— Нет. Ты выедешь на дорогу и остановишься в километре отсюда… пока я не приду. Но это будет не скоро.

В этот вечер Люпен долго гулял.

В половине двенадцатого он вернулся в себе в комнату. За окном была тихая звездная ночь, полная смутных, неясных звуков. Он вспомнил прекрасную Долорес, и губы его невольно тихо-тихо произнесли ее имя.

— Ну, довольно, — сказал он. — Будем готовиться.

Он оставил окно приотворенным, отодвинул в сторону мешавший круглый столик… Потом спокойно, не снимая одежды, лег в постель и погасил свечу.

Чувство страха постепенно овладевало им.

— А, черт! — воскликнул он и вскочил с кровати.

Потом снова лег. И его снова охватил страх.

На часах пробило полночь.

Люпен думал об убийце, который бродит где-то рядом со своим острым стилетом.

— Пусть приходит… пусть приходит, — бормотал он.

Пробил час… потом два…

И вот где-то вблизи раздался едва уловимый легкий шорох… Листья зашелестели, но не так, как от дуновения ветра…

Люпен затаил дыхание.

Шорох повторился, более ясный, но такой слабый, что только тонкий слух Люпена мог расслышать его.

В комнате была беспросветная тьма. На небе ни звезд, ни луны. И вдруг, хотя он ничего больше не слышал, он почувствовал, что человек уже в комнате. Он шел прямо к постели. Шел, как призрак, не производя колебания воздуха, не задевая

окружающие предметы.

Люпен прижался к стене, почти стоя на коленях, готовый прыгнуть.

Он чувствовал, как тень ощупывает постель… слышал, как тень дышит… Ему казалось, что он также слышит и биение сердца у другого, и он с гордостью убедился, что его сердце бьется не сильнее… тогда как у другого… о, как бешено, беспорядочно стучало оно в его груди.

Рука другого поднялась… Одна секунда… Две секунды… Чего же он колеблется? Опять раздумает?

— Да бей же! — резко закричал Люпен.

Крик бешенства… Рука опустилась, как пружина… Стон…

Люпен на лету поймал и сдавил руку около кисти. Соскочив с кровати, полный отчаянной решимости, он схватил человека за горло и повалил его.

Рискуя задушить врага, он сжал ему горло… Он почувствовал, что силы покидают противника. Мускулы ослабли, кулак разжался, и стилет выпал.

Тогда Люпен взял карманный фонарь и, не включая его, приложил к лицу лежавшего под ним. Нажатие на кнопку — и тайне конец.

Всего одну секунду он наслаждался своим могуществом.

Победа ослепляла его и наполняла душу неизъяснимым удовольствием.

Потом быстро нажал кнопку.

Показалось лицо чудовища.

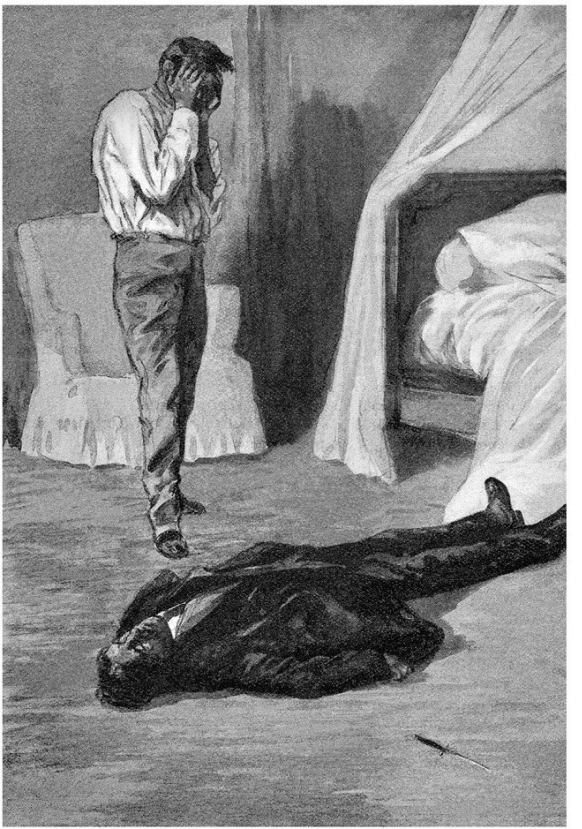
Крик ужаса вырвался у Люпена.

Долорес Кессельбах!

Глава девятая
Три преступления Арсена Люпена

I

Он не двигался, вцепившись в горло врага, точно его пальцы не могли разжаться. Странная вещь: хотя он и знал, что это была Долорес, у него было впечатление, что это был черный человек, Луи Мальрейх, его он держит и не выпустит. Но смысл происшедшего постепенно доходил до него, и, потрясенный, он повторял:



— Долорес… Долорес…

В то же время ему пришло в голову оправдание: она была сумасшедшей. Сестра Альтенгейма и Изильды, дочь безумной матери и отца-алкоголика, она сама была сумасшедшей.

Она убивала из-за стремления убивать…

И перед взором Люпена прошел длинный ряд кровавых преступлений, совершенных Долорес. И все таинственное в этой истории становилось для него простым и ясным.

Он видел, как она была одержима мыслью узнать во что бы то ни стало проект своего мужа, который ей, наверное, был известен в частностях. Он видел, как она так же, как и ее муж, искала Пьера Ледюка, чтобы выйти за него замуж, вернуться королевой в герцогство, откуда ее родители были с позором изгнаны.

Он видел, как она жила в «Палас-отеле», в комнате своего брата Альтенгейма, в то время как все предполагали, что она находится в Монте-Карло. И он видел, как она целыми днями следила за мужем, пробираясь вдоль стен, скрываясь во мраке, одетая в черное.

Однажды ночью она нашла Кессельбаха связанным — и убила его. А через час, когда Чепман, в свою очередь, чуть было не выдал ее, она увлекла

его в комнату своего брата и там убила несчастного секретаря.

Все это она проделывала дико, безжалостно, с дьявольской ловкостью.

С той же ловкостью она договорилась со своими двумя горничными Гертрудой и Сюзанной, которые только что приехали из Монте-Карло, где одна из них играла роль хозяйки. И Долорес, переодевшись в женское платье, сняв белокурый парик, делавший ее неузнаваемой, спустилась вниз и присоединилась к Гертруде в тот момент, когда та входила в отель, и казалось, что она тоже только что приехала, ничего не зная об ожидавшем ее горе.

Великолепная актриса, она играла роль вдовы, жизнь которой разбита незаменимой потерей. Ей все сочувствовали, она вызывала слезы жалости на глазах тех, кто ее видел. Кому пришло бы в голову заподозрить ее!

И тогда она начала борьбу с Люпеном, ожесточенную, неслыханную борьбу, то против Ленормана, то против князя Сернина, днем лежа на кушетке, больная и разбитая, ночью на ногах, неутомимая и страшная. И она устраивала адские комбинации, при помощи покорных сообщниц, Гертруды и Сюзанны, пользуясь той и другой для

разведки или заставляя одну из них переодеваться и принимать на себя ее роль, как, наверное, это было в тот день, когда Штейнвег был похищен Альтенгеймом из здания суда.

И целый ряд убийств, убийств… Она утопила Гуреля, зарезала своего брата Альтенгейма…

Люпен вспоминал ту ужасную борьбу, которую ему пришлось выдержать в подземном ходе в Гарше, ту невидимую, чудовищную работу… О, как все это было ясно теперь.

Это она сорвала с него маску князя Сернина, выдала его полиции, засадила в тюрьму, разбивала все его планы, тратя свои миллионы, чтобы выиграть битву.

Потом события ускорились. Гертруда и Сюзанна исчезли — наверное, убиты. Штейнвег убит! Изильда убита!

— Долорес… Долорес… — повторял он с отчаянием.

И вдруг он отскочил, помертвев от ужаса, с блуждающими глазами. Что? Что такое? Почему это противное ощущение холода? Этот холод, холод смерти… неужели это возможно?

Долорес была мертва.

Значит, в продолжение нескольких минут своими судорожно сжатыми пальцами… Он силой

принудил себя повернуться к ней и посмотреть. Долорес не двигалась. Он бросился на колени и приподнял ее.

Да, она была мертва.

Некоторое время он стоял как оглушенный, не чувствуя даже боли. Он не страдал, не ощущал ни бешенства, ни гнева, ни ненависти — ничего, кроме ощущения человека, придавленного внезапно свалившейся на него глыбой. И странно, ему ни на миг не пришла в голову мысль, что он убил ее. Нет, это не он. Это случилось помимо его воли, по воле высшей справедливости…

Он вспоминал, как третьего дня ночью она подняла стилет, чтобы убить его, но не убила. Что это было? Внезапное просветление? Или чувство невольного восхищения перед так часто побеждавшим ее врагом?

Она не убила его тогда, и вот теперь, по странной, роковой случайности, он убил ее…

«Я убил ее, — печально думал он. — Своими руками я уничтожил живое существо, и этим существом оказалась Долорес…»

Было уже совсем светло, а он все еще сидел около трупа, погруженный в тяжелые думы, и время от времени его губы шевелились и был слышен слабый шепот:

— Долорес… Долорес…

Надо было что-нибудь предпринять, но, совершенно растерянный и разбитый, он не знал ни с чего начать, ни что делать.

— Закроем ей глаза сначала, — сказал он.

Он наклонился к ней, опустил ее шелковистые ресницы и закрыл покрывалом бледное искаженное лицо.

Тогда он почувствовал, что образ Долорес отлетел от него и стал далеким, а перед ним лежал человек в черном.

Он почувствовал, что может дотронуться до него, и стал обыскивать его одежду.

Во внутреннем кармане было два бумажника. Он взял один из них и открыл.

Ему бросилось в глаза письмо, подписанное Штейнвегом, стариком-немцем. Там было написано:

Если я умру, не решившись раскрыть ужасную тайну, то пусть ее узнают после моей смерти. Убийцей моего друга Кессельбаха была его жена, настоящее имя которой Долорес Мальрейх, сестра Альтенгейма и Изильды.

Инициалы Л. и М. принадлежат ей. Ни-

когда Кессельбах не называл свою жену Долорес, что значит «печаль и скорбь», а только Летицией, что означает «радость». Л. и М. – Летиция Мальрейх, ее инициалы стояли на всех подарках, которые ей делал муж, и на портсигаре, найденном в «Палас-отеле», принадлежавшем ей. Во время путешествий она приобрела привычку курить.

Летиция! Она действительно была его радостью в продолжение четырех лет их брака, четырех лет, в течение которых она при помощи лжи и лицемерия готовила смерть тому, кто так нежно и доверчиво любил ее.

Быть может, я должен был сказать тотчас же, как узнал это. Но при воспоминании о моем покойном друге Кессельбахе, имя которого она носила, у меня не хватало мужества.

И потом, я боялся. В тот день, когда в здании суда я узнал в ней убийцу, я прочел в ее глазах свой смертный приговор.

Не знаю, спасет ли меня моя слабость?

«И его она убила, его тоже, — думал Люпен. — Действительно, он слишком много знал… Инициалы Л. и М., ее имя Летиция… тайную привычку курить…»

И он вспомнил, как в предпоследнюю ночь его поразил запах табачного дыма в ее будуаре.

Он продолжал осматривать содержимое первого бумажника…

Внимание Люпена привлекла фотография. Он взглянул на нее и тотчас же, бросив бумажник, выскочил в сад и побежал к замку. Он узнал портрет заключенного в тюрьме Санте Луи Мальрейха. И только тогда, в эту минуту, он вспомнил: на следующее утро — казнь.

А так как человеком в черном, убийцей, был не кто иной, как Долорес, следовательно, Луи Мальрейха действительно звали Леоном Масье, и он был невиновен.

Невиновен… Но как же письма императора и другие улики, найденные у него и бесспорно доказывавшие его виновность?

— Надо действовать! — воскликнул он. — Завтра на рассвете казнь…

Он добежал до замка, нашел Пьера Ледюка и сказал ему отрывисто:

— Долорес нет больше в замке, она спешно

уехала в моем автомобиле сегодня ночью. Я тоже сейчас уезжаю… Отпустишь всю прислугу, без всяких объяснений. Вот деньги. Чтобы через полчаса замок был пуст. Пусть никто не входит до моего возвращения. И ты тоже… Возьми ключ с собой и дожидайся меня в деревне…

Он бросился дальше, через десять минут разыскал Октава, вскочил в автомобиль и сказал:

— В Париж.

II

Езда в Париж походила на бешеную гонку. Люпен сам сел за руль, и автомобиль понесся по дороге.

— Я доеду, потому что это необходимо, — повторял он.

И Люпен думал о Леоне Масье, который должен будет умереть, если он не приедет вовремя, чтобы спасти его. Об этом таинственном Леоне Масье, упорное молчание которого и странное лицо сбивали всех с толку.

И Люпен понял.

«Это она подстроила против Масье одну из самых ужасных своих махинаций. К чему она стремилась? Она хотела выйти замуж за Пьера Ледюка, чтобы вернуться его женой в герцогство

Вельденц, откуда ее изгнали. Цель была близка, если бы не я — человек, с вмешательством которого она встречалась после каждого своего преступления. Она знала: я не сложу оружия, пока не найду виновного, похитившего письма императора.

Мне нужен был виновный — и она создала его для меня: Луи Мальрейх или, вернее, Леон Масье. Кто он? Знала ли она его раньше, до брака с Кессельбахом? Быть может, даже любила его когда-то. Все это очень вероятно, но никто никогда не узнает, насколько правдиво это предположение… Несомненно только то, что она была поражена своим сходством с ним, особенно в белокуром парике и черном платье. Также верно, что она наблюдала и знала странную жизнь этого человека, его ночные прогулки, необычную манеру бродить по улицам и внезапно исчезать.

И это она посоветовала Кессельбаху подкупить чиновника, чтобы подчистить имя Долорес в гражданских книгах и вместо него поставить Луи, ради одинаковых инициалов с Леоном Масье.

Когда наступает момент действовать, она приказывает своим сообщникам поселиться на соседней улице, рядом с Леоном Масье. Сама дает мне адрес метрдотеля Доминика и указывает

след, по которому я могу добраться до ее сообщников, отлично зная, что раз я попал на след, то обязательно дойду до конца, то есть до главного начальника, человека в черном, Леона Масье, или Луи Мальрейха.

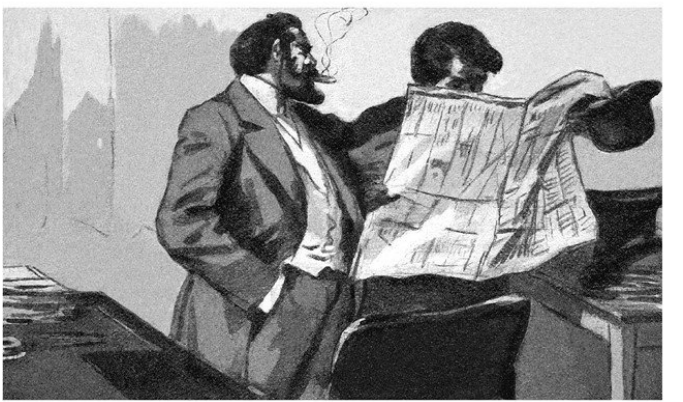
И действительно, я разыскал вначале семерых разбойников. Что же тогда должно было произойти по ее плану? Или я буду побежден, или мы погубим друг друга. Без сомнения, она на это надеялась тогда вечером на улице Девиль. И в том, и в другом случае Долорес отделалась бы от меня.

Но случилось другое: я справился с семью разбойниками. Тогда Долорес бежит оттуда, и я нахожу ее в сарае Старьевщика, оттуда она направляет меня к Леону Масье, или к Луи Мальрейху. Я нахожу у него письма императора, которые она сама туда положила, и я выдаю его в руки правосудия, указываю на тайный ход между двумя сараями, который она сама велела сделать, и представляю все доказательства и документы, подделанные ею, что Леон Масье был не Леоном Масье, а Луи Мальрейхом.

И в силу всех этих обстоятельств Луи Мальрейх должен быть казнен.

А Долорес Мальрейх, торжествующая, вне вся-

ких подозрений, потому что виновный найден, освободившись от своего прошлого, мужа, брата, сестры, от двух горничных и Штейнвега — все они были убиты ею, отделавшись от своих сообщников, которых я связанными представил Веберу, отделавшись, наконец, от самой себя, потому что я вместо нее возвел на эшафот невинного, она, Долорес, богатая, любимая Пьером Ледюком, станет царствующей герцогиней».



— А, нет! — воскликнул Люпен. — Этот человек не умрет. Клянусь своей головой, что он не будет казнен.

Наконец они подъехали к министерству на площади Бове.

Люпен быстро прошел по двору и поднялся по лестнице. Приемная была полна народу. Он написал на листке «Князь Сернин» и, отозвав курьера в сторону, сказал:

— Это я, Люпен.

Через десять секунд Валанглэ приотворил дверь кабинета и сказал:

— Попросите князя…

Люпен быстро вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и, не давая председателю начать разговор, сказал:

— Не спешите арестовывать меня. Я нашел настоящего убийцу. Это Долорес Кессельбах. Она умерла. Мальрейх невиновен. Я представлю все доказательства.

Валанглэ внимательно посмотрел на него, потом подошел к столу, взял газету и протянул ему, указывая пальцем на статью.

Люпен взглянул и прочел: «Казнь чудовища. Сегодня утром Луи Мальрейх…»

Он не дочитал. У него вырвался невольный

стон, и он опустился на стул.

— Послушайте, — подошел к нему Валанглэ. — Не надо никому об этом говорить. Может быть, Мальрейх и не виновен, не спорю. Но к чему сейчас поднимать всю эту историю. Ведь это же скандал. Из-за чего? Реабилитации его имени? Так он и осужден не под своим. Казнен Мальрейх, а не Масье… — И, подталкивая Люпена к двери, он продолжал: — Лучше поезжайте туда… Уничтожьте труп. И чтобы не осталось ни малейшего следа от этой истории. Я рассчитываю на вас.

Люпен вышел. Несколько часов он ждал на вокзале, машинально пообедал, взял себе билет и сел в купе.

В Брёгген поезд пришел утром. Там Люпен навел справки и узнал, что Пьер Ледюк завтракал накануне в гостинице, а после его не видели.

— Как, — спросил Люпен, — он не ночевал?

— Нет.

— Но куда же он направился после завтрака?

— По дороге к замку.

Весьма удивленный, Люпен ушел. Он ведь дал строгое предписание молодому человеку запереть двери и не возвращаться в замок после того, как слуги уйдут.

Тотчас же он увидел доказательство того, что

Пьер Ледюк не послушался: калитка была открыта.

Он вошел, побежал к замку, кричал, звал.

Никакого ответа.

Вдруг он вспомнил о даче. Кто знает! Пьер Ледюк, тоскуя о Долорес, мог направиться туда. А там труп Долорес!

Очень беспокоясь, Люпен бросился к даче.

— Пьер, Пьер! — кричал он.

Не слыша ответа, он вошел в переднюю и затем в комнату, которую занимал.

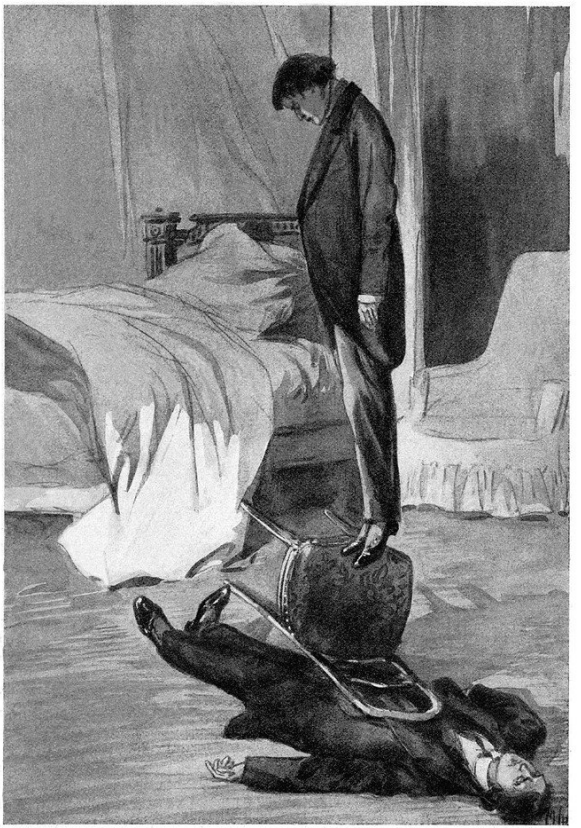
Но вдруг остановился как пригвожденный на пороге.

Над трупом Долорес висел Пьер с петлей на шее.

III

Люпен молча взглянул и нахмурился.

— Идиот, — сказал он, показывая кулак Пьеру Ледюку. — Ах, идиот! И ты не мог подождать. Еще немного, и мы бы взяли обратно Эльзас-Лотарингию.



Он хотел что-то сказать, сделать, но мысли ускользали от него.

Все утро он пробродил по парку: мучительная прогулка, во время которой он до мелочей выяснил свое положение. Ничего не осталось, полнейший разгром… Пропало герцогство, потеряна Европа… Нет Долорес, которую он любил — и убил, убил своими руками.

Мысль о собственной смерти не испугала его.

Но решится ли он на это или нет, раньше ему надо было закончить целый ряд дел. Тем более что теперь, когда он успокоился, он ясно видел, что предстояло ему сделать.

Он вернулся, очень спокойный, на дачу, вошел в свою комнату, влез на скамью и обрезал веревку, на которой висел Пьер Ледюк.

— Бедняга, — сказал он, — тебе суждено было кончить так печально… Что делать, ты не был создан для величия! Я должен был предвидеть это и не основывать свои планы на бедном рифмаче.

Он осмотрел платье молодого человека и не нашел ничего. Но вдруг он вспомнил про второй бумажник Долорес. Он взял его.

Невольный жест удивления вырвался у него, когда он увидел в бумажнике пачку писем, внешний вид которых ему показался знакомым и

которые он тотчас же узнал.

— Письма императора, — пробормотал он, — письма покойного канцлера… вся та связка, которую я взял у Леона Масье и передал графу Вольдемару… Что же это такое? Неужели она опять выкрала их у этого кретина Вольдемара?

Но, ударив себя кулаком по лбу, он вдруг воскликнул:

— Да нет же! Это я — кретин! Ведь это и есть настоящие письма. Она их оставила у себя, чтобы в нужный момент иметь средства для воздействия на императора. А те, которые я возвратил, были умело сделанной копией, она мне их и подсунула… А я попался, как мальчишка!

Кроме писем, в бумажнике была еще фотография. Он посмотрел. Это был его портрет.

— Две фотографии… Масье и моя, тех, кого она больше всего любила… потому что меня она любила… без сомнения… Странная любовь, состоявшая из восхищения перед авантюристом, человеком, который один уничтожил семерых разбойников, собиравшихся по ее поручению убить его… Я ясно чувствовал, что она любит меня, в тот день, когда я раскрыл ей свои мечты о всемогуществе… Тогда у нее действительно было намерение бросить Пьера Ледюка, и, если

бы не история с зеркалом, она бы, наверное, так и поступила. Но она испугалась. Я слишком близко подошел к истине. Моя смерть была необходима для ее безопасности — и она решилась.

Он прошелся по комнате.

— И все-таки она любила меня… И умерла, задушенная мною. К чему тогда жить?

Он повторил шепотом:

— К чему тогда жить? Не лучше ли последовать за ней…

Он положил оба трупа рядом, накрыл их одним покрывалом, сел к столу и начал писать:

Я победил всех и сам побежден… Рок сильнее меня… И той, кого я любил, нет больше в живых. Я тоже умираю.

Арсен Люпен

Он запечатал письмо, вложил в бутылку и выбросил за окно на клумбу. Потом он взял старые газеты и, разбросав их по полу, сходил на кухню, принес соломы и стружек.

Все это облил керосином, зажег свечу и бросил в стружки.

Тотчас же пламя побежало по комнате, быстро охватывая ее.

— В дорогу, — сказал Люпен, — дача деревян-

ная, и она сгорит, как спичка. Пока прибегут из деревни, взломают ворота, будет слишком поздно… Останется только зола, два обугливших трупа и недалеко бутылка с моей запиской… Прощай, Люпен.

Он дошел до ограды парка, влез на стену, оглянулся и увидел пламя и клубы дыма, поднимавшиеся к небу.

Люпен возвращался в Париж пешком.

Крестьяне удивлялись, видя путешественника, который за обеды в тридцать су расплачивается банковыми билетами.

Три вора с большой дороги напали на него ночью среди леса, он оставил их полумертвыми на месте…

Неделю он провел в одной гостинице около дороги. Он не знал, куда идти, что делать. Жизнь надоела ему. Он не хотел больше жить…

— Это ты!

Госпожа Эрнемон стояла в маленькой комнате в Гарше, широко открыв глаза от изумления.

Люпен!.. Люпен был здесь!

— Но как же? В газетах…

Он грустно улыбнулся:

— Да, я умер.

— Так что же? — спросила она наивно.

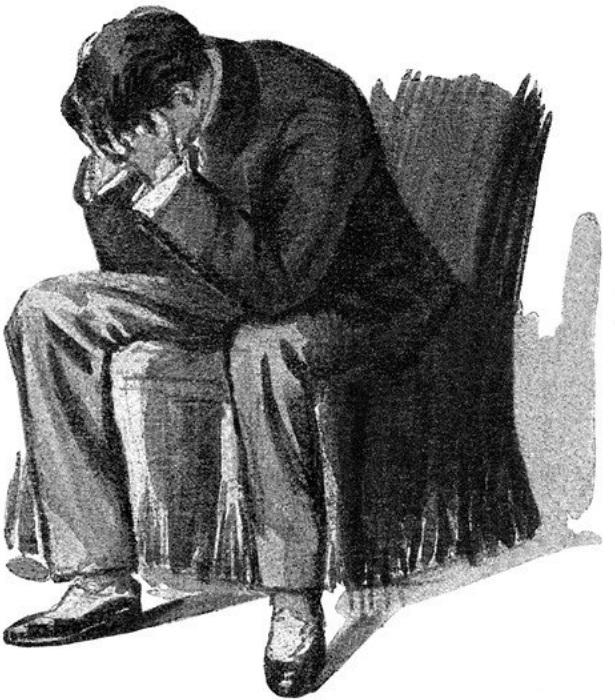
— Ты хочешь сказать, что если я умер, то мне нечего делать здесь? Поверь, Виктория, меня привели сюда серьезные причины.

— Как ты переменился! — заметила она с ноткой сострадания в голосе.

— Так, легкие разочарования... Но это кончено. Женевьева здесь?

Она подскочила в гневе:

— Ты оставишь наконец Женевьеву в покое? Видеть Женевьеву! Опять ее увезти! Нет! На этот раз я ее не выпущу, она едва только начала поправляться. Нет и нет! Клянусь тебе, я заставлю тебя оставить ее в покое!



Он положил руку ей на плечо:

— Я хочу... ты понимаешь... я хочу с ней поговорить.

— О чем?

— Я остался совершенно один и в первый раз за всю свою жизнь нуждаюсь в помощи. Я имею право обратиться за помощью к Женевьеве, и ее долг помочь мне, или…

— Что?

— Или все кончено.

Виктория молчала, бледная и взволнованная. В ней вновь проснулась любовь к тому, кого она вскормила своим молоком и который для нее всегда, несмотря ни на что, останется «ее малышом».

Она спросила:

— Так что же? Ты хочешь, чтобы она разделила с тобой твою жизнь — жизнь Люпена?

— Да, я этого хочу, это мое право.

— Ты хочешь, чтобы она бросила всех этих детей, которых она так любит, тот простой образ жизни, который она ведет, который ей нравится и необходим?

— Да, я этого хочу, это ее долг.

Старая женщина открыла окно и сказала:

— В таком случае позови ее.

Женевьева сидела на скамье в саду, и около нее стояли четыре девочки. Остальные бегали и играли.

Он видел ее лицо, ее глаза, улыбающиеся и

серьезные. Сидя с цветком в руке, она обрывала лепестки и объясняла что-то детям, которые с любопытством внимательно слушали ее. Потом она по очереди спрашивала их, смеясь и целуя.

Люпен долгое время смотрел на нее с непонятным волнением. Совершенно новые чувства пробуждались в нем. Ему хотелось обнять эту красивую молодую девушку, приласкать ее и сказать ей, как он ее любит. Он вспомнил ее мать, умершую от горя в маленькой деревушке в Аспремоне.

— Ну, позови ее, — повторила Виктория.

Он тяжело опустился на кресло, говоря:

— Я не могу, не могу… нет-нет, не могу… Пусть лучше она считает меня мертвым… так будет лучше…

И он заплакал.

Виктория наклонилась к нему и дрожащим голосом спросила:

— Это твоя дочь?

— Да, это моя дочь.

— О, бедняжка, бедняжка, — сказала она, плача.

Эпилог
Самоубийство

I

— На лошадь! — скомандовал император. — Или, вернее, на осла, — поправился он, смеясь, любуясь великолепным животным, которое ему подвели. — Вольдемар, уверен ли ты, что это животное послушно?

— Ручаюсь, как за самого себя, Ваше Величество, — ответил граф.

— В таком случае я спокоен, Вольдемар, — сказал император со смехом и, обращаясь к сопровождавшим его офицерам, приказал: — Верхом, господа!

На главной площади одной из деревень острова Капри собралась целая толпа итальянских карабинеров — все верхом на ослах, — предназначенных сопровождать императора, который захотел осмотреть чудесный остров.

— С чего начнем, Вольдемар? — спросил император, ехавший впереди вместе с графом.

— С виллы Тиберия[16], государь.

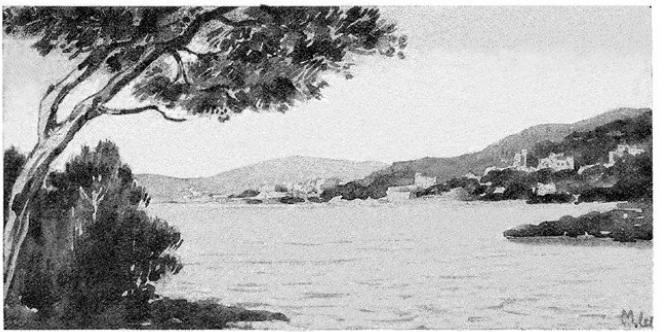
Выехали за ворота и направились по дурно вымощенной дороге, постепенно поднимавшейся в направлении к восточному мысу острова. Император был в хорошем настроении и смеялся над громадным графом Вольдемаром, ноги которого шаркали по земле по обеим сторонам бедного осла, едва тащившего его.

Через три четверти часа подъехали к скале Тиберия высотою триста метров, откуда тиран сбрасывал свои жертвы в море.

Император слез с осла, подошел к перилам, заглянул в пропасть, потом пешком отправился к развалинам виллы Тиберия и стал осматривать их.

---

[16] Notes: 16
Тиберий (42 до н. э. — 37 н. э.) — римский император с 14 г. н. э.



Он остановился на мгновение, любуясь чудным расстилавшимся перед ним видом на Сорренто и весь остров. Голубая морская вода красиво обрисовывала изгиб залива, и свежий морской воздух мешался с ароматом лимонных деревьев.

— Еще красивее вид, Ваше Величество, от часовенки пустынника, там, на вершине.

— Пойдем туда.

Но пустынник сам спускался по крутой тропинке. Это был сгорбленный старик с шаткой походкой. Он нес в руках книгу, где обыкновенно

расписывались путешественники, и положил ее на каменную скамью.

— Что же написать? — спросил император.

— Имя Вашего Величества, число… и что вам будет угодно.

Император взял перо, которое ему подал пустынник и нагнулся.

— Осторожнее, Ваше Величество.

Крики ужаса… шум… треск… С вершины, где стояла часовня, катилась огромная глыба к тому месту, где стоял император.

Почти в тот же момент пустынник, обхватив императора, отскочил с ним в сторону. Глыба ударилась о каменную скамейку, перед которой секунду тому назад находился император, и разбила ее вдребезги.

Если бы не пустынник, император был бы убит.

Он протянул ему руку и просто сказал:

— Благодарю.

Офицеры толпились вокруг него.

— Ничего, ничего, господа… Я отделался только испугом… Правда, если бы не этот человек…

И, подойдя к пустыннику, он спросил:

— Как ваше имя?

На голове пустынника был надет капюшон. Он

приподнял его слегка и ответил тихо, так, что его мог слышать только император.

— Имя человека, который очень счастлив, что Ваше Величество подали ему руку.

Император вздрогнул и отступил, потом, овладев собою, повернулся к офицерам и сказал:

— Господа, я вас прошу подняться до часовни… Может быть, оттуда могут скатиться еще глыбы… осмотрите, пожалуйста… тогда надо будет предупредить кого следует, чтобы устранили опасность. Потом мы отправимся дальше.

И он отошел с пустынником в сторону. Когда они остались одни, он спросил:

— Почему вы здесь?

— Мне надо было сообщить нечто Вашему Величеству, и я не знал как. Просить аудиенцию? Но едва ли она была бы мне предоставлена. И я решил действовать прямо, надеясь, что Ваше Величество узнает меня, когда будет расписываться в книге, но этот несчастный случай…

— В чем же дело? — спросил император.

— Письма, которые вам вручил Вольдемар от моего имени, поддельные.

Император удивленно посмотрел на него:

— Вы в этом уверены?

— Совершенно, Ваше Величество.

— Но этот Мальрейх…

— Убийца не Мальрейх.

— Кто же тогда?

— Я прошу, Ваше Величество, считать мой ответ строго конфиденциальным: убийцей была госпожа Кессельбах.

— Жена Кессельбаха?

— Да, государь. Она умерла теперь. Это она сделала или заказала кому-нибудь сделать копию писем, находящихся в вашем распоряжении. Подлинные же письма она оставила у себя.

— Но где же они? — воскликнул император. — Это очень важно. Надо найти их во что бы то ни стало. Я придаю очень большое значение…

— Вот они, Ваше Величество.

Император посмотрел на него изумленно, потом перевел взгляд на письма, потом опять на Люпена и, не рассматривая, спрятал пакет в карман.

Этот человек совершенно сбивал его с толку. Вор, авантюрист, владея таким сильным оружием, как эти письма, великодушно отдавал их без всяких условий. Было бы гораздо проще оставить их у себя и воспользоваться ими по своему усмотрению.

Нет, он обещал и считал долгом сдержать свое

слово.

И император вспомнил о тех удивительных делах, которые совершил этот человек. Он сказал ему:

— В газетах было сообщено о вашей смерти.

— Да, Ваше Величество. Действительно, я считаюсь умершим. Правительство моего отечества было очень радо отделаться от меня и похоронить мой обугливший неузнаваемый труп.

— Следовательно, вы свободны?

— Как и всегда.

— Ничто вас более не связывает?

— Ничто!

— В таком случае…

Император колебался одну минуту, потом решительно сказал:

— В таком случае поступайте ко мне на службу. Я предлагаю вам начальство над моей личной полицией. Вам будет подчинена и общая полиция.

— Нет, Ваше Величество.

— Почему?

— Я — француз.

Наступило молчание. Ответ понравился императору. Немного погодя он спросил:

— Но теперь нет никакой связи между вами и…

— Эта связь никогда не может прерваться, Ваше Величество. — И добавил смеясь: — Я умер как человек, но жив как француз. Я уверен, что Ваше Величество поймет мои чувства.

Император прошелся немного, потом сказал:

— Но я не хотел бы остаться вашим должником. Я знаю, что переговоры относительно великого герцогства прекращены.

— Да, Ваше Величество. Пьер Ледюк оказался самозванцем. Он умер.

— Что же я могу сделать для вас? Вы возвратили мне эти письма… Вы спасли мне жизнь. Что вы хотите?

— Ничего, Ваше Величество.

Император последний раз посмотрел на этого странного человека, который держался с ним как с равным. Потом слегка кивнул и, не говоря ни слова, удалился.

Люпен взобрался по тропинке к часовне и остановился там, где оторвалась скала.

Он рассмеялся:

— Работа хорошо сделана, и офицеры Его Величества ничего не заметили… Да и как им могло прийти в голову, что я сам работал над этой глыбой. И в последнюю секунду дал решительный удар киркой, чтобы эта скала скатилась к скамье, где стоял император, жизнь которого мне нужно было спасти.

Он вошел в часовню и открыл особым ключом низкую дверь в небольшую ризницу. На соломе лежал человек со связанными руками и ногами, с заткнутым ртом.

— Ну, пустынник, тебе не очень долго пришлось ждать? Всего только двадцать четыре часа… но зато я потрудился для тебя в это время. Представь, что ты спас жизнь императору. Это покроет тебя

славой. Тебе построят собор и воздвигнут памятник. На, получай, вот твоя одежда.

Ослабевший от голода, недоумевающий пустынник встал, шатаясь. Люпен быстро переоделся и сказал ему:

— Прощай, почтенный старец. Извини меня за беспокойство. И молись за меня. Я нуждаюсь в этом. Вечность широко раскрывает передо мною свои ворота. Прощай.

Он остановился на несколько секунд на пороге часовни. Это были торжественные мгновения, когда человек невольно колеблется перед последним шагом. Но его решение было бесповоротно, и, не раздумывая больше, он сбежал по тропинке на площадку скалы Тиберия и перешагнул через перила.

— Ах, Долорес, если бы ты не вмешалась… А ты, Мальрейх, отчего ты не защищался… И ты, Пьер Ледюк… Ну вот… Я готов… Последую за тремя убитыми мною людьми. О, Женевьева, дорогая Женевьева…

Он посмотрел на неподвижное море внизу и поднял голову:

— Прощай, природа! Прощай, красота! Прощай, жизнь!..

И, скрестив руки, прыгнул.

II

Сиди-Бель-Аббес.

Казармы Иностранного легиона[17].

Около кабинета командующего — маленькая комната, в которой сидит адъютант с папиросой и читает газету.

Рядом с ним у открытого окна стоят два здоровенных унтер-офицера и говорят на грубом французском жаргоне, примешивая немецкие слова.

Открылась дверь. Вошел человек невысокого роста, стройный, изящно одетый.

Адъютант встал, недовольный его приходом, и проворчал:

— Какого черта там смотрит стража! Что вам угодно?

— Служить, — сказал человек твердым, резким голосом.

Два унтер-офицера рассмеялись. Незнакомец оглянулся на них.

---

[17] Notes: 17

Иностранный легион во Франции был создан в 1831 г. в целях использования его в колониальных войнах в странах Африки и Азии; комплектовался из иностранцев. От зачисляемых в Иностранный легион, как правило, не требовали никаких документов, поэтому среди наемников было много тех, у кого были проблемы с законом.

— То есть вы желаете поступить в Легион?

— Да, но с условием.

— Условия? Какие же?

— Один из отрядов выступает в Марокко. Я желаю отправиться с ним.

Один из унтер-офицеров, продолжая смеяться, сказал:

— Марокканские войска, пожалуй, испугаются, если…

— Молчать! — закричал человек сухим и властным тоном. — Я не позволю смеяться над собой.

Унтер-офицер, здоровенный мужчина со зверским видом, огрызнулся:

— Э, мой милый, со мною нельзя так разговаривать, а то…

— Что же «а то»?

— А то я тебе покажу…

Человек подошел к нему, резким движением оторвал его от пола и выбросил в окно.

Потом обратился к другому:

— Очередь за тобою, уходи!

Унтер-офицер молча ушел. Тогда он подошел к адъютанту и сказал:

— Господин лейтенант, будьте любезны доложить майору, что дон Луис Перенна, гранд Испании и француз душою, желает поступить в

Иностранный легион. Идите, мой друг.

Адъютант смотрел на него с удивлением.

— Идите и доложите сейчас же, у меня нет времени.

Адъютант встал, посмотрел на этого странного человека и, не говоря ни слова, вышел.

Арсен Люпен закурил папиросу, сел на место адъютанта и сказал:

— Так как море не захотело принять меня или, вернее, я в последний момент отказался от моря, то посмотрим, как отнесутся ко мне марокканские пули. Да это и лучше… Вперед на врага, Люпен, за Францию!..

